

ISSN 2227-2844

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 24 (283) ГРУДЕНЬ

2013

ВІСНИК

ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

№ 24 (283) грудень 2013

Засновано в лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію:
серія КВ № 14441-3412ПР,
видане Міністерством юстиції України 14.08.2008 р.

Збірник наукових праць внесено
до переліку наукових фахових видань України
(філологічні науки)
Постанова президії ВАК України від 18.11.2009 р. № 1-05/5

Журнал включено до переліку видань реферативної бази даних
«Україніка наукова» (угода про інформаційну співпрацю
№ 30-05 від 30.03.2005 р.)

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка
(протокол № 4 від 29 листопада 2013 р.)

Виходить двічі на місяць

Засновник і видавець –
ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Головний редактор – доктор педагогічних наук, професор **Курило В. С.**

Заступник головного редактора –

доктор педагогічних наук, професор **Савченко С. В.**

Випускаючі редактори –

доктор історичних наук, професор **Бурьян М. С.**,
доктор медичних наук, професор **Виноградов О. А.**,
доктор філологічних наук, професор **Галич О. А.**,
доктор філологічних наук, професор **Глуховцева К. Д.**,
доктор педагогічних наук, професор **Горошкіна О. М.**,
доктор сільськогосподарських наук, професор **Конопля М. І.**,
доктор філологічних наук, професор **Синельникова Л. М.**,
доктор педагогічних наук, професор **Харченко С. Я.**

Редакційна колегія серії «Філологічні науки»:

доктор філологічних наук, професор **Блохіна Н. Г.**,
доктор філологічних наук, професор **Галич В. М.**,
доктор філологічних наук, професор **Глуховцева К. Д.**,
доктор філологічних наук, професор **Гриценко П. Ю.**,
доктор філологічних наук, професор **Зеленько А. С.**,
доктор філологічних наук, професор **Фоменко В. Г.**,
доктор філологічних наук, професор **Дмитренко В. І.**,
доктор філологічних наук, професор **Синельникова Л. М.**,
доктор філологічних наук, професор **Трошева Т. Б.**,
доктор філологічних наук, професор **Червинський П. П.**

РЕДАКЦІЙНІ ВИМОГИ

до технічного оформлення статей

Редколегія «Вісника» приймає статті обсягом 4 – 5 сторінок через 1 інтервал, повністю підготовлених до друку. Статті подаються надрукованими на папері в одному примірнику з додатком диска. Набір тексту здійснюється у форматі Microsoft Word (*.doc, *.rtf) шрифтом № 12 (Times New Roman) на папері формату А-4; усі поля (верхнє, нижнє, правє й лівє) — 3,8 см ; верхній колонтитул — 1,25 см , нижній — 3,2 см .

У верхньому колонтитулі зазначається: Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка № ** (***) , 2012.

Статті у «Віснику» повинні бути розміщені за рубриками.

Інформація про УДК розташовується у верхньому лівому кутку без відступів (шрифт нежирний). Ініціали і прізвище автора вказуються в лівому верхньому кутку (через рядок від УДК) з відступом 1,5 см (відступ першого рядка), шрифт жирний. Назва статті друкується через рядок великими літерами (шрифт жирний).

Зміст статті викладається за планом: постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями; аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання цієї проблеми та на які спирається автор; виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, яким присвячується ця стаття; формулювання цілей статті (постановка завдання); виклад основного матеріалу дослідження з певним обґрунтуванням отриманих наукових результатів; висновки з цього дослідження й перспективи подальших розвідок у цьому напрямку. Усі перелічені елементи повинні бути стилістично представлені в тексті, але графічно виділяти їх не треба.

Посилання на цитовані джерела подаються в квадратних дужках після цитати. Перша цифра — номер джерела в списку літератури, який додається до статті, друга – номер сторінки, наприклад: [1, с. 21] або [1, с. 21; 2, с. 13 – 14]. Бібліографія і при необхідності примітки подаються в кінці статті після слова «Список використаної літератури» або після слів „Список використаної літератури і примітки” (без двокрапки) у порядку цитування й оформляються відповідно до загальноприйнятих бібліографічних вимог. Бібліографічні джерела подаються підряд, без відокремлення абзацем; ім'я автора праці (або перше слово її назви) виділяється жирним шрифтом.

Статтю закінчують 3 анотації обсягом 15 рядків (українською, російською) та 22 рядки (англійською) мовами із зазначенням прізвища, ім'я та по-батькові автора, назви статті та ключовими словами (3 – 5 термінів).

Стаття повинна супроводжуватися рецензією провідного фахівця (доктора, професора).

На окремому аркуші подається довідка про автора: (прізвище, ім'я, по батькові; місце роботи, посада, звання, учений ступінь; адреса навчального закладу, кафедри; домашня адреса; номери телефонів (службовий, домашній, мобільний).

КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЗМІСТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1.	Синельникова Л. Н. Пиарология как наука о закономерностях моделирования социальных коммуникаций	6
2.	Джинджолия Г. П. Образные обозначения времени и их трансформация (на материале поэзии Б. Пастернака).....	17
3.	Соболева И. А. О семантико-понятийной соотнесенности и «конкуренции» понятий <i>арго</i> — <i>жаргон</i> — <i>сленг</i> — <i>социолект</i>	24
4.	Розсоха В. А. Маркеры пародийного дискурса (на материале сборника «Парнас дыбом»).....	32
5.	Минаева Э. В., Пономарева Т. А. Концепт «Дом» в современном поэтическом тексте	45
6.	Грищенко Е. В. Лингвоэкология: поддержание равновесия концептосферы....	55
7.	Sinelnikova L. N., Dzhindzholiya G. P., Grischenko E. V. The triad «Style. Text. Discourse»: paradigmatic relations (Article 1. Functional stylistics).....	62
8.	Масленников И. С. Дискурс обратной связи в различных контекстных условиях..	68
9.	Розсоха А. В. Лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко (на материале рассказа «Нянька»).....	79
10.	Эсаулова И. А. Категория неопределенности в проекции на личность в ее этических проявлениях	89
11.	Матросова И. В. Гендерно обусловленные различия в жанре эссе.....	97
12.	Фомберг О.А. Семантико-прагматический анализ компьютерного сленгизма «смайлик».....	105

НАШИ ГОСТИ

13.	Трошева Т. Б. Русские пословицы аграрной тематики и их роль в профессиональной коммуникации (Краснодар, Кубанский государственный аграрный университет).....	113
-----	--	-----

14.	Бик І. С., Кучик Г. Б. Наукові підходи до визначення поняття <i>політичний дискурс</i> (Львівський національний університет імені Івана Франка).....	120
15.	Барінова О. В. Лексикографическое представление клишированных колоративов русского языка (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара).....	128
16.	Сунчица Дениї Нова српска књижевност Косова и Метохије.....	136
17.	Стана Смильковиї Српска савремена литература у балканском контексту.....	148

ХРОНИКА

18.	Минаева Э. В. XII Международная конференция «Дискурсология: язык, культура, общество» (Луганск, 18 — 19 апреля 2013г.).....	160
-----	--	-----

РЕЦЕНЗИИ

19.	Синельникова Л. Н. Пётр Червинский. Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц. (Тернополь: Крок, 2012).....	162
	Відомості про авторів	170

**КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

УДК [659.4:316.772.4]:001.893.54

Л. Н. Синельникова

**ПИАРОЛОГИЯ КАК НАУКА О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ
МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Статья посвящена рассмотрению 4-х тем, каждая из которых имеет компонент проблемности, объясняемый междисциплинарностью пиарологии как новой области гуманитарного знания, находящейся, к тому же, в процессе становления.

Цель статьи — систематизация достигнутого знания в области связей с общественностью, экспликация возможностей принципа междисциплинарности, реализующегося в PR-дискурсе, определение некоторых перспектив развития этого типа дискурса.

Легитимация пиарологии

Связи с общественностью (публик рилейшнз, PR, пиар) — востребованная сфера деятельности во всём мире, утвердившаяся как необходимая для современного общества система взаимосогласованных действий (акций) разного формата. Начальный период формирования пиарологии как особой области знания относится к концу 20 века и связан по большей части с опытом организации связей с общественностью, накопленным в разных странах и учитывающим этапы формирования демократического общества и рыночных отношений в других государствах. Очень быстро появляются многочисленные переводы книг, написанных зарубежными идеологами пиара, и декларируемые в них принципы без особых обсуждений кладутся в основу первоначальных организационных действий по связям с общественностью. Настойчиво рекомендуется осваивать зарубежный управленческий опыт и соответствующие ему коммуникативные технологии. Однако чужие предпочтения далеко не всегда соответствуют ментальным особенностям другого государства и не всегда укладываются в привычные общественные практики. Несмотря на обилие пособий, мышление по поводу собственного положения вещей и в настоящее время остаётся некогерентным (фрагментарным, разрозненным), терминология не систематизированной, не до конца осмысленной на отечественной почве, не соотнесённой с собственными культурно-оценочными стереотипами, нормами и практиками.

Несовпадение оценок назначения связей с общественностью и стратегий действия отмечается уже на начальном этапе внедрения PR в

жизнь общества. Автор книги «Паблик рилейшнз. Что это такое?» ввёл в общественное сознание широко цитируемую дефиницию: Паблик рилейшнз — это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания и информированности [1]. И в противовес мнению оппонента: «Для конкурирующих идей ... «гармония» начинает приобретать кдадбищенский оттенок. ... Как раз на устранение «гармонии» и направлено острие PR». И далее: «Взаимопонимание» же следует понимать как убеждение большинства (с помощью как рациональных, так и иррациональных методов) в том, что ты прав» [2, с. 31]. Говорят, что между двумя противоположными мнениями находится истина. Как показало время, между противоположными мнениями располагается множество проблем. Этические нормы классического пиара: честность, правдивость с целью обеспечения общественной гармонии и понимания — всё ещё не утвердились в нашем обществе.

«Связи с общественностью» сегодня — универсальная, освоенная большинством государств мира объёмная гуманитарная дисциплина, получившая собственную нишу в системе фундаментально-прикладного знания об обществе, закреплённую номинацией «Пиарология». Пиарология основывается на реальной междисциплинарности — синтезе философского, психологического и лингвистического знания в «расширенном» представлении последнего через привлечение данных дискурсологии, когнитивной лингвистики, концептологии, социолингвистики, управленческой риторики, коммуникативистики, стилистики, лингвистической гендерологии. Будучи комплексной дисциплиной, пиарология активно применяет и интегрирует данные теории коммуникации, социальной психологии, общей психологии, социологии, политологии, менеджмента, этики.

Связи с общественностью — развивающееся, динамичное знание, в пространстве которого всегда есть место для форсайта и новых «дорожных карт», основывающихся на поиске инновационных действий и сопутствующих им теоретических обобщений.

Пиарология — наука о закономерностях, принципах и технологиях формирования и реализации социальных коммуникативных практик. *Объект* — социальная реальность, совокупность социальных коммуникативных практик, *предмет* — закономерности, принципы и технологии организации взаимодействий между социальными субъектами и их целевыми группами.

Появление обобщающих исследований методологического характера свидетельствует о наступлении нового этапа в осмыслении сути связей с общественностью. Профессиональное мышление о PR связано с формированием философии управления коммуникациями. Философская верификация связей с общественностью представлена в работах И.П. Кужелевой-Саган [3]; [4]. Автор рассматривает вопросы становления научного знания о связях с общественностью с позиций

универсально-эволюционного и коммуникативного подходов. Постнеклассическая парадигма менеджмента строится на концепциях, признающих приоритет мотиваций адресата, значимость межличностных связей, необходимость формирования коммуникативной культуры в контексте целенаправленных управленческих (организационных) действий [5, с. 20–34].

Эпистемологический статус PR-коммуникаций основывается на описанном в многочисленных философских и лингвистических исследованиях «принципе значимого другого». Основа эффективной коммуникации — взаимопонимание, которое возникает тогда, когда собеседники говорят на одном (понятном обоим сторонам) языке и оперируют одинаковыми познавательными-оценочными категориями, вследствие чего происходит «встраивание» информации в коммуникативный опыт адресата.

Дискурсивный подход и дискурсивный анализ PR-коммуникаций способен обеспечить комплексность эмпирических наблюдений и теоретических обобщений.

**Феномен PR-дискурса. Синхронность процессов
институционализации и накопления признаков преодоления
институционализации**

Степень когерентности знания о природе и оптимальных формах организации связей с общественностью находится едва ли не в прямой зависимости от достижений в области дискурсологии. Без дискурсивного подхода пиарология как система связей с общественностью вряд ли могла оформиться в самостоятельную область научного знания. Спектр дискурсивных действий акторов PR велик: создание информационного пространства с установкой на коммуникативное взаимодействие с общественностью, моделирование коммуникативных событий с учётом социально-экономической ситуации и ожиданий адресата, учёт докоммуникативных и посткоммуникативных процессов и многое другое. PR-дискурс складывался постепенно, и его признаки соответствовали конкретным социально-экономическим условиям.

Рассмотрение PR-деятельности как дискурсивной не имеет большой истории. Однако в последнее десятилетие наблюдается активность формирования научных школ, ориентированных на дискурсивный подход в пиарологии. Так, представители уральской школы дискурс-исследований В.М. Русаков и О.Ф. Русакова рассматривают PR-дискурс в контексте широкого круга проблем развития дискурсологии как новой отрасли знания и социальной технологии. Структуру и функции PR-дискурса учёные связывают с его природой — отражением особенностей общественной жизни. Более того, PR-действия сами способны оказывать влияние на общественную жизнь и даже формировать признаки общественной жизни. PR-дискурс рассматривается не просто как отрасль дискурсологии, а как вполне самостоятельное дискурсивное образование по следующим признакам:

коммуникативно-семиотическому (способы означивания феноменов реальности, на основе которых формируются позиции и мнения в общественном коммуникативном пространстве и осуществляется конкурентная борьба), кратологическому (осуществление самопрезентации, легитимации, идентификации, конструирование и продвижение образов реальности) и структурно-аналитическому (конструирование знаково-символического пространства, формирование у социальных субъектов ментальных образов и оценочных матриц) [6, с. 9].

PR-дискурс демонстрирует способы реализации стратегических задач с помощью интерактивных форм общения, проявленных как в устной, так и письменной формах, с помощью вербальных и невербальных средств, и представляет собой речевой поток согласованных с PR-целями и PR-задачами действий: информировать так, чтобы убедить, снять альтернативность выбора в условиях остро конкурентной среды.

Когнитивное направление в описании дискурса основывается на моделировании деятельности субъектов речи, выявлении механизмов интерактивности. Успешность коммуникации зависит от знаний общающихся относительно предмета речи, от установок адресанта и от того, как эти установки декодируются адресатом. Не случайно внимание специалистов по связям с общественностью к ментальным особенностям адресата, без знания и понимания которых невозможно в современных условиях достичь успеха. Новые подходы и новые коммуникативные тактики специалисты связывают с необходимостью сегментирования аудитории по психотипам, жизненным целям, мировосприятию и т. д.

Преобразование гипотетического адресата в актуального — один из наиболее показательных признаков PR-дискурса. Этот признак отражается в устройстве PR-текстов разных форматов и проявляется в выборе не только лексических средств, но и в грамматических предпочтениях: конфигурации местоимений, особой организации видо-временных форм глагола, их активной транспозиции, сочетании личных и безличных предложений — эти показатели есть основание включать в дискурс-анализ PR-коммуникаций.

PR-дискурс сегодня имеет все признаки институциональности: статусную ориентированность, стратегическую цель (управление коммуникативными процессами с целью создания положительного впечатления), систему PR-текстов, ориентированных на определённую коммуникативно-информационную модель. «Институциональные дискурсы специфичны не только условиями регламентированного производства знания, особым образом иерархизированными участниками, специальной «телеологией», но и кодом, который в единстве своих семантических, синтаксических и прагматических характеристик нацелен на достижение институциональными акторами определённых целей» [7, с. 62].

В новых социально-экономических условиях формируется *инновационный менеджмент* — идёт накопление признаков «новой» институциональности. Обозначим специфику признаков институциональности PR-дискурса, опираясь на алгоритм (схему) описания институционального дискурса, введённый в научную практику В.И. Карасиком [8, с. 251].

Типовые участники: число участников PR-дискурса практически не ограничено. Исчислимы адресанты PR-коммуникаций: организации, люди, формирующие PR-сценарии в разных форматах и жанрах. Адресат варьируется от всей общественности до целевой референтной группы. При этом демаркационная линия между группами адресата отсутствует, поскольку информационные потоки PR усиливают друг друга, транслируются СМИ, имеющими неограниченную аудиторию. Число действующих лиц, организующих PR-коммуникации, увеличивается в связи с необходимостью расширения сфер и способов влияния на определённые группы общественности.

Хронология PR-дискурса, в отличие от педагогического, религиозного, научного, медицинского, не имеет чёткой очерченности. Топохронные параметры PR-действий могут определяться региональными, общегосударственными и даже общемировыми проблемами.

Ценности связаны с достижением успеха в условиях конкурентной среды, что объясняет специфику моделирования культурных концептов, таких как правда, справедливость, демократия, успех, престиж и под., часть из которых в ряде PR-коммуникаций (прежде всего рекламного и политического характера) приобретает характер симулякра.

Коммуникативные стратегии PR основываются на приёмах самопозиционирования, возвышения имиджа, отстройки от конкурентов. В коммуникативных стратегиях и тактиках PR в качестве информационного канала и коммуникативных указателей используются мифы, стереотипы и ритуалы, организуются вымышленные причинно-следственные связи, в результате чего действительность в разных пропорциях и с помощью разных композиционно-риторических средств соединяется с вымыслом.

Для PR-дискурса характерна инсценируемая прагматика — создание искусственных событий, ситуаций, новостей; опережение оценок, их приписывание гипотетическому адресату. Речевое воздействие в PR-коммуникациях планируется, отсюда — регулярность и универсальность форм персуазивного дискурса.

Жанры. Принято рассматривать PR-дискурс как гибрид, механически сформированный на основе рекламного, маркетингового и медиадискурса. При безусловной связи с названными дискурсивными разновидностями PR-дискурс имеет собственный «интерфейс»: этот тип дискурса ориентирован на реализацию конвергентной стратегии,

складываючоїся из позиціонування, ідентифікації, впливу, максимального уваги к адресату, вистраивання особих адресант-адресатних відносин на основі урахування очікувань, потребностей визначених груп громадськості з неперемінним урахуванням мовних переваг адресата. Ідентифікація і позиціонування — основні управлінські стратегії PR, реалізація яких потребує всіх нових і нових переконувальних і привертальних увагу жанрово-мовних дій.

Аспектні методи дослідження і їх роль в дискурс-аналізі

Методи дослідження матеріала, значимого для систематизації проблем психології, різні і відображають, з однієї сторони, різні етапи осмислення проблем зв'язей з громадськістю, з іншої — демонструють можливості включення в психологію досягнень наук, важливих для дискурсивного знання. *Дискурсивне знання* — це знання багато: соціальної ситуації, очікувань адресата, розуміння можливостей задоволення такого роду очікувань, а також знання того, як о бажаному сказати, щоб бути вислуханим і привертальним.

Міждисциплінарність PR в повній мірі проявлена 1) в комплексі методів аналізу стану громадського свідомості, мотивацій людського поведінки в контексті соціально-економічних проблем і 2) в використанні отриманих даних в дискурс-аналізі.

Моніторинг в PR — це проведення аналізу СМІ, стилю письма, манери викладу матеріала, в'яснення того, хто стоїть за тем або іншим виданням, за тією або іншою публікацією. В цьому випадку корисні *методи контент- і інтенс-аналізу*. *Конверсаційний аналіз (КА)* націлений на вивчення умов зміни мовних дій. Мета традиційного етнометодологічного КА — соціологічне описання і пояснення соціально активних взаємодій і їх організації, аналіз діалогів з точки зору соціальних параметрів: рівні по статусу партнери або не рівні, начальник — підпорядкований, регламентоване — нерегламентоване спілкування. *Метод імпакт-медіа (impact-media)* дозволяє виміряти рівень довіри к медіа-інформації. Існують комунікаційні агентства підтримки зв'язей з пресою (*Impactmediapr*), мета яких — розробка медіаплану ефективного комунікації між брендом і споживачем на основі інноваційних стратегій впливу на цільові аудиторії. *Impact Meter* — метод вимірювання динаміки сприйняття аудіовізуальної інформації, реклами, публічних виступів і т. д. При цьому враховується як вербальна, так і невербальна реакція респондентів. *Метод прес-кліпінга* допомагає провести аналіз великої кількості публікацій в СМІ (печатних і Інтернет-СМІ), в яких згадується компанія, послуга, знакові особи і т. д. *Метод головних компонент* дозволяє

сжать объём информации, упростить счёт с тем, чтобы получить представление об основных признаках социальных явлений. Этот метод используется в описании результатов опросов, в построении модели социальных явлений. Не исключено, что результаты метрической обработки данных могут быть полезны копирайтерам в их поиске ключевых слов для PR-текстов, рекламных слоганов и т. д. *Метод анализа ситуаций (кейс-метод)* направлен на анализ конкретной ситуации с целью выработки оптимальных консалтинговых действий по формированию коммуникационной среды организации.

PR-коммуникации могут быть динамичными и гибкими при условии многофакторного анализа общественного мнения, мотивов, предпочтений адресата, оптимальных (выигрышных) средств воздействия и профессионального включения полученного аналитического материала в дискурс-анализ. *Дискурс-анализ* даёт возможность обозначить некую целостность PR-коммуникаций — будь это содержательная структура PR-текстов или любые другие коммуникативные действия по организации эффективных связей с общественностью.

Многофакторный анализ предпочтений, мотивов и уровней взаимодействия с адресатом интегрируется в дискурс-анализ, что позволяет системно анализировать типы и характер оценок, специфику аргументов, используемых для выражения позиции по определённому вопросу, даёт возможность выявить назначение применяемых риторических приёмов (прямое или косвенное говорение, антифразис, ирония, гипербола и т. д.), идентифицировать речевые структуры правды, лжи, приёмы манипуляции, демагогии, описать формы представленности *другого*, отношения к нему (способы вторжения в ментальную сферу *другого* через цитирование, толкование поступков и высказываний) и т. д.

Дискурсивные факторы влияют на все языковые уровни — от фонетики до синтаксиса. PR-дискурс проявляет специфику референциального выбора, гетерономинативности (слова могут относиться к одному и тому же денотату, но выражать разное отношение к предмету речи, к собеседнику, к социальному контексту), характер оценочности (приоритет социальных ценностей), предпочтения определённых грамматических форм, стилистических средств и риторических приёмов. Все уровневые показатели PR-дискурса пребывают в динамике, они зависят от типа PR-текста, статусных признаков адресата, канала коммуникации, имиджевых притязаний организации и т. д.

Дискурс-анализ с его нацеленностью на аналитическое описание разнообразных коммуникативных действий даёт возможность обозначить и типологизировать множество категорий, сценариев, фреймов как фиксированных отношений между субъектами речи в повторяющихся ситуациях общения. Особо значимым в анализе PR-дискурса оказывается когнитивный фактор: структуры репрезентации

знания, способы когнитивной обработки информации, которая должна стать достоянием общественности.

Интегрированные маркетинговые коммуникации как формат развития (эволюции) PR-дискурса

Для организации новых форм управления нужны новые форматы действий и новые модели коммуникативного поведения. Интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК, англ. IMC — integrated marketing communications) — одно из свидетельств эволюционных процессов в области маркетинговых коммуникаций. ИМК — концепция совместного использования всех видов социально ориентированных коммуникативных действий, объединённых единой целью. Коммуникации организуются в едином сценарном пространстве, дополняют друг друга при сохранении ключевой стратегической позиции.

ИМК — это особый маркетинговый дискурс, основывающийся на сращивании форматов. Полный набор маркетинговых коммуникаций включает: рекламу, цель которой — создание образа товара (услуги) и доведение его до адресата; сейл-промоушн — побуждение к совершению покупок, стимулирование работы всей сети — от товаропроизводящей до дилерской; собственно пиар — мероприятия по созданию благоприятного общественного мнения; директ-маркетинг — установление долгосрочных коммуникаций, директ-мейл — прямую почтовую рассылку и многое другое. Создаётся поток информации из единого источника и обеспечивается многостороннее взаимодействие с группами, важными для реализации стратегии PR-действий. Копирайтеры, спичрайтеры и другие PR-исполнители обеспечивают вербальную интенсивность информационного потока, добавляя к числу признаков PR-дискурса свойство эвалютивности — презентационной оценочности и креативности.

ИМК представляют собой особого рода стратегию — систему согласованных тактических приёмов с установкой на достижение результата и имеют свои правила, законы развития, свой язык [9]. Лингвистические проявления ИМК нам видятся в языковой реализации когнитивной программы действий, позволяющих переводить потребителя от незнания к осведомлённости, далее к знанию и, при условии профессионального менеджмента, к благорасположению, обеспечивающему успех. При этом всё чаще вербальная деятельность приобретает системный характер во взаимодействии с невербальными средствами. Поликодовость и креализованность относятся к числу признаков современного PR-дискурса.

PR-дискурс сегодня — это открытая, самоорганизующаяся когнитивная система, отражающая общие тенденции в развитии коммуникативных процессов и их специфические проявления в условиях особого внимания к стратегиям воздействия. Пиарология и PR-дискурс находятся в отношениях жёсткой корреляции: без анализа признаков PR-

дискурса в их теоретическом осмыслении на основе систематизации эмпирического материала пиарология не может получить полноценного статуса научной дисциплины.

Список использованной литературы

- 1. Блэк Сэм.** Паблик рилейшнз. Что это такое? / Сэм Блэк. — М. : Новости, 1989. — 240 с.
- 2. Арнольд Ник.** Тринадцатый нож в спину российской рекламе и public relations / Ник. Арнольд. — М. : Топ-Медиа, 1997. — 223 с.
- 3. Кужелева-Саган И. П.** Пиарология: постнеклассическая проекция новой науки / И. П. Кужелева-Саган // Коммуникативные практики в современном обществе [сб. статей] / [под ред. В. В. Васильковой, И. Д. Демидовой]. — СПб., 2008. — 344 с.
- 4. Кужелева-Саган И. П.** Научное знание о связях с общественностью (PR): философский анализ / И. П. Кужелева-Саган. — М. : Изд-во «Либроком», 2011. — 464 с.
- 5. Клягин С. В.** Игра в «классики»: методология PR-коммуникации и динамика научных парадигм / С. В. Клягин, Е. Н. Осипова. — СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. — С. 20—34.
- 6. Русакова О. Ф.** PR-дискурс: теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. — Екатеринбург : Уро РАН, Институт международных связей, 2008. — 340 с.
- 7. Кожемякин Е.** Лингвистические стратегии институциональных дискурсов / Е. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. — Вып. 3 (2011). — С. 62—69. — Режим доступа к ресурсу: www.discourseanalys.org.
- 8. Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
- 9. Синельникова Л. Н.** Интегрированные маркетинговые коммуникации / Л. Н. Синельникова // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме [материалы Третьей международной научной конференции]. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2012. — С. 55—58.

Синельникова Л. М. Пиарология як наука про закономірності моделювання соціальних комунікацій

Пиарология — наука про закономірності, принципи і технології формування та реалізації соціально значущих комунікативних практик. Мета статті — систематизація досягнутого знання в галузі зв'язків з громадськістю. У статті розглядаються 4 теми, кожна з яких є носієм проблемності, оскільки пиарология — нова галузь гуманітарного знання, яка ґрунтується на реальній міждисциплінарності і яка знаходиться в процесі становлення.

Тема 1 — «Легітимація пиарології» включає коротку історіографію «Паблік рилейшнз» (зв'язків з громадськістю) та аналіз нових теоретичних підходів до визначення предмету та об'єкту дослідження. Теоретичне знання істотно просунулося завдяки

формуванню філософії управління, основним принципом якої є принцип «значущого іншого» (звідси увага до ментальних особливостей адресата, до поведінкових переваг, в тому числі — мовних) . Показано роль нових теорій в організації ефективних комунікацій. **Тема 2** — «Феномен PR-дискурсу. Синхронність процесів інституалізації та накопичення ознак подолання інституалізації» присвячена опису ознак PR-дискурсу, з одного боку, який володіє ознаками інституційності, з іншого — представляє собою підвищено динамічну, відкриту для інновацій структуру. **Тема 3** — «Аспектні методи дослідження та їх роль у дискурс-аналізі» орієнтує на комплексність методів дослідження суспільної свідомості і соціально значущих мовних практик. Визначається специфіка дискурс-аналізу соціальних комунікацій. **Тема 4** — «Інтегровані маркетингові комунікації як формат розвитку (еволюції) PR- дискурсу» намічає деякі перспективи розвитку піарології.

Ключові слова: піарологія, паблік рілейшнз (зв'язки з громадськістю), соціальні комунікації, PR-дискурс, інституційність, філософія менеджменту, принцип «значущого іншого», комунікація, інноваційний менеджмент, інтегровані маркетингові комунікації.

Синельникова Л. Н. Пиарология как наука о закономерностях моделирования социальных коммуникаций

Пиарология — наука о закономерностях, принципах и технологиях формирования и реализации социально значимых коммуникативных практик. Цель статьи — систематизация достигнутого знания в области связей с общественностью. В статье рассматриваются 4 темы, каждая из которых является носителем проблемности, поскольку пиарология — новая область гуманитарного знания, основывающаяся на реальной междисциплинарности и находящаяся в процессе становления.

Тема 1 — «Легитимация пиарологии» включает краткую историографию «Паблик рилейшнз» (связей с общественностью) и анализ новых теоретических подходов к определению предмета и объекта исследования. Теоретическое знание существенно продвинулось благодаря формированию философии управления, основным принципом которой является принцип «значимого другого» (отсюда внимание к ментальным особенностям адресата, к поведенческим предпочтениям, в том числе — речевым). Показана роль новых теорий в организации эффективных коммуникаций. **Тема 2** — «Феномен PR-дискурса. Синхронность процессов институализации и накопления признаков преодоления институализации» посвящена описанию признаков PR-дискурса, с одной стороны, обладающего признаками институциональности, с другой — представляющего собой повышенно динамичную, открытую для инноваций структуру. **Тема 3** — «Аспектные методы исследования и их роль в дискурс-анализе» ориентирует на комплексность методов исследования общественного сознания и социально значимых речевых практик. Определяется

специфика дискурс-анализа социальных коммуникаций. **Тема 4** — «Интегрированные маркетинговые коммуникации как формат развития (эволюции) PR-дискурса» намечает некоторые перспективы развития пиарологии.

Ключевые слова: пиарология, публик рилейшнз (связи с общественностью), социальные коммуникации, PR-дискурс, институциональность, философия менеджмента, принцип «значимого другого», коммуникация, инновационный менеджмент, интегрированные маркетинговые коммуникации.

Sinelnikova L. M. PR Science As a Science of Principles of Social Communication Modeling

PR Science is a science of principles, patterns and formation technologies in the realization of socially significant communicative practices. The purpose of the article is to systematize knowledge in the field of public relations. Four topics are examined in the article, and each one is problematic, as PR Science is a new humanitarian field, which is based on a real interdisciplinarity and appears to be in the process of formation. **Topic 1** — «Legitimation of PR Science» includes a brief historiography of «Public Relations» and analysis of new theoretical approaches to define the research object and research subject. Theoretical knowledge significantly increased due to the formation of the management philosophy, the main concept of which is the concept of «significant other» (hence attention is paid to addressee mental peculiarities, behavioral preferences, including speech ones). The role of new theories in the effective communication organization is described. **Topic 2** — «Phenomenon of PR-discourse. Synchronism of institutionalization processes and accumulation of features of prevention of institutionalization» is dedicated to the description of PR-discourse features, which, on the one hand, has institutionalization features, but on the other hand, appears to be increasingly dynamic, open for innovations structure. **Topic 3** — «Aspect methods of the research and their role in the discourse-analysis» orient towards the integration of the research methods in the public consciousness and socially significant communicative practices. **Topic 4** — «Integrated marketing communications as a way of PR-discourse development» outline the prospects for further development of PR Science.

Key words: PR Science, public relations, social communications, PR-discourse, institutionalization, management philosophy, concept of «significant other», communication, innovation management, integrated marketing communications.

Стаття надійшла до редакції 27.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Зеленько А. С.

УДК 811.161.1'373

Г.П. Джинджолия

**ОБРАЗНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ
И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА)**

Тропы являются носителями глубинных свойств человеческого мышления, поэтому внимание к ним — внимание к онтологии смыслопроизводства. Тропы организуют структуру поэтического текста, объединяют его поверхностный и глубинный уровни. Они показательны для осознания роли художественного отражения и познания мира поэтом.

Статья посвящена изучению роли тропеических обозначений (метафоры, сравнения, перифразы) в формировании поэтической картины мира Бориса Пастернака.

Мы решаем эту проблему, избрав основной единицей исследования тропеические обозначения времени. Выбор этих обозначений для исследования позволяет непосредственно выйти на категорию художественного времени, которая является одной из центральных в поэтике.

По словам Д.С. Лихачева, литература «становится искусством времени. Время — его объект, субъект и орудие изображения» [1, с. 45].

Художественное время рассматривается нами как художественно отраженное время особого «модуса действительности», имеющего художественную функцию и предназначенного для передачи художественного смысла.

Повышенный интерес к проблеме художественного времени проявляют лингвисты и литературоведы. Специальные исследования художественного времени затрагивают следующие аспекты: выявление возможных методологических подходов к проблеме художественного времени (М.Б. Храпченко) [2]; анализ пространственно-временных особенностей произведения, исследование художественного времени как элемента художественной структуры в общей системе художественно-композиционных приемов (М.М. Бахтин) [3]; типология временных отношений в искусстве (П.А. Флоренский) [4]; время грамматическое и время художественное (З.Я. Тураева) [5], время в коммуникативном, нарративном режимах употребления языка (Е.В. Падучева) [6].

Внимание к особому статусу времени в лирике привлекается в работах Ю.Н. Тынянова [7], Т.И. Сильман [8], И.И. Ковтуновой [9].

Лирика, по мнению Т.И. Сильман, «моделирует отношения между личностью и окружающим миром через парадигму субъективного переживания и с установкой на обнаружение подлинной сути этого переживаемого отношения». Лирическое стихотворение отражает

особое, предельно напряженное состояние лирического субъекта, которое Т.И. Сильман называет «состоянием лирической концентрации» и которое в силу своей природы не может быть длительным. Лирике органически присуща предельная краткость, стремление не выходить за пределы «заданного» состояния. Эмпирические факты и подробности в лирике излагаются отраженно, через переживания лирического субъекта. Время протекания событий заменено здесь временем их переживания лирическим субъектом. Так что непосредственного развития во времени в лирическом стихотворении не происходит. Время здесь «совсем не ощутимо» [8, с. 25].

Тропеические обозначения времени (метафора, сравнение и перифраза), т. е. тропы, опорными компонентами которых являются имена времени, являются существенными элементами временной системы лирической поэзии Бориса Пастернака.

Поэтический язык Б. Пастернака характеризуется повышенной метафоричностью. Борис Пастернак писал: «Метафоризм — естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм — стенография большой личности, скоропись ее духа» [10, с. 39].

Обращает на себя внимание большое количество сравнений и перифраз, их нетрадиционный характер, их особая и очень важная роль в создании образа мира. Композиция стихотворения часто формируется рядами сравнений. Сравнения представлены у Б. Пастернака оборотами *с как, точно, словно, как будто, как бы*, словами *похож, подобен*, творительным падежом со значением сравнения. Большое сравнивается с малым, далекое — с близким, невидимое — с видимым. Как и метафоры, сравнения не придуманы, а увидены «в природе». Время (эпоха) и отвлеченные сущности сравниваются с доступным непосредственному восприятию — нередко с предметами и живыми существами. «В мире Пастернака "всеобщая одушевленность" становится обязательным и постоянным признаком для всех наполняющих его сущностей и явлений, благодаря чему стирается граница между внутренним и внешним мироощущением» [11, с. 181]. Примеры сравнений: *Ночь тиха. / Ясна и морозна ночь, / как слепой щенок — молоко... / Пьет сиянье звезд... / Действительность, как выпавшийся зверь, / Потягиваясь, поднялась спросонок; И ночь горит, как старый банный сруб; И ночь пронеслась, как из тучи с корнями вырванный шар; Шатая ночь, как воспаленный зуб, лампочка коптила.* Примеры перифраз: *Ночь — чтец за старым фолиантом; Не сумерки — карандаши для грима; И фартук мясника — закат.*

Для поэтического языка Бориса Пастернака характерно взаимодействие тропов: *Как август, жаркие века / Скопили их наплывы; Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко; По ветру время*

носилося, / Как с платья содранная тесьма; Стучатся опавшие годы, как листья / В садовую изгородь календарей; Стоят времена / Исчезая, за краешком мгновенья; Ведь ночи играть садятся / В шахматы со мной / На лунном полу; И тихо, тихо ночь текла трусцой, / От тучки к тучке; Облетевшей листвой / И кладбищенским чертополохом / Дышит ночь; Глаза зари в глаза воды глядят.

Сравнение может входить в состав метафоры. Метафорический образ сравнивается с метафорическим образом. Возможна трансформация одного тропа в другой при сохранении одинакового лексико-семантического состава. Имена времени в стихотворном тексте могут получать множественные образные соответствия. Этот принцип лежит в основе стихотворения «Июль»: *По дому бродит привиденье. / Весь день шага над головой. / На чердаке мелькают тени. / По дому бродит домовый... // Везде болтается некстати, / Мешается во все дела, / В халате крадется к кровати, / Срывает скатерть со стола. // Ног у порога не обтерши, / Вбегает в вихре сквозняка / И с занавеской, как с танцоршей, / Взвивается до потолка. // Кто этот баловник-невежа / И этот призрак: и двойник? / Да это наш жилец приезжий, / Наш летний дачник-отпускник...*

В темпоральных тропах в разные периоды преобладают разные имена времени. Имена *ночь, заря, время, день, год* в роли опорных слов тропов проходят через все поэтическое творчество Б. Пастернака. В ранний период предпочтение отдается именам, обозначающим малые отрезки времени (*миг, мгновение, минута*): *И вот пришло заветное мгновенье*; в средний — именам *зима, весна, июль, январь, ноябрь, октябрь*; в поздний — именам *будущее, бессмертие, столетие, эпоха, вечность*. Для поэтического видения Пастернака характерно расширение времени — «мышление веками и вечностью» [12, с. 188]. В сиюминутном поэт видел проявление вечного, преобразующегося во времени: *сидящих веков взор; как август, жаркие века*.

В темпоральных образах возможен переход времени в другие состояния, превращения внутри категории: *время — бессмертие, время — вечность, время — пространство, будущее — настоящее, настоящее — прошедшее*.

Ярко проявляется ассоциативный характер поэтического видения мира Б. Пастернаком. Б. Пастернаку свойственно расширение круга ассоциаций, принадлежащих именам образов. Понятие времени каждый раз воспринимается по-новому. Ранний период характеризуется созданием высоких ассоциаций: *И, как в неслыханную веру, / Я в эту ночь перехожу*; в средний и поздний период поэт тяготеет к ассоциациям, связанным с бытом: *И ночь в оконной раме / меня наполнит, как кувшин, / водою и цветами; горит эпоха, как торф; воронка зимы*. При этом иерархия ценностей не нарушается. За бытовыми словами проглядывается их глубинный смысл. Иногда они не только обозначают реалии предметного мира, но и окружены

мифологическими или историко-культурными ассоциациями (*дождь событий, июль — как домовый, сон времени*). Поэт видел все как впервые: *Зима, — и все опять впервые; зима — вечная случайность*.

Для поэтического видения мира Б. Пастернака характерны образы *время — человек, время — животное*. Тропеические обозначения передают действия и чувства человека (*двигаться, ходить, смотреть, слушать, спать* и другие). Это отражает взгляд поэта на мир как «одушевленный, одухотворенный, несущий в себе творческую динамику, мир, в котором всегда и везде присутствует живое творческое начало» [12, с. 132].

От образа *время — человек* отталкиваются частные образные линии: *время — абстрактный человек (Я к персти дней припал); время — лирическое «я» (Но век в своей красе / Сильнее моего нитья / И хочет быть как я); время — множество людей, включая лирического героя (миг — как мы)*. Первая из этих линий проходит через все поэтическое творчество Б. Пастернака, тогда как две последние характерны преимущественно для позднего периода.

Сквозными являются образы *время — артефакты, время — неодушевленный мир (Час скользит, как камешек; Струями вис рассвет)*. В средний и поздний периоды появляются образы *время — кровь, время — растительный мир (И по крови кроил наш век-закройщик; На стебле, на стебле зимы)*.

Таким образом, поэтический язык Бориса Пастернака характеризуется повышенной метафоричностью, взаимодействием и взаимопроникновением тропов (метафор, сравнений и перифраз), расширением круга ассоциаций, принадлежащих именам образов. Как показал анализ, в разные периоды преобладают разные имена образов. Обязательным признаком тропов становится их «всеобщая одушевленность и одухотворенность». Во всем этом отражена специфика художественного мышления, характеризующая поэтическое творчество Б. Пастернака.

Список использованной литературы

- 1. Лихачев Д. С.** Борис Леонидович Пастернак / Д. С. Лихачев // Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах. — М.: Худ. лит., 1989. — Т. 1. — С. 4—16.
- 2. Храпченко М. Б.** Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М. Б. Храпченко. — М.: Сов. писатель, 1975. — 386 с.
- 3. Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — М.: Худ. лит., 1975. — 346 с.
- 4. Флоренский П. А.** Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. — М.: Прогресс, 1993. — 220 с.
- 5. Тураева З. Я.** Время грамматическое и время художественное: автореф. дис. на соискание учёной степени д-ра филол. наук / З. Я. Тураева. — Л., 1974. — 36 с.
- 6. Падучева Е. В.** О семантике грамматических категорий времени и вида в

повествовательном тексте / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. — М., 1983. — Вып. 29. — С. 144—162. **7. Тынянов Ю. Н.** Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. — М.: Сов. писатель, 1965. — 320 с. **8. Сильман Т. И.** Заметки о лирике / Т. И. Сильман. — Л.: Сов. писатель, 1977. — 360 с. **9. Ковтунова И. И.** Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. — М.: Наука, 1986. — 486 с. **10. Б. Пастернак** об искусстве. — М.: Искусство, 1990. — С. 160—184. **11. Фатеева Н. А.** Синтез целого. На пути к новой поэтике / Н. А. Фатеева. — М.: Новое лит. обозрение, 2010. — 352 с. **12. Ковтунова И. И.** Очерки по языку русских поэтов / И. И. Ковтунова. — М.: Азбуковник, 2003. — 206 с. **13. Арутюнова Н. Д.** Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 3—31. **14. Очерки** истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. — М.: Наука, 1995. — 263 с. **15. Очерки** истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. — М.: Наука, 1990. — 304 с. **16. Пастернак Б.** Собрание сочинений в пяти томах / Б. Пастернак. — М.: Худ. лит., 1989. **17. Синельникова Л. Н.** Жизнь текста, или Текст жизни [избранные работы в 3-х тт.] / Л. Н. Синельникова. — Луганск: Знание, 2005. — Т. 1. Лингвистическая поэтика. — 432 с. **18. Синельникова Л. Н.** Именная перифраза в языке современной советской поэзии (структурно-семантическая и стилистическая характеристика): автореф. дис. на соискание учёной степени кандидата филол. наук / Л. Н. Синельникова. — М., 1975. — 20 с. **19. Золян С. Т.** Семантика и структура поэтического текста / С. Т. Золян. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 336 с.

Джинджолія Г. П. Образні позначення часу та їх трансформація (на матеріалі поезії Б. Пастернака)

Тропи є носіями глибинних властивостей людського мислення, тому увага до них — увага до онтології сенсовиробництва. Тропи організують структуру поетичного тексту, об'єднують його поверхневий та глибинний рівні. Вони показові для усвідомлення ролі художнього відображення і пізнання світу поетом.

Стаття присвячена вивченню ролі тропічних позначень (метафори, порівняння, перифрази) з семантикою часу у формуванні поетичної картини світу Б. Пастернака.

У темпоральних тропях в різні періоди переважають різні імена часу. Імена *ніч, зоря, час, день, рік* у ролі опорних слів тропів проходять через усю поетичну творчість Б. Пастернака. У ранній період перевага віддається іменам, що позначають малі відрізки часу (мить, миттєвість, хвилинка); в пізній — іменами *майбутнє, безсмертя, століття, епоха, вічність*. Для поетичного бачення Б. Пастернака характерне розширення часу — «мислення століттями і вічністю» (І.І. Ковтунова).

Ранній період характеризується створенням високих асоціацій; в середній та пізній період поет тяжіє до асоціацій, пов'язаних з побутом.

Побутові слова не тільки позначають реалії предметного світу, але й оточені міфологічними або історико-культурними асоціаціями.

Наскрізними є образи *час — артефакти*, *час — неживий світ*. В середній і пізній періоди з'являються образи *час — кров*, *час — рослинний світ*.

Поетична мова Бориса Пастернака характеризується підвищеною метафоричністю, взаємодією і взаємопроникненням тропів (метафор, порівнянь та перифраз), розширенням кола асоціацій, що належать іменам образів. Обов'язковою ознакою тропів стає їх «загальна одухотвореність».

Ключові слова: поетична картина світу, ліричний час, темпоральний троп, метафора, порівняння, перифраза.

Джинджолия Г. П. Образные обозначения времени и их трансформация (на материале поэзии Б. Пастернака)

Тропы являются носителями глубинных свойств человеческого мышления, поэтому внимание к ним — внимание к онтологии смыслопроизводства. Тропы организуют структуру поэтического текста, объединяют его поверхностный и глубинный уровни. Они показательны для осознания роли художественного отражения и познания мира поэтом.

Статья посвящена изучению роли тропеических обозначений (метафоры, сравнения, перифразы) с семантикой времени в формировании поэтической картины мира Б. Пастернака.

В темпоральных тропах в разные периоды преобладают разные имена времени. Имена *ночь, заря, время, день, год* в роли опорных слов тропов проходят через все поэтическое творчество Б. Пастернака. В ранний период предпочтение отдается именам, обозначающим малые отрезки времени (*миг, мгновение, минута*); в поздний — именам *будущее, бессмертие, столетие, эпоха, вечность*. Для поэтического видения Б. Пастернака характерно расширение времени — «мышление веками и вечностью» (И.И. Ковтунова).

Ранний период характеризуется созданием высоких ассоциаций; в средний и поздний период поэт тяготеет к ассоциациям, связанным с бытом. Бытовые слова не только обозначают реалии предметного мира, но и окружены мифологическими или историко-культурными ассоциациями.

Сквозными являются образы *время — артефакты*, *время — неодоушевленный мир*. В средний и поздний периоды появляются образы *время — кровь*, *время — растительный мир*.

Поэтический язык Бориса Пастернака характеризуется повышенной метафоричностью, взаимодействием и взаимопроникновением тропов (метафор, сравнений и перифраз), расширением круга ассоциаций, принадлежащих именам образов.

Обязательным признаком тропов становится их «всеобщая одушевленность и одухотворенность».

Ключевые слова: поэтическая картина мира, лирическое время, темпоральный троп, метафора, сравнение, перифраза.

Dzhindzholia G. P. Figurative Time Labels and Their Transformation (Based on Poetry by B. Pasternak)

Tropes are the carriers of deep qualities of human thinking, which is why attention to them is attention to the ontology of sense-making. Tropes organise the structure of the poetic text, unite its superficial and deep levels. They are significant for understanding the role of the artistic reflection and world cognition by the poet.

The article is devoted to studying the role of trope labels (metaphor, simile, periphrasis) with the semantics of time in forming the poetic picture of the world of B. Pasternak.

In temporal tropes, different names of the time prevail in different periods. The names *night, sunset, time, day, year* in the role of the main trope words go through all the poetic works by B. Pasternak. In the early period, preference is given to the names marking short spaces of time (*moment, instant, minute*); in the late one — to the names *future, immortality, century, epoch, eternity*. Time expansion is characteristic for the poetic vision of B. Pasternak — «thinking in centuries and eternity» (I.I. Kovtunova).

The early period is characterised by the creation of high associations; in the middle and late periods, the poet is inclined towards associations connected with everyday life. Everyday words do not only mark the realia of the object world, but are also surrounded by mythological, historical and cultural associations.

Prevailing are the images *time — artefacts, time — inanimate world*. The images *time — blood, time — vegetable world* appear in the middle and late periods.

The poetic language of Boris Pasternak is characterised by a heightened metaphoricalness, trope interaction and interpenetration (metaphors, similes and periphrases), expansion of the circle of associations that belong to image names. The «universal animation and spirituality» become mandatory attributes of the tropes.

Key words: poetic picture of the world, lyrical time, temporal trope, metaphor, simile, periphrasis.

Стаття надійшла до редакції 28.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — к. філол. н., доц. Бахмач В. І.

УДК 811. 161.1'— 37'276.45

И. А. Соболева

**О СЕМАНТИКО-ПОНЯТИЙНОЙ СООТНЕСЕННОСТИ
И «КОНКУРЕНЦИИ» ПОНЯТИЙ
*АРГО — ЖАРГОН — СЛЕНГ — СОЦИОЛЕКТ***

Активизация неcodифицированных сфер языка в современной языковой ситуации привела к пристальному вниманию к этим подсистемам национального языка лингвистов, психологов, философов, культурологов и т. д. Исследование этих языковых страт проводится с разных научных точек зрения: с собственно лингвистической, с социолингвистической, с психолингвистической, с лингвокультурологической и др. Конкуренция этих научных позиций не осложняет, а развивает и обогащает изучение субстандартных разновидностей современного русского языка.

Речь отдельной языковой личности, ее дискурс представляет собой сложный «многослойный» конгломерат языковых средств, включающий в себя литературную и общелитературную лексику, профессионализмы, жаргонизмы, просторечия и т. д. Однако изучение роли и функции нелитературных языковых средств эффективно в том случае, когда можно уточнить, какой из ее видов рассматривается и анализируется, а также есть основания отделить один ее пласт от другого.

Таким образом, для исследователей, интересующихся этими проблемами, остро стоит вопрос о «демаркации» понятий *арго* — *жаргон* — *сленг*, с одной стороны, очень близких по своей семантике, с другой, часто употребляющихся как синонимичные понятия.

Спектр мнений среди лингвистов и не только о содержании дефиниций *арго*, *жаргон*, *сленг* чрезвычайно разнообразен. Очень часто *арго* и *сленг* отождествляются с жаргоном [1, с. 53; 2, с. 311—359], жаргон — с *арго* [3, с. 429; 4, с. 60; 5, с. 111; 6, с. 127], *сленг* — с жаргоном [7, с. 57] и т. д. Болгарскому исследователю С. Стойкову *арго* и *сленг* также представляются разновидностями жаргона [8, с. 80], а Г.А. Судзиловский понятие «профессиональный жаргон» подменяет понятием «просторечие» [4, с. 16]. По мнению В.А. Саляева, «сленг следует рассматривать как промежуточное звено между жаргонно-арготической сферой и общим просторечием, а точнее, как особый лексико-фразеологический слой, составляющий основу современного просторечия, который включает слова и выражения, некогда бывшие достоянием ограниченной субстандартной сферы употребления, но впоследствии перешедшие в общий обиход, где подверглись семантической и экспрессивно-стилистической обработке» [9, с. 105].

Такое смешение понятий, «обслуживающих» субстандартную лексику, наблюдается достаточно долго и продолжается в настоящее время. В русской лингвистике даже можно встретить представление о том, что в русском языке сленга как такового не существует, что он — явление скорее англоязычное и распространен в американской культуре.

Каковы же причины подобной терминологической неопределенности и противоречивости в дефинировании субстандарта русского языка? Их целый комплекс, но одна из важнейших причин, на наш взгляд, заключается в том, что в лексикографических источниках отсутствует не только консолидированное мнение по этим вопросам, но можно говорить о существовании прямо противоположных, противоречащих друг другу позиций. Некоторые авторы словарей склонны совсем отказаться от термина *сленг*, предпочитая ему понятия *арго*, *жаргон*, *просторечие*, *разговорная речь*, нередко при этом снабжая их дополнительными дефинициями: *открытое арго* [10, с. 592—674], *общий жаргон* [11, с. 4—8], *жаргонизированная лексика* [12, с. 3—6] и др.

Другой важнейшей объективной причиной терминологического смешения данных дефиниций являются также трудности, возникающие при разграничении таких языковых пластов, как *арго*, *сленг*, *жаргон*, *просторечие* и *разговорная речь*. Так, по утверждению Ю.С. Степанова, «установить четкие границы, с одной стороны — между *langue populaire* и *арго*, с другой стороны — между *langue familier* и *арго* даже невозможно» [13, с. 242]. Причина такого их смешения не столько в достаточной близости их семантики, сколько в сложной социальной дифференциации языка.

Социальная дифференциация языка — вполне закономерное, исторически обусловленное понятие, а само появление диалектов — результат социально-классовой, профессионально-групповой, гендерной, возрастной, национальной, культурно-образовательной и иной неоднородности социума. Поэтому социолект представляет собой социолингвистический феномен, нелегко поддающийся выявлению в нем раз и навсегда определенных универсалий. Многие ученые, пытаясь определить состав социолектов, выделяют при этом в них различные признаки. Так, С. Стойков — с учетом употребления и значения *социолектов* — разбивает их на две группы (профессиональные говоры и жаргоны), относя к первой из них профессиональную терминологию, созданную на основе территориального говора или разговорно-литературного языка, а под общим названием *жаргоны* объединяет понятия *арго*, *профессиональный жаргон*, *сленг*, *классовые (корпоративные) социолекты* [8, с. 79]. П. Ондрус, исходя из экспрессивной функции жаргона, сленга и конспиративной роли *арго*, подразделяет *социолекты* на *экспрессивные* (жаргоны высших слоев классового общества, сленги — военные, студенческие и пр.) и *конспиративные* (воровское *арго*, *арго* ремесленников и торговцев,

детское аргю). В такой классификации социолектов не находится места для профессионального диалекта, и поскольку «для него характерна функция экспрессивная или конспиративная, его нельзя рассматривать как особую разновидность диалектов» [14, с. 112—113].

Как видим, одни исследователи выносят профессиональные диалекты за пределы социолектов, другие включают их в общий состав субстандартных типов коммуникации. Это противоречие объясняется тем, что профессиональная речь включает в себя как технические термины литературного языка, так и экспрессивно-субстандартную социальную лексику. Не случайно в учебной лингвистической литературе эти два очень разных пласта профессиональной лексики тоже смешиваются и неправомерно объединяются под общим названием *профессионализма*. Но социолекты — это прежде всего ненормативная разговорная речь отдельных социально-профессиональных групп, и нельзя профессиональную терминологию отождествлять с профессиональным жаргоном — бытовым, фамильярным, сниженным речевым вокабуляром, «обслуживающим» определенный, относительно замкнутый социальный коллектив.

Исходя из рассмотренных выше противоречий, нам кажутся вполне оправданными предложения отказаться от терминов *профессиональный язык*, *профессионализма*, *жаргон*, *жаргонизмы* и т. п., ограничившись двумя, универсальными для всей социально-маркированной лексики терминами: *социолект* (языковая система особого рода, используемая той или иной социальной группой как средство коммуникации в процессе интерного общения) и *социолектизм* (основная единица социально-профессиональной дифференциации словарного состава языка). Обоснованность такого предпочтения помимо универсальности этих дефиниций можно объяснить и тем, что термины *жаргон*, *арго* с самого начала имели и сохранили пейоративную оценку, и как бы мы ни «смягчали» или «реабилитировали» понятие *жаргон*, за ним навсегда останется уничижительно-пейоративная оценка. А термины *социолект* и *социолектизм* как раз сохраняют экспрессивно-оценочные коннотации, содержащиеся в традиционных терминах, и, будучи нейтральными в оценочном плане, они приводят к единому общему знаменателю однородные социально-профессиональные дифференциации словарного состава любого языка.

Не менее противоречиво выглядит разграничение дефиниций *арго*, *жаргон*, *сленг*. Из-за функциональной близости арготизмов, сленгизмов и жаргонизмов в дискурсе в условиях речевой коммуникации происходит их постоянное смешение, замена одного другим — и как терминов, и как функционально-речевых единиц. Поэтому зачастую бывает трудно отличить их друг от друга не только носителям языка, но и профессиональным лексикографам. Долгое время основным дифференцирующим признаком аргю была его криптологическая функция или «теория секретной миссии» аргю, его «потаенности».

Однако, если при возникновении офенского языка криптологическая функция арго не вызвала сомнений (бродячие торговцы были вынуждены скрывать род своей деятельности из-за многочисленных опасностей, подстерегающих их в пути, в трактирах, и они шифровали свой язык от «непосвященных»), то современное арго представляет собой такую же широко известную, растиражированную систему лексических средств, как и, например, молодежный сленг. Еще Д.С. Лихачев развеивал легенду о секретной миссии арго: «В арго шифр становится настоящим живым словом, лишаясь своего искусственного характера, так же точно, как давно утратили свой искусственный и условный характер, став полноправными словами, многочисленные в русском языке аббревиатуры» [2, с. 117].

Арго — явление семантическое, оно возникает и обновляется точно таким же образом, как и обычный язык. На наших глазах в конце 90-ых годов произошла «разгерметизация» арго, разрушилась его корпоративность и тем более «потаенность». Так, воровское (блатное) арго стало гораздо популярнее, чем многие иные социолекты. Со времен Ф.В. Трахтенберга (1908 г.), Б.А. Ларина и В. Стратена (1931 г.), В. Тонкова и Ф. Оберпфальцера (1934 г.) современное арго изменилось кардинально — его тезаурус, философия, функции, прагматические характеристики и т. д. Несмотря на огромный вклад в изучении арго трудов Д.С. Лихачева, В.Д. Бондалетова, М.А. Грачева, В.С. Елистратова, С. Снегова и многих других ученых русское арго с научной точки зрения представляет собой «*terra incognita*».

Многие современные исследователи социолектики в своих работах неправомерно именуют всю жаргонно-арготическую лексику сленгом, чрезвычайно осложняя и без того запутанную систему дефиниций субстандарта русского языка. Так, к примеру, в словарях Т.Г. Никитиной «Так говорит молодежь» [15], И. Юганова и Ф. Югановой «Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-ых годов)» [16] представлен вокабуляр, в большинстве своем не имеющий отношение к сленгу, а представляющий иные различные подсистемы как кодифицированной (разговорной, к примеру), так и субстандартной лексики русского языка.

Такая путаница с описанием молодежного сленга связана с отсутствием четких функционально-прагматических характеристик, отделяющих эту языковую сферу от других лексических пластов русского национального языка. Действительно, дефиниция *сленг* — самая размытая и неструктурированная по сравнению с арго и жаргоном. Хотя в зарубежном языкознании именно дефиниция *сленг* является самой известной и распространенной, наряду с многочисленными дублетными терминами: *cant, argot, dialekt, idiom, jargon, gibberish, flash, lingo, parlance, shop, vernacula* и др. [17, с. 45—46]. Но при этом основным терминологическим понятием в англо-американской традиции является *сленг*, оно представляет собой совокупность нескольких подсистем

национального языка: аргю преступного мира (блатной язык), профессиональные слова и социальные диалекты, нестандартные (оказиональные) эмоционально-экспрессивные слова и выражения, свойственные разговорной речи. Таким образом, термин *сленг* является гиперонимом и включает в свой состав все остальные.

В русском языкознании, по-видимому, эту функцию базового понятия в субстандартной языковой среде выполняет термин *жаргон*. В частности, в «Лингводидактическом энциклопедическом словаре» не отражены принципиальные различия между жаргоном и сленгом, где *жаргон* определяется как «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной, устойчивой социальной группы, объединяющей людей по признаку профессии, ... положения в обществе, интересов ... или возраста», а сленг — как «1) то же, что жаргон (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам); 2) совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи» [18, с. 80].

Таким образом, мы видим противоречивое понимание истоков сленга как речевого явления и как специфической подсистемы русского национального языка в современном отечественном языкознании.

Ясно то, что «чистого» сленга не существует, он всегда «замутнен» жаргонизмами и даже арготизмами, не говоря уже о профессиональных социолектизмах и просторечиях. При этом в сленг арготизмы поступают не сразу, сначала они «отстаиваются» в пределах жаргона, «очищаясь» от грубой пейоративной оценки. М.М. Маковский считает: «... в реальной разговорной практике вряд ли можно представить себе чисто сленговую лексику, используемую вне связи с литературной, вне связи с жаргонизмами, профессионализмами и прочими лексическими слоями» [19, с. 41—43]. Сленг представляет собой целый комплекс периферийных слоев лексико-семантической системы языка, которые являются не только зоной повышенной активности употребления, но и зоной вариативности. Рядом с арготизмами и жаргонизмами сленгизмы — по их отношению к узуальным словам — выступают в качестве синонимических инноваций-экспрессивов, своеобразно «освежающих» арсенал языковых средств.

Итак, сфера действия сленга — не язык, а разговорный дискурс или стилизация под него. Не случайно, Н.В. Арнольд, вслед за Э. Партриджем, принимает за сленг «сугубо разговорные слова и выражения с грубоватой или шуточной эмоциональной окраской не апробированные (не принятые) в разговорной речи» [20, с. 264]. Да, сленг — это «язык-бродяга», слоняющийся в окрестностях литературного языка и постоянно пробивающий себе дорогу в более изысканное общество.

Таким образом, высокая экспрессивность и преобладание коннотативного начала над денотативным у арготизмов, жаргонизмов и

сленгизмов способствует их взаимопроникновению. Все это, безусловно, осложняет проблему их демаркации и дефинирования. Однако в последнее время о сленге, жаргоне и арго написаны тысячи книг и работ, в большинстве из которых эти терминологические понятия употребляются вольно и бессистемно. И хотя в богатом спектре внелитературной лексики переходы и переливы одного стилистического пласта в другой настолько зыбки и неустойчивы, настолько тонки и неуловимы, что не представляется возможным провести четкую грань разграничения между ними, пришла пора уточнить классификационные признаки различных видов русского субстандарта.

Список использованной литературы

- 1. Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
- 2. Лихачев Д. С.** Арготические слова профессиональной речи / Д. С. Лихачев // Статьи ранних лет : [текст]. — Тверь : Тверское отделение Российского фонда культуры, 1993. — С. 95—138.
- 3. Будагов Р. А.** Введение в науку о языке : [учебное пособие для высш. учебн. зав.] / Р. А. Будагов. — М. : Добросвет, 2000. — 544 с.
- 4. Судзиловский Г. А.** Сленг — что это такое? : [монография] / Г. А. Судзиловский. — М. : Воениздат, 1973. — 182 с.
- 5. Фомина М. И.** Лексика современного русского языка : [учебное пособие] / М. И. Фомина. — М. : Высшая школа, 2001. — 415 с.
- 6. Шанский Н. М.** Лексикология современного русского языка [учебное пособие] / Н. М. Шанский. — [изд. 3-е, перераб.]. — М. : «ЛКИ», 1972. — 304 с.
- 7. Стойков Стойко** Българска диалектология : [монография] / Ст. Стойков. — [3-е изд.]. — [под ред. М. С. Младенова]. — София : Наука и искусство, 1993. — 260 с.
- 8. Саляев В. А.** Два источника и две составные части русского сленга / В. А. Саляев // Социальные варианты языка : материалы международной научной конференции. — Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. Л. Добролюбова, 2002. — С. 105—108.
- 9. Елистратов В. С.** Арго и культура / В. С. Елистратов // Словарь русского арго. Материалы 1980-1990 гг. — М. : Русские словари, 2000. — С. 574—683.
- 10. Ермакова О. П.** Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина / [под общ. ред. Р. И. Розиной]. — М. : Азбуковник, 1999. — 320 с.
- 11. Мокиенко В. М.** Большой словарь жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2000. — 716 с.
- 12. Степанов Ю. С.** Основы общего языкознания : [учебное пособие] / Ю. С. Степанов. — М. : Просвещение, 1975. — 271 с.
- 13. Ондрус П.** К вопросу о характеристике и классификации социальных диалектов / П. Ондрус // Вопросы языкознания. — 1975. — № 5. — С. 110—113.
- 14. Никитина Т. Г.** Так говорит молодежь / Т. Г. Никитина. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 590 с.
- 15. Юганов И.** Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-ых гг.) / И. Юганов, Ф. Юганова. —

М. : Метатекст, 1997. — 304 с. **16. Flexner S. B.** American slang. Introduction to dictionary of American slang / S. B. Flexner. — New York : Harper and Row, 1986. — 498 p. **17. Лингводидактический энциклопедический словарь** / [гл. ред. А. Н. Щукин]. — М. : Астрель, АСТ : Хранитель, 2007. — 746 с. **18. Маковский М. М.** Взаимодействие ареальных элементов «сленга» и их соотношение с языковым стандартом / М. М. Маковский. — Вопросы языкознания. — 1963. — № 5. — С. 21—30. **19. Арнольд Н. В.** Стилистика современного английского языка / Н. В. Арнольд. — М. : Просвещение, 1990. — 300 с.

Соболева І. О. Про семантико-понятійну співвіднесеність і «конкуренцію» понять *арго* — *жаргон* — *сленг* — *соціолект*

Активізація некодифікованих сфер мови викликала великий інтерес лінгвістів до проблеми цих підсистем національної російської мови. Однак, незважаючи на велику кількість робіт про російський субстандарт, в сучасній лінгвістиці неоднозначно трактуються терміни «арго», «сленг», «жаргон», «соціолект». Труднощі, пов'язані з розумінням і вживанням дефініцій, які називають нелітературні мовні засоби, з одного боку, закономірні, а з іншого, носять суб'єктивний характер. Ми не ставимо за мету розмежувати ці складні лінгвістичні поняття, але нам видається важливим аналіз причин, пов'язаних з розмежуванням дефініцій «арго», «жаргон», «сленг», «соціолект».

Закономірність проблем «демаркації» *арго* — *жаргону* — *сленгу* — *соціолекту* пов'язана з труднощами розмежування некодифікованих лексичних пластів, складністю соціальної диференціації сучасної російської мови. У статті аналізуються і зіставляються дані різних лексикографічних джерел, позиції відомих як російських, так і зарубіжних лінгвістів. У зв'язку з об'єктивними труднощами дефінірування *арго* — *жаргону* — *сленгу*, виходом була б поява родового поняття, що об'єднує в собі основні класифікаційні ознаки російського субстандарту. Таким термінологічним гіперонімом, на наш погляд, може стати *соціолект*.

Ключові слова: некодифікована лексика, субстандарт, національна мова, соціальна диференціація мови, арго, жаргон, сленг, соціолект.

Соболева И. А. О семантико-понятийной соотнесенности и «конкуренции» понятий *арго* — *жаргон* — *сленг* — *социолект*

Активизация некодифицированных сфер языка вызвала большой интерес лингвистов к проблеме этих подсистем национального русского языка. Однако, несмотря на большое количество работ о русском субстандарте, в современной лингвистике неоднозначно трактуются термины «арго», «сленг», «жаргон», «социолект». Трудности, связанные с пониманием и употреблением дефиниций, называющих нелитературные языковые средства, с одной стороны, закономерны, а с

другой, носят субъективный характер. Мы не ставим цель разграничить эти сложные лингвистические понятия, но нам представляется важным анализ причин, связанных с разграничением дефиниций «арго», «жаргон», «сленг», «социолект».

Закономерность проблем «демаркации» *арго — жаргона — сленга — социолекта* связана с трудностями разграничения неcodифицированных лексических пластов, сложностью социальной дифференциации современного русского языка. В статье анализируются и сопоставляются данные различных лексикографических источников, позиции известных как русских, так и зарубежных лингвистов. В связи с объективными трудностями дефинирования *арго — жаргона — сленга*, выходом было бы появление родового понятия, объединяющего в себе основные классифицирующие признаки русского субстандарта. Таким терминологическим гиперонимом, на наш взгляд, может стать *социолект*.

Ключевые слова: неcodифицированная лексика, субстандарт, национальный язык, социальная дифференциация языка, арго, жаргон, сленг, социолект.

Soboleva I. A. About the semantic-conceptual relatedness and «competition» of terms *cant — jargon — slang — sociolect*

The activation of non-codified language areas aroused a big interest of linguists to the problem of these subsystems of the national Russian language. However, despite on a large number of works about Russian substandard, the terms «cant», «slang», «jargon» «sociolect» are interpreted ambiguously. The difficulties connected with understanding and use of definitions, which nominate non-literary linguistic means, are natural on the one hand, and subjective, on the other hand. We do not set a goal to distinguish these complex linguistic concepts, but it is important to us to analyze the reasons connected with delimitation of definitions «cant», «jargon», «slang», «sociolect».

The consistent pattern of problems of «demarcation» *cant — jargon — slang — sociolect* is connected with the difficulties of delimitation non-codified lexical layers, and complexity of social differentiation of modern Russian language. The data of different lexicographic sources, attitudes of famous Russian and foreign linguists are analyzed and compared in the article. Due to objective difficulties of definition of *cant — jargon — slang*, the advent of generic concept which will include all main classification criterions of Russian standard would be a solution. The *sociolect*, to our opinion, can become such terminological hyperonym.

Key words: non-codified lexis, substandard, national language, social differentiation of language, cant, jargon, slang, sociolect.

Стаття надійшла до редакції 27.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК 811.161.1'42

В. А. Розсоха

**МАРКЕРЫ ПАРОДИЙНОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ПАРНАС ДЫБОМ»)**

Классическое наследие изучения пародии связано с именами Ю. Н. Тынянова [1], О. М. Фрейденберг [2], В. Я. Проппа [3], Д. С. Лихачёва [4], М. М. Бахтина [5], М. Я. Полякова [6], И. В. Арнольд [7]. В современной русистике исследование пародийного дискурса продолжено в работах А. Г. Лошакова [8], Г. И. Лушниковой [9], Ю. В. Шатина [10] и мн. др. Отдельные замечания о природе пародийного дискурса есть в монографиях В. И. Карасика, в частности, следующее определение: «пародийный дискурс представляет собой карикатурную имитацию определённого текста либо типа текстов с целью осмеяния нелепых или претенциозных характеристик объекта и характеризуется двумя отличительными признаками — вторичность и комичность.

Критерии, на основании которых можно построить типологию пародийной тональности, сводятся к характеристикам пародируемого объекта, к характеристикам жанра, к которому относится объект, к характеристикам способов пародирования» [11, с. 332]. Ключевым признаком в этом определении, несомненно, является «вторичность»¹. Как «вторичный» текст пародия имеет определённую специфику, обусловленную двойным преломлением действительности, т.к. в алогичном мире пародийного дискурса находит отражение не ситуация или событие, произошедшие или могущие произойти, а первичный текст, который становится порождающим, объектом для пародии.

«Пародия — жанр зависимый, — отмечает О. Ксендзюк. — Если писатель может изображать суровую действительность, зная ее в пределах ближайших четырех улиц, то у пародиста всегда есть объект — стихотворение, песня, известный человек» [12].

Цель статьи — исследовать технику создания пародийного дискурса на материале сборника литературных пародий начала XX века «Парнас дыбом» и выявить знаки пародийной тональности, маркирующие пародийный дискурс как «вторичный».

Сборник литературных пародий «Парнас дыбом», состоящий из трех разделов: «Собаки», «Козлы» и «Веверлеи», впервые вышел в харьковском издательстве «Космос» в 1925 году. Авторами его были Александр Моисеевич Финкель (1899 — 1968), Александр Григорьевич Розенберг (1897 — 1965) и Эстер Соломоновна Паперная (1901 — 1987). Второе рождение «Парнаса дыбом» датируется 1989 годом: сборник был издан московским издательством «Художественная литература» в серии «Забывтая книга». Составитель сборника Л. Г. Фризман расширил его

почти вдвое, дополнив произведениями, сохранившимися в архиве А. М. Финкеля: если в издании 1925 года было 37 пародий (7 «Собак», 18 «Козлов» и 12 «Веверлеев»), то в 1989 году стало 69 (21, 31 и 17 соответственно).

В предисловии к переизданному в 1989 году сборнику Л. Фризман пишет: «Группа молодых филологов, любознательных, мыслящих, ищущих, изучала тогда приметы индивидуального стиля писателей разных стран и эпох. И прониклась идеей — серьезной по постановке, но несколько озорной по форме изложения результатов — моделировать, как разработали бы один и тот же сюжет Гай Юлий Цезарь и Анатолий Франс, Шекспир и Волошин, Симеон Полоцкий и Надсон, Крылов и Вертинский, Гомер и Некрасов, Данте и Демьян Бедный.

Что же они писали, литературные пародии? Авторы с самого начала стремились, чтобы их произведения не были так восприняты. В предисловии, стилизованном под пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом», книгопродавец говорит:

Ваш замысел высок и чист:
Здоровый смех полезен людям.
Что ж? Ныне наслаждаться будем,
Чем одарил нас пародист.

И слышит такой ответ поэта:

Не я здесь автор — коллектив.
Не пародист — а подражатель.
И, вас теперь предупредив,
Хочу, чтоб знал о том читатель.

Ту же точку зрения авторы уверенно повторили и сорок лет спустя: «...мы не были и не хотели быть пародистами, мы были стилизаторами, да еще с установкой познавательной. То же, что все это смешно и забавно, — это, так сказать, побочный эффект (так нам, по крайней мере, казалось). Однако эффект оказался важнее нашей серьезности и для издателей и читателей совершенно ее вытеснил». «Книжечку эту... читатели назвали сборником пародий». Кто же здесь прав, читатели или авторы? Об этом стоит поразмышлять» [13, с. 7—8].

Ответить на этот вопрос Л. Фризмана сложно. Не случайно известный русский филолог В. Я. Пропп заметил: «Все знают, что такое пародия, но определить сущность пародии научно точно совсем не просто» [3, с. 99]. И далее: «Пародирование состоит в имитации внешних признаков любого жизненного явления (манер человека, приемов искусства и пр.), чем совершенно затмевается или отрицается внутренний смысл того, что подвергается пародированию. <...> Пародирование стремится показать, что за внешними формами

проявления духовного начала ничего нет, что за ними — пустота. Подражание изящным движениям цирковой наездницы клоуном всегда вызывает смех: есть вся видимость изящества и грации, но самого изящества нет, а есть противоположная ему неуклюжесть. Таким образом, пародия представляет собой средство раскрытия внутренней несостоятельности того, что пародируется. Пародия клоуна вскрывает, однако, не пустоту того, что подвергается пародированию, а отсутствие у него тех положительных качеств, которые он имитирует [3, с. 100—101].

Любопытно, что сравнение пародирования с клоунадой ранее использовал и замечательный литературовед Ю. Н. Тынянов. Так, в комментариях к статье Ю. Н. Тынянова «О пародии» (1929 г., опубликована в 1977 г.), которая, по мнению самого Ю. Н. Тынянова, стала «углублением» и «итогом» его прежних изучений пародии², А. П. Чудаков приводит цитату, найденную в черновой рукописи этой статьи: «Цирковой клоун, пародирующий жонглера, чем ловчее, чем ближе к пределу пародируемой ловкости, тем он вернее достигает успеха. Более того: обычно выступающий с акробатами клоун-пародист отличается большею ловкостью и большею виртуозностью, не говоря уже о том, что он разнообразнее, чем каждый взятый отдельно акробат, так как совмещает в одном лице элементы всех их номеров. И только в конце — легкая или явно намеренная неудача, *point*, подчеркивает пародическую сущность номера. Ср. с этим мнение Пушкина о пародисте: „Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами”» (из статьи «Англия есть отечество карикатуры и пародии...» (1830), приписываемой Пушкину)» [14].

В статье «О пародии» Ю.Н. Тынянов разграничивает «пародическую форму» и «пародийную функцию»: «Стало быть, — пишет Ю. Н. Тынянов, — важный пункт, относительно которого следует условиться, — это вопрос о пародичности и пародийности, иначе говоря — вопрос о пародической форме и о пародийной функции. Пародичность и есть применение пародических форм в непародийной функции. Использование какого-либо произведения как макета для нового произведения — очень частое явление. При этом, если произведения принадлежат к разным, напр. тематическим и словарным, средам, — возникает явление, близкое по формальному признаку к пародии и ничего общего с нею по функции не имеющее» [1]. Анализируя семиотическую природу жанра пародии, Ю. В. Шатин отмечает: «Пародичность — это макет, корсет, если угодно, жанра, точнее — явление пародии, целиком уложившееся в границы языкового знака. Пародийность разрушает устойчивость языкового знака, превращает его в знак речи ... <...>. В случае пародичности жанровая составляющая текста целиком поглощается знаком, жанр становится равнопротяжённым знаком. В нём нет ничего такого, что не подчинялось бы закону пародии — комической переделке уже существующего текста. В пародийности знак лишь указывает на источник, открывая новое поле

референцій, не имеющих прямого отношения к первоисточнику. Иными словами, пародичность — это явление диахронии жанра, в пародийности, напротив, отталкивание от диахронии реализует синхронный аспект, связанный с тем, что Гынянов назвал направлением речевой деятельности» [10, с. 219—220].

В этом разграничении и кроется, на наш взгляд, ответ на вопрос Л. Фризмана: «парнасцы» пародировали форму, т.е. следует говорить о пародичности дискурса, хотя традиционный подход позволяет назвать их сборник пародиями.

Для создания пародий авторы «Парнаса дыбом» использовали не один прототекст, а два: первый — тематический, который был общим для каждого из трёх разделов, второй — стилевой.

Тематическими прототекстами для литературных пародий стали окрашенные «чёрным юмором» фольклорные произведения, восходящие к традициям «низовой культуры»: «бесконечный» народный стишок «У попа была собака...», народная песенка «Жил-был у бабушки серенький козлик...» и шуточная баллада «Пошел купаться Веверлей...».

Стилевые прототексты означены именами писателей и поэтов, чей стиль заимствован для пародирования. Из тематического прототекста «парнасцы» заимствовали персонажей, из стилового — поэтику стиха.

Предполагая, что в тезаурусе адресата хранятся устойчивые образы персонажей пародируемых прототекстов, «парнасцы» создавали намеренно окарикатуренные тексты-дубликаты, вызывающие смех своей легкой узнаваемостью. Например:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР. СОНЕТ 155

(Перевод с английского)

Да, я убил! Иначе я не мог,
Но не зови меня убийцей в рясе.
Был беззаветно мной любим бульдог,
Я не жалел ему костей и мяса.

1606 г. (А. Финкель) [13, с. 21]

Н. А. НЕКРАСОВ

В каком краю — неведомо,
в каком году — не сказано,
в деревне Пустоголодно
жил был расстрига-поп.
Жила с попом собачечка
по имени Жужжеточка,
собой умна, красоточка,
да и честна притом.

1868 г. (А. Розенберг) [13, с. 22]

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

У попа была собака,

Всех была она ему милей.
Звали ту собаку,
Псину-забияку
Ли-
хо-
дей.

Пошел попик на базар
И купил там самовар,
Самоварчик новый,
Двадцатилитровый,
Самоварчик новый —
Ай-я-я!
Фирмы «Баташов и
Сыновья».
Нынче своей псине,
Псине-собачине,
Справит именины
Поп
Евтроп.

1924 г. (А. Финкель) [13, с. 37]

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Вычегда, Мычегда, Тычегда, Гзёл!
Жил-был у бабушки серый козёл.
Кондовой земли первозданная сила!
Бабушка козлика очень любила.

1939 г. (А. Финкель) [13, с. 80]

Узнаваемость стилевого прототекста в большинстве случаев обусловлена архитектурой пародийного дискурса: начальные и завершающие строфы в поэтическом тексте или абзацы в тексте прозаическом образуют стилистическую рамку, состоящую из цитат, переданных почти дословно. Ср.:

И. А. КРЫЛОВ

Начальная строфа:

В одну из самых жарких пор
затеял Веверлей купаться.
И надобно сознаться,
что Веверлей сей плавал как топор.

Конечная строфа:

Супругов мне, конечно, очень жаль,
но в басне сей заключена мораль:
не зная броду,
не суйся в воду.

1807 г. (А. Финкель) [13, с. 93]

АЛЕКСЕЙ К. ТОЛСТОЙ

Начальная строфа: А уж кто бы нам песню-былину завел,
Чтоб забыть и печаль и нелады.
Как живали старуха и серый козел.
Ой, ладо, ой, ладушко ладо!

Конечная строка: Ой, ладо, ой, ладушко ладо!
1862 г. (Э. Паперная) [13, с. 57]

Иногда пародийная рамка настолько отвлечённо-совершенна, что в неё можно вставить любой пародийный сюжет. В качестве примера приведём пародии на М.Зощенко и Н. Некрасова. Ср.:

Михаил Зощенко. ПЕРВЫЙ ЖАЛОСТЛИВЫЙ РАССКАЗ

Начальный абзац: А я вам, гражданочка, прямо скажу: не люблю я попов. Не то чтобы я к партии подмазывался, антирелигиозного дурману напускал, но только не люблю я духовной категории.

Конечный абзац: И хотите — обижайтесь, хотите — нет, а я вам открыто скажу: не люблю я духовной категории.
1923 г. (Э. Паперная) [13, с. 35]

Н. А. НЕКРАСОВ

Начальные строфы: Вот что мне рассказал мой попутчик,
мой случайный знакомый на миг,
отставной лейб-гвардеец поручик,
седовласый почтенный старик...

Конечные строки: Так закончил рассказ свой печальный
мой знакомый и вышел в буфет.
1867 г. (А. Финкель) [13, с. 94]

Интертекстуальные связи, соединяющие в текстах пародий оба прототекста, эксплицируются посредством цитат, аллюзий и реминисценций. Примерами реминисценций являются стилевые пародии А. Финкеля на Анну Ахматову и А. Блока, отсылающие читателя к широко известным конкретным текстам названных авторов. Сравним полные тексты пародий с их стилевыми прототекстами:

Стилевой прототекст	Пародия
Анна Ахматова. Гость	Анна Ахматова

Все как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни одни не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914 г.

Все как прежде небо лилово,
те же травы на той же земле,
и сама я не стала новой,
но ушел от меня Веверлей.

Я спросила: чего ты хочешь?
Он ответил: купаться в пруду
Засмеялась я: ах, напророчишь
нам обоим, пожалуй, беду.

Как забуду? Он вышел бодрый,
с пузырьками на правой руке
И мелькали крутые бедра
на хрустящем желтом песке.

Для того ли долгие годы
в одинокой любви прошли,
чтобы отдал ты темным водам
свой загадочный древний лик?!

Тихо сердце мое угасло,
на душе у меня темно
О, прости, — я не знала, что часто
голова тяжелее ног.

О, как сердце мое темнеет,
не смертельного ль часа жду?
И я одна каменею
на холодном темном пруду.

1914 г. (А. Финкель)

[13, с. 104]

В качестве стиливого прототекста в первом примере А. Финкель выбрал стихотворение Анны Ахматовой «Гость», написанное ею в январе 1914 года (к этому времени поэзия Ахматовой завоевала сердца читателей и широко цитировалась). Пародийный текст А. Финкеля наполнен простотой и лиричностью, живым диалогическим синтаксисом, который характерен для поэтики Анны Ахматовой, однако ложная патетика пародии, противоречащая здравому смыслу, и окарикатуривание тематического персонажа — Веверлея — стилистически снижает текст пародии, создавая комический эффект.

Практически по той же модели А. Финкель строит и пародию на А.Блока:

Стиливого прототекст	Пародия
Александр Блок. Незнакомка	Александр Блок
По вечерам над ресторанами Горячий воздух дик и глух, И правит окриками пьяными	Где дамы щеголяют модами, где всякий лицеист остер, над скукой дач, над огородами,

Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,

над пылью солнечных озер, —

там каждый вечер в час назначенный,
среди тревожащих аллей
со станом, пузырями схваченным,
идет купаться Веверлей.

И, медленно пройдя меж голыми,
заламывая котелок,
шагами скорбными, тяжелыми
стучит на сырой песок.

Такой бесстыдно упоительный,
взволнован голубой звездой,
ныряет в воду он стремительно
и остается под водой.

Вздыхая древними поверьями,
шелками черными шумна,
под шлемом с траурными перьями
идет на пруд его жена.

И ноги милого склоненные
в ее качаются мозгу,
и очи синие, бездонные
цветут на дальнем берегу.

И, странной близостью закована,
глядит за темную вуаль
и видит берег очарованный
и очарованную даль.

И в этой пошлости таинственной
оглушена, поражена,
стоит над умершим единственным
окаменевшая одна.

1910 г. (А. Финкель)
[13, с. 99—100]

И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906 г.

Ю. В. Шатин в статье «Два лика пародии» отмечает: «В тексте Финкеля сюжет излагается от третьего лица. Вот почему, несмотря на гибель главного героя, вся ситуация воспринимается как остранённо травестийная. Неопределённость Веверлея и узнаваемость блоковского стихотворения, сталкиваясь, рожают комический эффект. Такое явление Тынянов назвал бы пародичностью, цель которой воспроизвести черты блоковского стиля, придав ему противоположный пафос» [10, с. 219].

В отдельных случаях техника пародирования меняется, как, например, в пародии А. Финкеля на Демьяна Бедного. Оба прототекста утрируются, доводятся до абсурда, а сама пародия приобретает ироническую тональность.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Вот, братцы, сказочка про Веверлея,
который не жалея
ни рук своих, ни ног
нырнул как только мог
глубоко.

В мгновенье ока
засосан был водой
и там остался с бородой.
Жена его, Доротея,
узнав про эти затеи,
прибежала на пруд
в большой тревоге
и, увидев мужнины ноги,
навек окаменела тут.

—

Сказка, говорится, складка,
а вот вам и ее разгадка.
Похохочу я над
вами всласть.
Пруд-то он — Советская власть,
а Веверлеи и Доротеи,
все эти богатеи, —
социал-предатели,
соглашатели

и буржуазные лакеи.

1919 г. (А. Финкель) [13, с. 109]

Ироническое звучание пародии приобретают и в результате активного употребления разговорно-бытовых выражений и просторечных пословиц³, как, например, в тексте пародии Э. Паперной. Ср.:

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

В стороне родной Смоленской,

За околицей села,

В бедной хате деревенской

Бабка старая жила,

Да по слабости по женской

Завела себе козла.

И на серого любимца

Надышаться не могла.

Знать, недаром говорится,

Что любовь бывает зла:

Мол, как сердце разгорится,

Так полюбишь и козла.

Козлик, даром что скотина,

Заскучал не без причины

(Примечай, куда я гну):

Род козлиный — что мужчины,

Подавай им новизну.

Не мила изба родная

И двора того не жаль,

Где от самого от края

Открывалась даль степная,

А за ней лесная даль.

Вот он, лес! В строю могучем

Встали сосны, словно полк,

А из чащи из дремучей

Злой бедою неминуемой

Тут как тут явился волк.

.....

Бабка следом, что есть духу,

Прямо в лес. *Ни божье мой!*

Рожки козлика старуха

Унесла к себе домой

И омыла их, *горюха,*

Горькой бабьею слезой...

«На старуху есть проруха» —

Было сказано не мной.

1946 г. (Э. Паперная) [13, с. 81]

Обыгрывание просторечных пословиц «Любовь зла — полюбишь и козла» и «На старуху бывает проруха», употребление их в трансформированном виде вносит в текст этой пародии дополнительные смыслы, обновляющие сюжетную линию тематического прототекста.

Несоответствие формы, соотносящейся со стилевым прототекстом, и содержания, отсылающего к прототексту тематическому, представляет пародии «парнасцев» в шуточной тональности, а «важнейшая характеристика шуточной коммуникативной тональности, по мнению В. И. Карасика, — интенция говорящего развеселить слушающего. Адресат должен быть готов к тому, что содержание сказанного обусловлено именно этой интенцией. Тематика сообщения в этом плане играет вторичную роль» [11, с. 337].

Проникнув в глубины авторских стилей любимых поэтов, «парнасцы», представившие свой сборник как «научное веселье», создали, на наш взгляд, виртуозные пародии, воспроизведя разные поэтические интонации и обогатив первичные тексты интертекстуальными связями.

Список использованной литературы и примечания

- 1. Тынянов Ю. Н.** О пародии // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. [Электронный ресурс] / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — С. 284—309. — Режим доступа к ресурсу: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet7.htm>.
- 2. Фрейденоберг О. М.** Происхождение пародии / О. М. Фрейденоберг; публ. Ю. М. Лотмана // Труды по знаковым системам. Вып. 6. — Тарту, 1973. — С. 490—497.
- 3. Пропп В. Я.** Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. — СПб.: Алетейя, 1997. — 287 с.
- 4. Лихачев Д. С.** Смеховой мир Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. — Л.: Наука, 1976. — 200 с.
- 5. Бахтин М. М.** Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь) / М. М. Бахтин. — М.: Наука, 1973. — С. 248—259.
- 6. Поляков М. Я.** Русская театральная пародия 19—20 вв. / М. Я. Поляков. — М.: Искусство, 1975. — 830 с.
- 7. Арнольд И. В.** Семантика, стилистика, интертекстуальность / И. В. Арнольд. — СПб.: СПбГУ, 1999. — 351 с.
- 8. Лошаков А. Г.** Прагмо-семантическая структура пародийного текста : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук. [Электронный ресурс] / А. Г. Лошаков. — Пермь : Пермский гос. ун-т, 1995. — 20 с. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.linguistic.sfgpu.ru/loshakov.doc>.
- 9. Лушникова Г. И.** Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дис. на соискание учёной степени д-ра филол. наук. [Электронный ресурс] / Г. И. Лушникова. — Челябинск, 2009. — 43 с. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.dissercat.com/content/kognitivnye-i-lingvostilicheskie-osobennosti-literaturnoi-parodii>.
- 10. Шатин Ю. В.** Два лика пародии // Критика и семиотика. — Вып. 13. — 2009. — С. 213—220. [Электронный ресурс] / Ю. В. Шатин. — Режим доступа к ресурсу :

<http://www.nsu.ru/education/virtual/cs013shatin.pdf>. **11. Карасик В. И.** Языковые ключи / В. И. Карасик. — М.: Гнозис, 2006. — 406 с.
12. Ксендзюк О. «Веселость едкая литературной шутки». — Мигдаль Times. — 2013. — № 114. [Электронный ресурс] / Ольга Ксендзюк. — Режим доступа к ресурсу: <http://www.migdal.ru/times/114/>.
13. Паперная Э. С. Парнас дыбом: Литературные пародии / Э. С. Паперная, А. Г. Розенберг, А. М. Финкель [Сост., подгот. текста и вступ. статья Л. Фризмана]. — М.: Худож. лит., 1989. — 126 с. (Забывтая книга).
14. Чудаков А. П. Комментарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. [Электронный ресурс] / А. П. Чудаков. — М.: Наука, 1977. — С. 536—544. — Режим доступа к ресурсу: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet7.htm>.

¹Вспомним определение пародии, данное О. М. Фрейденберг: «...пародия не есть продукт чьего-то отдельного изобретения или чьей-то веселой фантазии. Пародия не есть имитация, высмеиванье или передразниванье. Пародия есть архаическая религиозная концепция «второго аспекта» и «двойника», с полным единством формы и содержания» [2, с. 497].

²Первая статья Ю. Н. Тынянова о пародии «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)» была написана им в 1919 году (опубликована в 1921 году). — В.Р.

³В тексте пародии языковые средства создания комического выделены нами курсивом. — В.Р.

Розсоха В. О. Маркери пародійного дискурсу (на матеріалі збірки «Парнас дибом»)

У статті на матеріалі збірки літературних пародій початку ХХ століття «Парнас дибом» зроблено спробу проникнути в глибинні смисли пародійного дискурсу і виявити знаки пародійної тональності, які маркують пародійний дискурс як «вторинний».

Автор статті, спираючись на дослідження пародійного дискурсу такими авторитетними філологами, як Ю. М. Тынянов, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп та ін., вважає, що маркер «вторинність» — знак амбівалентного, двоїстого подання дійсності в алогічному світі пародійного дискурсу, який відбиває не ситуації або події, що відбулися або можуть відбутися, а первинний текст, який стає об'єктом для пародії.

Специфічною ознакою збірки «парнасців» є об'єднання стильових пародій загальними тематичними прототекстами, що дозволяє говорити про пародичність (за Ю. М. Тыняновим), а не пародійність дискурсу, хоча традиційний підхід дозволяє назвати їх збірку пародіями. Невідповідність форми, яка співвідноситься зі стильовим прототекстом, і змісту, що відсилає до прототексту тематичного, являє пародії «парнасців» в жартівливій тональності. Інтертекстуальні зв'язки, що сполучають в

текстах пародій тематичний і стильовий прототексти, експлікуються за допомогою цитат, алюзій і ремінісценцій.

Ключові слова: пародійний дискурс, пародичність, «Парнас дибом», стильова пародія, вторинний текст, прототекст, пародійна тональність, інтертекстуальність.

Розсоха В. А. Маркеры пародийного дискурса (на материале сборника «Парнас дыбом»)

В статье на материале сборника литературных пародий начала XX века «Парнас дыбом» сделана попытка проникнуть в глубинные смыслы пародийного дискурса и выявить знаки пародийной тональности, маркирующие пародийный дискурс как «вторичный».

Автор статьи, опираясь на исследования пародийного дискурса такими авторитетными филологами, как Ю. Н. Тынянов, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп и др., считает, что маркер «вторичность» — знак амбивалентного, двойственного представления действительности в алогичном мире пародийного дискурса, отражающем не ситуации или события, произошедшие или могущие произойти, а первичный текст, который становится текстом порождающим, объектом для пародии.

Специфическим признаком сборника «парнасцев» является объединение стилевых пародий общими тематическими прототекстами, что позволяет говорить о пародичности (по Ю.Н.Тынянову), а не пародийности дискурса, хотя традиционный подход позволяет назвать их сборник пародиями. Несоответствие формы, соотносящейся со стилевым прототекстом, и содержания, отсылающего к прототексту тематическому, представляет пародии «парнасцев» в шутливой тональности. Интертекстуальные связи, соединяющие в текстах пародий тематический и стилевой прототексты, эксплицируются посредством цитат, аллюзий и реминисценций.

Ключевые слова: пародийный дискурс, пародичность, «Парнас дыбом», стилевая пародия, вторичный текст, прототекст, пародийная тональность, интертекстуальность.

Rozsokha V. A. Markers of Parody Discourse (Based on the Materials of the Collection «Parnassus on End»)

The article based on the materials of the literature parody collection of the beginning of the 20th century «Parnassus on End», attempts to penetrate into the deep meaning of the parody discourse and reveal the parody tone signs that mark the parody discourse as «secondary».

The author of the article, being guided by the research in the field of parody discourse of such remarkable philologists as Yu. N. Tynyanov, O. M. Freidenberg, V. Ya. Propp and others, is of the opinion that the marker «secondarity» is a sign of an ambivalent dual reality representation in the analogical world of the parody discourse, reflecting not the situations or events

that happened or can happen, but the primary text, which turns into the causing text, the object for the parody.

The specific sign of the «Parnassian» collection is the consolidation of the style parodies using common thematic prototexts, which allows to speak about the parody (according to Yu.N. Tynyanov), not the parodiness of discourse, whereas the traditional approach allows to call their collection parodies. The incompatibility of the form correlating with the stylistic prototext and the contents referring to the thematic prototext, presents the parodies of the «Parnassians» in a humorous tone. Intertextual links that connect the thematic and style prototexts in the texts of the parodies are expressed by the means of quotations, allusions and reminiscences.

Key words: parody discourse, parodicity, «Parnassus on End», style parody, secondary text, prototext, parody tone, intertextuality.

Стаття надійшла до редакції 27.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — к. філол. н., доц. Джинджолія Г. П.

УДК 811.161.1'42

Э. В. Минаева

Т. А. Пономарёва

КОНЦЕПТ «ДОМ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В современной парадигме лингвистического знания когнитивный аспект занимает одно из ведущих мест. Концепт, являющийся результатом когнитивной деятельности человека, в современной науке представляет собой междисциплинарное понятие, связывающее различные области человеческого знания: логику, философию, культурологию, лингвистику, психологию, когнитологию и другие. Несмотря на множество вышедших в последнее время работ (назовем авторов некоторых из них: С.Г. Воркачëв, Анна А. Зализняк, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, И.Б. Левонтина, Д.С. Лихачëв, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелëв и многие др.), рассматривающих концепты, единой трактовки данного термина нет, часто его содержание значительно различается. Мы присоединяемся к пониманию концепта как части языковой картины мира, представления, связанного с системой мировидения человека, своеобразного «пучка смыслов», что дает возможность многоаспектного анализа этого лингвокультурологического явления. В виде концепта культура входит в ментальный мир человека, в то же время концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а также влияет на нее. В.И. Карасик

отмечает, что концепт — это «точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов» [1, с. 22]. По определению Ю.С. Степанова, «<...> человек пронизан культурой, более того — он пронизан культурой... Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [2, с. 42—43].

Особый интерес представляет рассмотрение концептов в системе текста, т. к. современная лингвистика является не только антропоцентричной, но и текстоцентричной. Концептуальный анализ художественных текстов дает возможность получить сведения об универсальных и идиостилевых характеристиках языковой картины мира личности поэта (писателя), так как в каждом конкретном тексте концепты, обогащенные авторской символикой, реализуются по-разному, сохраняя основное концептуальное ядро. Концепт, по В.И. Карасику, — «<...> это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значений» [1, с. 22].

Цель данной статьи: с учетом лингвокультурологического подхода рассмотреть некоторые особенности языковой реализации концепта «Дом» в современной русской поэзии, выделив отличительные, по сравнению с традиционной поэзией, признаки этого концепта.

Современную русскую поэзию исследователи называют по-разному: авангардная, альтернативная, постмодернистская, новая, экспериментальная, новаторская и др. Существует несколько направлений (школ), также не имеющих единого названия: концептуализм, ироническая поэзия, метареализм, презентализм, элегизм и многие другие. Поэзию последнего десятилетия сложно типологизировать и отнести к тому или иному направлению.

Авангардная поэзия представляет особый интерес в качестве исследовательского материала: здесь ярко выражены метаязыковые характеристики, связи с современными реалиями социума. Для постмодернистского мировосприятия характерен релятивизм и разрушение иерархий, ирония, деконструкция авторитетных ориентиров, сомнение в вечных ценностях и в то же время ориентация на традиции, внимание к константам национальной культуры, не утративших своего влияния. В авангардном стихотворении максимально сближаются общественное и художественное сознание. Ю.А. Сорокин отзывается об авангарде как о всегда образном указании на современное внутреннее ментальное состояние общества, на те естественные, натуральные, внутренне присущие человеку ценности, которыми живет он и общество [3]. Поэзия авангарда ориентирована на снижение высокого, пафос отрицается, в основе лирического сюжета лежит банальность события, каждодневного и скучного; с этим связана антиметафоричность поэтического языка, обилие сниженной лексики и рваный синтаксис, выход в область визуального письма; происходит отказ от эстетики «сильных» позиций текста в сторону смысловой «смазанности»; роль абсурдизма, эпатажа, иронии стремительно возрастает [4]. В авангардной

поэзии нашел отражение кризис мировоззрения современного человека. Об этом писал еще в начале XX века философ И.А. Ильин: «Современный человек» есть трезвый, плоский и самодовольный утилитарист, служитель пользы, идеолог полезности, лишенный органа для всего высшего и духовного, не постигающий никакого «третьего измерения: он пошел в высшем, религиозном смысле этого слова и нравится себе в таком состоянии. Он пошел без всякого «надрыва» и покаяния и склонен к нападению на все не пошлое. И потому культура его пошла, как он сам» [5, с. 90]. Пошлость человеческого быта возводится в авангардной поэзии до состояния абсурда и абсурдом же опровергается. Поэтические тексты эпатажны: эпатаж позволяет преодолеть косность мысли, выявить ограниченность стереотипизированного сознания современного человека.

Концепт «Дом» — одна из важнейших констант культуры, в славянской картине мира играющая особую роль. В современном русском языке слово «дом» обозначает жилое здание, людей, живущих в нем; семью, людей, живущих вместе, их хозяйство; учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды; династию, род [6, с. 141]. При множестве значений и огромном ассоциативном потенциале «Дом» в славянской картине мира — это, прежде всего, мир, покой, порядок, уют; это то, что отграничивает мир «внутренний» от мира «внешнего», что защищает и оберегает. В русском сознании «мир часто ассоциируется с *домом*, где все *устроено*. Это касается и *мира* как вселенной ... и *мира* как метафорического обозначения общественного *строя*... Так понимаемому *миру* противостоит открытое пространство вне дома...» [7, с. 112—113]. *Дом* в наивной языковой и концептуальной картине мира русского народа, занимая в ней центральное положение, имеет непреходящую ценность, является критерием оценивания человека.

В поэтической картине мира можно выделить признаки концептов, совпадающие и не совпадающие со стереотипными представлениями, закрепленными в языковой картине мира, и более того, в концептуальной картине мира. Поэзия выполняет важную функцию моделирования новых смыслов, расширяющих концептуальное пространство картины мира. Современная русская поэзия представляет разнообразные реализации концепта «Дом».

Нина Искренко, представительница авангардного направления поэзии, осмысливает и представляет концепт «Дом» в соответствии с идеологией авангарда. В своей поэзии Нины Искренко создает концепт «Дом», который можно охарактеризовать как «КВАЗИдом».

Дом Нины Искренко — железобетонный, тесный, холодный в своем бездушии, удушающий:

В пространстве вогнутом и сжатом
как в лифте падающем мимо
на платье из металлолома

я пришиваю мирный атом
(Я сплю [8, с. 44])

... оказывается что всего холодней
не во льду не на Таймыре
а в пустой городской квартире
где кроме зеркала канарейки и
Рабиндраната Тагора
И поговорить не с кем
(Вариант-импровизация [8, с. 64])

Довольно часто встречается мотив подъезда как квинтэссенции
НЕуютя:

Замурованный подъезд
(Вот опять горит морковь [8, с. 63])

Дети побили все стекла в парадном
(Сара Бернардовна не заходила? [8, с. 38])

наматывается на цифровой замок в подъезде страдаль-
чески-виолончельный скрип дверей
(Другая женщина [8, с. 55])

Георгий Гачев отмечает непосредственную взаимосвязь восприятия *дома* и мироощущения человека; в современном мире, который может быть охарактеризован как череда разрывов и распадов, для человека (особенно городского, оторвавшегося от родной земли, своих корней) дом перестает быть сакральным центром бытия, утрачивает свои важные духовные признаки, и в этом опасность для самого человека: «Вот рисую дом и полосы окон — и явная расклеточность улья или муравейника предстает: наша нарубленность и накрошенность явной становится» [9, с. 88]; «Но вернемся к дому, к стенам... Они, нынешние, железобетонные, не помогают (как в пословице патриархальной: дома и стены помогают). А почему нет? Ведь никто к тебе через них не заберется. Но эта стена — не для тебя: чтоб тебя от кого-то охранять (от человека лихого. А от непогоды ведь охраняет), но чтоб тебя как функцию удобно содержать, и когда надо — нажать на кнопку телефонного звонка и вызвать на пульт» [9, с. 181]; «<...> (дом) каменный мешок располагает к лежанию и сидению вечному. Движениям противен. И постепенно тяжелеет существо твое, тяжесть камня в него передается, и вот уже душа наливается унынием, бессилием» [9, с. 182].

Нина Искренко тонко чувствует и передает эту «нарубленность» и «накрошенность» человеческого мироощущения. Ее дом схематичен, безлик и безличен. И люди такие же схематичные, безликие, безличные. Автор сравнивает дом со спичечным коробком, поворачивая его перед внутренним взглядом читателя в разных проекциях (*вид спереди, вид*

Кишеньє опара
черт звуков Содом
Мы в чреве базара
Не крепость нам Дом
И двое — не пара [13]

Кольцевая композиция акцентирует внимание на обыгрывании идиомы «Мой дом — моя крепость», добавлении в нее отрицательной частицы *не*, получается идиома-«перевертыш», парадоксальная по форме и содержанию конструкция. Тем не менее, показательно, что слово «Дом» написано с заглавной буквы, что актуализирует и выводит на первый план ценностные смыслы концепта «Дом».

Еще один пример реализации в концепте «Дом» семы «НЕуют» находим в стихотворении Алексея Парщикова «В домах для престарелых»:

В домах для престарелых широких и проточных,
где вина труднодоступна, зато небытия — как бодяги,
чифир вынимает горло и на ста цепочках
подвешивает, а сердце заворачивает в бумагу.
Пусть грунт вырезает у меня под подошвами
мрачащая евстахиевы трубы невесомость,
пусть выворачивает меня лицом к прошлому,
а горбом к будущему современная бездомность! [14]

Слово «дом», употребленное в начале лирического сюжета в словарном значении (*дом престарелых*), в ментальном сегменте лирического сюжета концептуализируется в «бездомность». Весь лирический сюжет построен на подтверждении парадоксальности своеобразного уравнения: «Дом = бездомность».

Еще один интересный пример — стихотворение Анны Альчук из цикла «сказаНО», состоящее из трех озаглавленных частей. В каждой части есть элемент «дом»: то ли в качестве отдельного слова, то ли в качестве квазиморфемы:

наземный пейзаж
ЗА(РЯ дом)

подводный пейзаж
за рядом
ряд рыб

война
заряд дом
зарядом [15, с. 463—464]

Последний пример прекрасно иллюстрирует замечание В. Аристовова, о том, что в постмодерне «торжествует *внешнее* (выделено нами. — Э.М., Т.П.) отношение к слову» [16, с. 124]. Проявление этой эстетики — особая структура современного

поэтического текста. Анализ формы современных стихотворений подтверждают мысль Н. Фатеевой о том, что «в современном поэтическом тексте начинают переосмысляться и приобретать новые измерения все языковые элементы, его составляющие, — от звука (фонемы) до целого стихового ряда, и возникает новое представление о дискретности языковых единиц» [17, с. 79]. Отсюда — сдвиги в границах слов, морфем, словосочетаний; трансформации одних языковых элементов в другие; многочисленные повторы, палиндромы, каламбуры; «разноязычная» заумь (Н. Фатеева), т.е. внедрение в текст слов или элементов других языков; прием «муфталингвы» (В. Мельников): создание словообразовательных и грамматических неологизмов путем «перетекания» одного слова в другое; включение в поэтический текст музыкальных, математических и других знаков и символов и другие приёмы. Каждая единица текста становится семантически особенно значима, а пробелы, знаки препинания, скобки служат «усилителями» семантической, культурологической, интертекстуальной информации. Соответственно и концепт, находящийся в структурно изменившемся лирическом сюжете, может менять способы своей языковой реализации. Вместе с тем, по нашему мнению, сдвиги в границах языковых знаков являются результатом и тревожным «симптомом» раздробленности бытия и сознания современного человека, его когнитивной и языковой картин мира.

В стихотворении Дмитрия Пригова «Я гуляю по Садовой...» *дом* включается в ситуацию обыденности, повседневности, банальности:

Я гуляю по Садовой
Дохожу до Ногина
Головы моей бедовой
Участь определена
Вот я на метро сажуся
Доезжаю до себя
Прихожу домой, ложуся
Вот она и спит уж вся
Бедовая [18]

Намеренная небрежность стиля, игнорирование пунктуационных и стилистических норм создают своеобразный «текст без правил», в котором утилитарное не сопрягается с обобщающе-оценочным, лирический герой как познающий субъект ... превращается в повествователя, считающего себя таким, как все» [19, с. 406].

Приведем в качестве поэтического примера стихотворение А. Парщикова «Из города»:

Шкаф платяной отворяет свои караул-створки,
валяются шмотки, их души в ушке у иголки
давятся — шубы грызутся и душат пиджак,
фауна поз человеческих — другдружикина пицца! —
воет буран барахла, я покину жилище,

город тряпичный затягивая, как рюкзак [14]

В этом стихотворении *дом* — лишь жилище. Просторечия и окказионализмы, употребленные в тексте, вносят новые семантические и эмоциональные признаки в структуру концепта «Дом». Событийность лирического сюжета формируется за счет использования множества глагольных конструкций, олицетворений и метафор.

Эта черта (событийная представленность концептов), характерная для современной поэзии, лежит в основе стихотворения Ивана Жданова «Возвращение». Структурно стихотворение делится на две части. Первая описывает возвращение блудного сына в отчий дом:

Это на слабый стук, переболевший в нем,
окна вспыхнули разом предубежденным жаром,
и как будто сразу взлетел над крышей дом,
деревянную плоть оставляя задаром,

Во второй части стихотворения — стремление лирического героя построить по подобию родительского и свой дом:

Знать бы, в каком краю будет поставлен дом
тот же, каким он был при роковом уходе,
можно было б к нему перенести тайком
то, что растратить нельзя в нежити и свободе [20].

Эти две линии лирического сюжета передают понимание *дома*, характерное для славянской культуры: родительский дом и дом, в котором человек сам создает свою семью.

Итак, наблюдения над современными поэтическими текстами позволяют утверждать, что в поэзии конца XX — начала XXI веков отражены основные признаки концепта «Дом», характерные для славянской культуры, такие как «Дом-уют», «Дом-покой», «Дом-жилище». В некоторых случаях концепт «Дом» может быть охарактеризован как «КВАЗИдом», в котором признак «бездомность» становится доминирующим. Концепт «Дом» в современной поэзии часто коррелирует с «рваным» бытием современного человека. Кроме того, в современной поэзии концепт «Дом» выступает носителем новых семантических и эмоциональных признаков, связанных с некоторыми типологическими свойствами современной поэзии, в частности с особой структурой современного поэтического текста.

Перспектива исследования видится в дальнейшем осмыслении типологических свойств современной поэзии, выявлении особенностей реализации концептов и взаимодействия их концептуальных полей.

Список использованной литературы

- 1. Карасик В. И.** Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2006. — 406 с.
- 2. Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М. : Академический проект, 2001. — 990 с.
- 3. Поэзия:** Альманах. — М. : Мол. гвардия, 1990. — Вып. 55. — 222 с.
- 4. Синельникова Л. Н.** Лирический сюжет в языковых

характеристиках : [монографія] / Л. Н. Синельникова. — Луганск : Ред.-изд. отдел облуправления по печати, 1993. — 188 с. **5. Ильин И. А.** Родина. Русская философия. Православная культура / И. А. Ильин. — М. : Наука, 1992. — 159 с. **6. Ожегов С. И.** Словарь русского языка / [под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой] / С. И. Ожегов. — М. : Рус. яз., 1988. — 750 с. **7. Шмелёв А. Д.** В поисках мира и лада // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / А. Д. Шмелёв. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — С. 110–129. **8. Искренко Н.** Или: Стихи и тексты / Н. Искренко. — М. : Сов. писатель, 1991. — 112 с. **9. Гачев Г.** Жизнь с мыслью: Книга счастливого человека (пока) / Г. Гачев. — М. : Ди-Дик-Танаис, МТРК «Мир», 1995. — 493 с. **10. Искренко Н.** Вещи, с которыми нужно смириться / Н. Искренко. — М. : Арго-Риск, 2006. — 56 с. **11. Искренко Н.** О главном: Тексты / Н. Искренко. — М. : Независимая газ., 1998. — 56 с. **12. Искренко Н.** Стихи о Родине / Н. Искренко. — М. : АРГО-РИСК, 2000. — 88 с. **13. Власов Е.** Знаменитая книга. Стихотворения / Е. Власов // Triada Book on CD. **14. Парщиков А.** Выбранное — М. : ИЦ-Гарант, 1996. — 208 с. [Электронный ресурс] / А. Парщиков. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.vavilon.ru/texts/parshchikov1.html>. **15. Альчук А.** СказаНо: (стихи 2000–2003 гг.) // Поэтика исканий, или Поиск поэтики : материалы междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии» / А. Альчук. — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2004. — С. 463–467. **16. Аристов В.** Возможности «внутреннего изображения» в современной поэзии и поэтике // Поэтика исканий, или Поиск поэтики... / В. Аристов. — С. 124–131. **17. Фатеева Н.** Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress // Поэтика исканий, или Поиск поэтики... / Н. Фатеева — С. 79–89. **18. Пригов Д. А.** Неложные мотивы [Электронный ресурс] / Д. А. Пригов. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.vavilon.ru/texts/prigov2.html>. **19. Синельникова Л. Н.** Русский поэтический авангард конца XX века как модус китчевой культуры / Л. Н. Синельникова // Жизнь текста, или Текст жизни : [избранные работы в 3-х тт.]. — Луганск : Знание, 2005. — Т. 1. Лингвистическая поэтика. — 432 с. — С. 404–412. **20. Жданов И.** Фоторобот запретного мира. Стихи / И. Жданов. — СПб. : Пушкинский фонд, 1997. — 54 с. [Электронный ресурс] / И. Жданов. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.vavilon.ru/texts/prim/zhdanov0.html>.

Мінаєва Е. В., Пономарьова Т. О. Концепт «Дім» в сучасному поетичному тексті

У статті розглядаються деякі особливості мовної реалізації концепту «Дім» у сучасній російській поезії (на матеріалі творів Г. Альчук, Є. Власова, І. Жданова, Н. Искренко, О. Парщикова, Д. Пригова).

У поетичній картині світу виділяються ознаки концептів, що збігаються або не збігаються зі стереотипними уявленнями, закріпленими в концептуальній картині світу. Сучасна російська поезія представляє різноманітні реалізації концепту «Дім». Автори приходять до висновку, що в поезії кінця ХХ — початку ХХІ століть відображені основні ознаки концепту «Дім», характерні для слов'янської культури, такі як «Дім-затишок», «Дім-спокій», «Дім-житло». У деяких випадках концепт «Дім» може бути охарактеризований як «КВАЗІдім», в якому ознаки «бездомність», «НЕзатишок» стають домінуючими. Концепт «Дім» у сучасній поезії часто корелює з «рваним» буттям сучасної людини. Крім того, в сучасній поезії концепт «Дім» виступає носієм нових семантичних й емоційних ознак, пов'язаних з деякими типологічними властивостями сучасної поезії, зокрема з особливою структурою сучасного поетичного тексту.

Ключові слова: концепт, концепт «Дім», сучасний поетичний текст, «КВАЗІдім», структура сучасного поетичного тексту.

Минаева Э. В., Пономарёва Т. А. Концепт «Дом» в современном поэтическом тексте

В статье рассматриваются некоторые особенности языковой реализации концепта «Дом» в современной русской поэзии (на материале произведений А. Альчук, Е. Власова, И. Жданова, Н. Искренко, А. Парщикова, Д. Пригова).

В поэтической картине мира выделяются признаки концептов, совпадающие и не совпадающие со стереотипными представлениями, закрепленными в концептуальной картине мира. Современная русская поэзия представляет разнообразные реализации концепта «Дом». Авторы приходят к выводу, что в поэзии конца ХХ — начала ХХІ веков отражены основные признаки концепта «Дом», характерные для славянской культуры, такие как «Дом-уют», «Дом-покой», «Дом-жилище». В некоторых случаях концепт «Дом» может быть охарактеризован как «КВАЗИдом», в котором признаки «бездомность», «НЕуют» становятся доминирующими. Концепт «Дом» в современной поэзии часто коррелирует с «рванным» бытием современного человека. Кроме того, в современной поэзии концепт «Дом» выступает носителем новых семантических и эмоциональных признаков, связанных с некоторыми типологическими свойствами современной поэзии, в частности с особой структурой современного поэтического текста.

Ключевые слова: концепт, концепт «Дом», современный поэтический текст, «КВАЗИдом», структура современного поэтического текста.

Minaeva E. V., Ponomaryova T. A. The Concept of «Home» in the Modern Poetic Text

The paper discusses some features of the language of the concept of «Home» in contemporary Russian poetry. The material of the study were poetry of A. Alchuk, E. Vlasov, I. Zhdanov, N. Iskrenko, A. Parshchikov, D. Prigov.

Consideration of the concepts in the text is of special interest, since modern linguistics is not only anthropocentric, but tekstotsentrichnoy. In a poetic picture of the world stand out features of concepts that match and do not match the stereotypes embodied in the conceptual picture of the world. Modern Russian Poetry is a variety of the concept of «Home» The authors conclude that in the poetry of the late XX — early XXI century reflects the main features of the concept of «Home», typical of Slavic culture, such as «House-comfort», «rest-house», «dwelling-house».

In some cases, the concept of «Home» can be characterized as «KVAZIhouse» in which signs of «homelessness», «neuyuta» become dominant. For the modern urban man, alienated from the native land of their roots, the house is no longer a sacred center of existence, losing its important spiritual attributes. The concept of «Home» in modern poetry often correlates with a «ragged» being a modern person.

In addition, the concept of modern poetry «House» is a bearer of new semantic and emotional symptoms associated with some typological characteristics of modern poetry, in particular the special structure of the modern poetic text.

Key words: concept , the concept of «Home», the modern poetic text, «KVAZIhouse», structure of contemporary poetic text.

Стаття надійшла до редакції 26.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Дмитренко В. І.

УДК 81'42

Е. В. Грищенко

**ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: ПОДДЕРЖАНИЕ РАВНОВЕСИЯ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ**

Появление термина «экология» связывают с именем немецкого биолога Э. Геккеля, который в конце XIX века определил экологию как «науку о взаимоотношениях организмов с окружающей средой» [1, с. 152]. Экология стала самостоятельной наукой в начале XX века. К середине века понятие «экология» приобрело особое значение, и термин стал использоваться в более широком смысле, выйдя за пределы науки

экологии. Появились такие понятия, как *экология культуры* (Д.С. Лихачёв), *экология языка* (Э. Хауген, Ю.С. Степанов), *экология духа* (А. Мень), *экология религии* (О. Хулькрантц); также *экология производства*, *экология литературы*, *экология политики* и другие. Обращение разных наук к понятию «экология» обусловлено как антропоцентрическим подходом, так и «экологизацией» научного знания [2, с. 65].

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике способствовала изучению языка, человека и окружающей среды; человека, общества и природы в их неразрывной связи. Интерес к взаимоотношению понятий «окружающая среда» и «язык», «экология» и «язык» привёл к появлению нового научного направления, объединяющего лингвистику и экологию, — лингвоэкологию.

Новая научная дисциплина приобрела ряд сходных названий, которые иногда используются как синонимы, а иногда разграничиваются: *экология языка*, *языковая экология*, *эколингвистика* — *экологическая лингвистика*, *лингвоэкология* — *лингвистическая экология*. Проанализируем содержание названных понятий.

А.П. Сковородников называет **ЭКОЛОГИЮ ЯЗЫКА** лингвоэкологией, эколингвистикой и считает «направлением лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, а с другой стороны, с изысканием путей и способов обогащения языка и совершенствованием практики речевого общения» [3]. Исследователь не разграничивает понятия «лингвоэкология» и «эколингвистика».

По мнению А.Т. Хроленко, **ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА** есть «культура мышления и речевого поведения, воспитание лингвистического вкуса, защита и «оздоровление» литературного языка, определение путей и способов его обогащения и совершенствования, эстетика речи» [4, с. 125]. Собственно экология языка как научное направление не рассматривается.

Н.Н. Кислицына определяет **ЭКОЛИНГВИСТИКУ** как «раздел языкознания, сформировавшийся на стыке социального (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления), психологического (проблемы речевого воздействия) и философского (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике» [5]. Исследовательница вводит понятия *экологичности* и *неэкологичности* языковых единиц, называет два поднаправления в эколингвистике: во главе первого — экология («экологические идеи экстраполируются на язык и языки»), в основе второго — подход к языку как способу исследования экологических проблем [5].

Е.В. Иванова называет *экологический дискурс* объектом исследования эколингвистики и определяет два её направления —

«эколингвистику» (от экологии к языку) и «языковую экологию» (от языка к экологии, изучение экологических тем на материале языка). **Эколингвистика** рассматривается как научное направление, которое «формируется на выявлении законов, принципов и правил, общих как для экологии, так и для развития языка, и исследует роль языка в возможном решении проблем окружающей среды» [6, с. 136].

По мнению А.А. Полухина, **эколингвистика** является научной дисциплиной, которая представлена двумя направлениями — «экологической лингвистикой» и «языковой экологией». Исследователь подразделяет эколингвистику на *макроэколингвистику* (изучает эколингвистические аспекты мировой значимости — языковые конфликты, языковой геноцид и пр.) и *микроэколингвистику* (исследует речевые и языковые факты в рамках эколингвистики с учётом социолингвистики, антропологии, психолингвистики) [2, с. 67]. А.А. Полухин не считает термины «эколингвистика» и «лингвоэкология» взаимозаменяемыми.

А.Т. Хроленко рассматривает **эколингвистику** как «науку о взаимодействии языка и окружающей среды» и полагает, что проблема экологии языка и проблема экологии культуры взаимосвязаны, поскольку «важнейшим условием сохранения и развития культуры считается забота о языке» [4, с. 126, 123].

Эколингвистика определяется также как направление, изучающее «сферу обитания человека и общества, опосредованную языком, и концентрируется на выявлении закономерностей, общих для экологии и языковой системы» [7, с. 29]; как наука, изучающая «соотношение между языком и естественной окружающей средой», фокусирующаяся на «окружающей среде и языке», «экологии и языке», «природе и культуре» [8, с. 203, 205].

Г.Н. Смагулова использует понятие **лингвоэкология** и относит к этой области исследований «проблемы языковой среды, её изменения, динамику развития, причины, негативно влияющие на развитие и функционирование языка», «условия обогащения и развития языка, совершенствования социального опыта» и «проблему чистоты речи в языковой среде» [9, с. 211]. Среди основных понятий лингвоэкологии называются «языковая агрессия» (или «языковая экспансия») и «языковая личность».

Популярность понятия «экология» обусловила появление новых терминов в рамках нового научного направления — *экология перевода, этнолингвистическая экология, экология речи, экология языкового общения*.

В дальнейшем мы будем пользоваться термином *лингвоэкология* (или *лингвистическая экология*), отводя, таким образом, главенствующую роль языку в отражении процессов окружающей среды и лингвистике как науке, объединяющей, определяющей и объясняющей взаимодействие человека и окружающей среды, экологии.

Лингвоэкология занимается изучением естественных и «неестественных», внутренних и внешних факторов языковых изменений («внешняя и внутренняя экология», по А.Т. Хроленко). Естественные и внутренние процессы не подвластны человеку, воздействовать можно только на «неестественные», «внешние» факторы экологии языка. Это задача не только каждой отдельной языковой личности, но и государства в целом, в интересах которого — создание серьёзной языковой политики.

Влияние внешних факторов на среду и язык очень велико: культурные трансформации, роль средств массовой информации в современной коммуникации, появление и влияние новых информационных технологий, иноязычная экспансия (прежде всего англоязычная). Внутренние, естественные процессы стабильны, последовательны и сбалансированы, иначе воздействие на язык было бы разрушительным (эсхатологический прогноз — возможность экологической и языковой катастрофы).

Выдвинем гипотезу о наличии «закона сохранения энергии» языка, экстраполируя его из области физики в область лингвистики («энергию нельзя создать или разрушить, ее можно только преобразовать из одной формы в другую»). Закон сохранения энергии работает и в языке. Подтверждением этому являются следующие идеи и высказывания лингвистов, эколлингвистов и культурологов: 1) язык и культура являются формами цивилизации, подверженные изменениям, однако «существует консервативная тенденция, сдерживающая такие изменения» (Э. Сепир) [10, с. 284]; 2) языки имеют способность приспособливаться к той языковой среде, в которой они используются (P. Muhlhausler) [8, с. 205]; 3) лингвоэкология сходна с лингвосинергетикой — «теорией самоорганизации языка» (Н.В. Дрожащих) [7, с. 29]; 4) язык есть «саморегулирующаяся категория и он, как мировой океан, способен самоочищаться и самообновляться» (Т.М. Кононова, Н.Р. Махортова) [11, с. 35]; 5) ключевые идеи экологии — *идея устойчивого равновесия* и *идея поддержания разнообразия* — относятся и к языку (Г.Г. Хазагерев, Е.Ю. Щемелева) [12, с. 214]; 6) языковое равновесие подобно экологическому, «экологическое равновесие невозможно без сохранения этнического, культурного и языкового» (Н.В. Лабунец) [13, с. 43].

«Закон сохранения» актуален и для лингвоконцептологии. Вполне возможно, что ключевые концепты, концепты-коды, константы культуры сохраняются благодаря этому закону. Параметры и атрибуты подвержены изменениям, меняется их количество и содержание, однако концепты остаются в языковом сознании народа. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что, например, концепт *совместность* не только утратил некоторые атрибуты («коллектив», «близко / рядом»), но и приобрёл новые (средства общения, способствующие совместности: мобильный телефон, Интернет, компьютер и другие). «Закон сохранения энергии» концепта

обеспечивает сохранность концептов, регулирует их вариативные преобразования и поддерживает их рекуррентность разнообразными языковыми средствами. Согласно этому закону концепты не утрачиваются, а получают новое значение и смыслы путём реноминации. Актуализация концепта *совместность*, сохранение культурных, языковых и речевых традиций, формирование и поддержка равновесия новой информационно-коммуникативной среды, на наш взгляд, связана с влиянием лингвоэкологии.

Таким образом, лингвоэкология обеспечивает процессы языкового равновесия и языкового сохранения. Мы рассматриваем **лингвоэкологию** как научное направление, изучающее взаимодействие языка, человека и окружающей среды, включающее внешнюю и внутреннюю экологию языка, и как естественную способность языка обеспечивать баланс коммуникативных традиций и инновационных речевых действий. К сфере лингвистической экологии относится также поддержание равновесия концептосферы, сохранение и транслирование концептов. В рамках рассмотренного концепта *совместность* влияние данного научного направления заключается в вовлечении грамматики как наиболее стабильного яруса языка и возможности репрезентации и вербализации концепта *совместность* с помощью её средств: местоимений и *мы*-дискурса.

Список использованной литературы

- 1. Маслов Ю. М.** Понятие «экология» и концепции экологической журналистики // Человек в информационном пространстве: [межвуз. сборник науч. трудов]. — Вып. 5 / Ю. М. Маслов — Ярославль: «Истоки», 2006. — С. 151—154.
- 2. Полухин А. А.** Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты — 2008: [сборник науч. работ преподавателей и студентов факультета филологии]; [сост. Н. М. Димитрова] / А. А. Полухин. — СПб.: РИО ГПА, 2009. — С. 65—73.
- 3. Сковородников А. П.** Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы) [Электронный ресурс] / А. П. Сковородников // Периодическое издание Сибирского федер. ун-та «Новая университетская жизнь». — Режим доступа к ресурсу: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.
- 4. Хроленко А. Т.** Основы лингвокультурологии: [учеб. пособие] / А. Т. Хроленко; [под ред. В. Д. Бондалетова]. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 184 с.
- 5. Кислицына Н. Н.** Эколингвистика — новое направление в языкознании [Электронный ресурс] / Н. Н. Кислицына // Крымская межвузовская электронная библиотека. — Режим доступа к ресурсу: <http://elib.crimea.edu/index.php>.
- 6. Иванова Е. В.** К проблеме исследования экологического дискурса / Е. В. Иванова // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 3 (23). — С. 134—138.
- 7. Дрожжих Н. В.** Экология языка и культуры: рекуррентность

смысла // Экология языка на перекрёстке наук : [материалы междунар. науч. конф.] / Н. В. Дрожащих. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. — С. 29—33. **8. Muhlhausler P.** Environment and Language / P. Muhlhausler // Encyclopedia of Language and Linguistics / Editor-in-Chief : Keith Brown. — 2nd ed. — USA : Elsevier, 2006. — С. 203—206. **9. Смагулова Г. Н.** Лингвоэкологические аспекты речевой культуры // Экология жизни и проблемы формирования экологического сознания современного человека : [материалы Междунар. науч.-практ. конф.]; [отв. ред. Ю. А. Завьялова; филиал ТюмГУ в г. Ишиме] / Г. Н. Смагулова. — Ишим, 2011. — С. 211—214. **10. Сепир Э.** Язык и среда / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / [пер. с англ. и ред. с предисл. д-ра филол. наук, проф. А. Е. Кибрика]. — М. : Издат. группа «Прогресс», 1993. — С. 270—284. **11. Кононова Т. М.** Формирование ценностных ориентаций личности как способ и условие сохранения экологии информационного пространства // Экология языка на перекрёстке наук : [материалы междунар. науч. конф.] / Т. М. Кононова, Н. Р. Махортова. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. — С. 34—39. **12. Хазагеров Г. Г.** Альтернативная стратегия экологического дискурса // Экология жизни и проблемы формирования экологического сознания современного человека : [материалы Междунар. науч.-практ. конф.]; [отв. ред. Ю. А. Завьялова; филиал ТюмГУ в г. Ишиме] / Г. Г. Хазагеров, Е. Ю. Щемелева. — Ишим, 2011. — С. 214—217. **13. Лабунец Н. В.** Этнолингвистическая экология как отрасль гуманитарной экологии // Экология языка на перекрёстке наук : [материалы междунар. науч. конф.] / Н. В. Лабунец. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. — С. 43—45.

Грищенко О. В. Лінгвоекотолія: підтримка рівноваги концептосфери

Лінгвоекотолія — це науковий напрямок, який вивчає взаємодію мови, людини і навколишнього середовища і включає зовнішню та внутрішню екологію мови.

Лінгвоекотолія забезпечує процеси мовної рівноваги і мовного збереження. Лінгвістична екологія — це також природна здатність мови забезпечувати баланс комунікативних традицій та інноваційних мовних дій.

Нова наукова дисципліна має ряд подібних назв, які рідко розмежовуються дослідниками: *екотолія мови, мовна екологія, еколінгвістика — екологічна лінгвістика, лінгвоекотолія — лінгвістична екологія.*

До сфери лінгвістичної екології відносять підтримання рівноваги концептосфери, збереження і транслявання концептів.

У статті висунута гіпотеза про наявність «закону збереження енергії» мови. «Закон збереження енергії» концепту забезпечує схоронність концептів, регулює їх варіативні перетворення і підтримує їх

рекурентність різноманітними мовними засобами. Згідно з цим законом концепти не втрачаються, а отримують нові значення і смисли шляхом реномінації.

Концепт *спільність* актуалізується, репрезентується і вербалізується за допомогою засобів граматики — займенників *ми*-дискурсу.

Ключові слова: лінгвоекотологія, зовнішня екологія, внутрішня екологія, лінгвоконцептологія, концепт, концептосфера, *ми*-дискурс, дискурсологія.

Грищенко Е. В. Лингвоэкология: поддержание равновесия концептосферы

Лингвоэкология — это научное направление, изучающее взаимодействие языка, человека и окружающей среды и включающее внешнюю и внутреннюю экологию языка.

Лингвоэкология обеспечивает процессы языкового равновесия и языкового сохранения. Лингвистическая экология — это также естественная способность языка обеспечивать баланс коммуникативных традиций и инновационных речевых действий.

Новая научная дисциплина имеет ряд сходных названий, которые редко разграничиваются исследователями: *экология языка, языковая экология, эколлингвистика — экологическая лингвистика, лингвоэкология — лингвистическая экология.*

К сфере лингвистической экологии относится поддержание равновесия концептосферы, сохранение и транслирование концептов.

В статье выдвинута гипотеза о наличии *«закона сохранения энергии» языка.* «Закон сохранения энергии» концепта обеспечивает сохранность концептов, регулирует их вариативные преобразования и поддерживает их рекуррентность разнообразными языковыми средствами. Согласно этому закону, концепты не утрачиваются, а получают новые значения и смыслы путём реноминации.

Концепт *совместность* актуалізується, репрезентується і вербалізується с помощью средств грамматики — местоимений *мы*-дискурса.

Ключевые слова: лінгвоекотологія, внешняя экология, внутренняя экология, лінгвоконцептологія, концепт, концептосфера, *мы*-дискурс, дискурсологія.

Grischenko Y. V. Linguistic ecology: maintenance of the sphere of concept's balance

Linguistic ecology — is a scientific approach that studies the interaction between a language, a human being and the environment, and includes external and internal language ecology.

Linguoecology provides the processes of linguistic balance and language preservation . Linguistic ecology is a natural language ability to

provide the balance of communicative traditions and innovative speech actions.

A new scientific discipline has a number of similar names which are rarely differentiated by researchers: ecology of language, language ecology, ecolinguistics — ecological linguistics, linguoecology — linguistic ecology.

Linguistic ecology also maintains the equilibrium of the sphere of concepts, preservation and broadcasting of concepts.

A hypothesis of the existence of «the law of the energy conservation» of the language is made in the article. «The law of the energy conservation» of concepts provides preservation of concepts, regulates their variative transformation and maintains their recurrence with various linguistic means.

According to this law, concepts are never lost but they get new meanings and senses by means of renomination.

The concept *community (sovmestnost)* is updated, represented and verbalized with the help of grammar means — pronouns *we*-discourse.

Key words: linguistic ecology, internal ecology, external ecology, linguistic conceptology, concept, sphere of concepts, *we*-discourse, discourse-study.

Стаття надійшла до редакції 16.10.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК 811.161.1'38

L. N. Sinelnikova, G. P. Dzhindzholiya, E. V. Grischenko

**THE TRIAD «STYLE. TEXT. DISCOURSE»:
PARADIGMATIC RELATIONS
(Article 1. FUNCTIONAL STYLISTICS)**

Paradigmatic relationships (i.e. connected with each other on the set of consolidating and distinguishing signs) between the notions which are included in the course — «Style. Text. Discourse» — can present modern linguistic knowledge (and also linguistic awareness and language picture of the world) entirely.

Spheres of modern communication are presented diversely in different genres, texts and discourses. Functional styles — scientific, officially-business, journalistic, conversational — help to develop the understanding of the specific character of communicative-cognitive activity in any social sphere. The text can have single-style character (all language means are agreed stylistically) and poly-style character (functional and semantic characteristics and transformations of language means are

subordinated to communication purpose of the addresser who is oriented to the addressee as a definite linguistic personality).

A style is a kind of language fixed according to the tradition in this society in a definite sphere of social life; a selection and combination of language means (textbooks); generally accepted manner of speech acts performance (works on pragmatics and pragmastylistics).

The most recent approaches which expand the understanding of a style and change the traditional perception of it: «A style is a way of thinking and speaking about the world in an inextricable creative connection with each other» [1]; a cognitive style is a style of representing information on the world, which is connected with a personality type, with individual experience of textual activity; a complex of verbally implemented cognitive procedures [2]. These approaches to a style indicate that «external» stylistics gives place to internal stylistics — a creative act of speech formation.

Key words on the topic «Style»: connotation, literary language, stylistic norm, stylistic meaning, functional style.

Glossary (Latin — ‘dictionary’) — notions and their definitions which are necessary to study the course:

Literary language — the main, above-dialect form of language’s existence which is characterized by being processed, by being compulsory for every member of this language society, by its historical changeability, stylistic differentiation, polyvalency, i.e. its ability to represent all spheres of life.

Stylistic meaning — is that additional (to lexical and grammatical meaning) characteristic of a language unit which 1) connects it with definite conditions and spheres of communication (social-genre stylistic meaning); 2) expresses the speaker’s attitude to reality, to the content of message, to the addressee (emotional-expressive stylistic meaning).

Functional style (from Latin *stilus* — sharp-pointed stick for writing, manner of writing) — a kind of language use which is fixed according to the tradition in this society in a definite sphere of social life and which represents a set of language units and their organization into a whole unit (text), that reflects speaker’s attitude to the subject of speech (situation) and interaction with the addressee.

Language norm — the body of most stable, traditional presentation of units of the language system which were selected and fixed in language practice.

Stylistic analysis algorithm:

1. Functional purpose of the text (communication, message, effect / influence).
2. Sphere of communication and situation this text is oriented to.

3. Stylistic features typical of the text taking into account its stylistic markers.

4. Language marks of a style (phonetic, lexical-phraseological, grammatical).

5. Communicative frame of the text: author — addressee (who wrote the text and for whom it is written).

6. Form (written, spoken) and kind of speech (monologue, dialogue, polylogue).

Questions for self-testing for students to master the course:

1. The subject of stylistics, stylistics among other linguistic disciplines (stylistics — modern Russian language, stylistics — speech culture, stylistics — rhetoric, stylistics — sociolinguistics), basic notions of stylistics (literary language, functional style, stylistic system, stylistic norm).

2. Methods of stylistic analysis of the text (semantically stylistic, comparatively stylistic, linguistic experiment).

3. The system of functional varieties of a literary language. Principles of their selection.

4. Officially-business style. General characteristics of a style, linguistic peculiarities. Officially-business style in conditions of a modern linguistic situation.

5. Specific characteristics of a scientific style. Composition of scientific texts (and their genres).

6. Journalistic style. General conceptual and functional characteristic (thematic range, verbal freedom, tendency to standardization, tendency to expressiveness, specific features of the addresser and the addressee).

7. Colloquial speech and its peculiarities.

8. Functional styles and the language of belles-lettres.

9. Stylistic differentiation of lexical units.

10. Stylistic resources of phraseology.

11. Stylistic facilities of modern word-formation.

12. Stylistic resources of morphology.

13. Stylistic resources of syntax.

14. Phonetic stylistics.

15. Factors of the development of literary language and its stylistic system.

16. General characteristics of the Russian literary language of the XI-XVIII centuries.

17. Russian literary language and its stylistic system of the XIX century.

18. Russian literary language and its stylistic system of the XX century — the beginning of XXI century.

19. Expansion of the field of the stylistic norm as a factor of its change.

References on the topic «Style»:

1. Aroutyunova N. D. Factor adresata // Izv. AN SSSR. Сер. лит. и яз. 1981. № 4. Т. 40. (rus)

2. Vinogradov V.V. *Stilistica. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetica*. M., 1963. (rus)
3. Vinokur T.G. *Govoryaschiy i slushayuschiy. Varianty rechevogo povedeniya*. M., 1993. (rus)
4. Vinokur T.G. *Zakonomernosti stilicticheskogo ispolzovaniya yazykovykh yedinit*. M., 1980. (rus)
5. Gorshkov A.I. *Russkaya stilistika*. M., 2001. (rus)
6. Zemskaya Y.A. *Russkaya razgovornaya rech: lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya*. M., 1979. (rus)
7. Kozhina M.N. *Stilistica russkogo yazyka*. M., 1983. (rus)
8. *Kultura russkoy rechi*. M., 1998. (rus)
9. Nikolina N.A. *Filologicheskiy analiz teksta*. M., 2003. (rus)
10. Odintsov V.V. *Stilistics teksta*. M., 1980. (rus)
11. Panov M.V. *Iz nablyudeniem nad yazykom segodnyashney periodiki // Yazyk sovremennoy publitsistiki*. M., 1988. (rus)
12. Panov M.V. *O literaturnom yazyke // Russiy yazyk b natsionalnoy shkole*. 1972. № 1. (rus)
13. *Russkaya razgovornaya rech. Fonetica. Morfologiya. Leksika. Gest*. M., 1983. (rus)
14. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)*. M., 1996. (rus)
15. Sinelnikova L.N., Lapotko A.G. *Ritorika kak nauchnaya i uchebnaya dictsiplina*, 1999. (rus)
16. Sinelnikova L.N. *Tekst kontsa XX veka kak ekstremalnaya sreda // Sotsiolingvistika: XXI vek*. Luhansk, 2002. (rus)
17. Sinelnikova L.N. *Mestoimeniye v diskurse: monografiya / L.N. Sinelnikova; Gos. uchrezh.; «Luhan. nats. un-t imeni Tarasa Shevchenko»*. Luhansk. 2009. 412 p. (rus)
18. Sinelnikova L.N. *Tekst. Stil. Diskurs // Sotsiolongvistika: XXI vek*. Luhansk. 2002. (rus)
19. Sinelnikova L.N. *Teoriya teksta: aksiomy i versiyi // Vestnik LGPU. Filologicheskiye nauki*. 2003. №2 (58). (rus)
20. Sinelnikova L.N. *Yazykovye izmenwniya kontsa XX veka // Yazyk: istiriya i sovremennost*. Luhansk. 1999. (rus)
21. Stepanov Y.S. *Stilistica, Semantica // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. M., 1990. (rus)
22. *Stilistika russkogo yazyka. Zhanrovo kommunikativniy aspekt*. M., 1987. (rus)
23. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka*. M., 2003.
24. Teliya V.N. *Konnotativniy aspekt semantiki nominativnykh yedinit*. M., 1986. (rus)
25. Shmelyov D.N. *Russkiy yazyk v yego funktsionalnykh raznjvidnostyakh*. M., 1977. (rus)

Studying references on the topic «Subject and tasks of stylistics. Stylistic differentiation of language means. The notion of stylistic norm») it is

necessary to analyze different definitions of style (also to mark invariant signs and variable characteristics).

Students should pay attention to the principles of selection of language use variety (oppositions speaker — listener, bookishness — colloquiality, written language — spoken language, formal — informal register, preparedness — non-preparedness, codified — non-codified, tendency to monosemy — tendency to polysemy, informativeness — expressiveness, constructiveness — associativeness, etc.).

It is necessary to study the article «Metody lingvisticheskogo analiza» in «Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar» [3].

Having studied the topic «Style», students learn the basic notions of stylistics, its theoretical questions and master the skills of stylistic analysis.

References

1. Nikitina S. Y., Vasiliyeva N.V. Eksperimentalniy sistemniy tolkoviy slovar stilisticheskikh terminov / S. Y. Nikitina. — M. : Ros. akad. nauk, Int yazykoznaniya, 1996. . — 172 p. (rus).

2. **Kratkiy** slovar kognitivnykh terminov. — M. : Filol. f-t MGU, 1996. — 245 p. (rus).

3. **Stilisticheskii** entsiklopedicheskiy slovar / Pod red. M. N. Kozhinoy. — M. : Flinta, 2003. . — 696 p. (rus).

Синельникова Л. М., Джинджолія Г. П., Грищенко О. В. Тріада «Стиль. Текст. Дискурс»: парадигмальні відносини (Стаття 1. Функціональна стилістика)

Функціональні стилі — науковий, офіційно-діловий, публіцистичний, розмовний, художній — дозволяють скласти уявлення про специфіку комунікативно-пізнавальної діяльності в тій чи іншій суспільно значущій сфері.

Науково-методична література містить ряд проблемних положень як у дефінуванні стилю, так і в пропонованих методиках його аналізу, що робить актуальним увагу до змісту досягнутого знання в галузі стилістики.

Тема «Стиль» орієнтує на ознайомлення зі стилістичною диференціацією мовних одиниць на різних рівнях мовної системи (насамперед — на лексичному рівні), з інваріантними (базовими) ознаками функціональних стилів мови і мовлення і з їх варіативними характеристиками, які залежать від особливостей сучасної життєвої та мовної ситуації (діалогізація і персоніфікація форм спілкування, поява нових жанрів і типів мовлення і багато іншого).

Варіативність як наслідок інтеграції стилів і експансії елементів розмовного стилю в книжкові стилі вплинула на зміст поняття «стилістична норма», в розумінні якого актуалізувалася роль соціокультурного компонента.

Визначення обсягу знань з проблем стилістики; глосарій, складений авторами з урахуванням досягнутого сучасною наукою знання; запропонований алгоритм стилістичного аналізу; питання для самотестування автори оцінюють як освітньо-оціночні орієнтири, необхідні для творчого освоєння проблем функціональної стилістики.

Ключові слова: функціональний стиль, текст, дискурс, стилістична норма, структура тексту, адресант, адресат.

**Синельникова Л. Н., Джинджолия Г. П., Грищенко Е. В.
Триада «Стиль. Текст. Дискурс»: парадигмальные отношения
(Статья 1. Функциональная стилистика)**

Функциональные стили — научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный — позволяют составить представление о специфике коммуникативно-познавательной деятельности в той или иной общественно значимой сфере.

Научно-методическая литература содержит ряд проблемных положений как в дефинировании стиля, так и в предлагаемых методиках его анализа, что делает актуальным внимание к содержанию достигнутого знания в области стилистики.

Тема «Стиль» ориентирует на ознакомление со стилистической дифференциацией языковых единиц на разных уровнях языковой системы (прежде всего — на лексическом уровне), с инвариантными (базовыми) признаками функциональных стилей языка и речи и с их вариативными характеристиками, которые зависят от особенностей современной жизненной и языковой ситуации (диалогизация и персонификация форм общения, появление новых жанров и типов речи и многое другое).

Вариативность как следствие интеграции стилей и экспансии элементов разговорного стиля в книжные стили повлияла на содержание понятия «стилистическая норма», в понимании которой актуализировалась роль социокультурного компонента.

Определение объема знаний по проблемам стилистики; глосарий, составленный авторами с учётом достигнутого современной наукой знания; предлагаемый алгоритм стилистического анализа; вопросы для самотестирования авторы оценивают как образовательно-оценочные ориентиры, необходимые для творческого освоения проблем функциональной стилистики.

Ключевые слова: функциональный стиль, текст, дискурс, стилистическая норма, текстообразующие категории, структура текста, адресант, адресат.

Sinelnikova L. N., Dzhindzholiya G. P., Grischenko E. V. The triad «Style. Text. Discourse»: Paradigmatic Relations (Article 1. Functional Stylistics)

Functional styles — scientific, officially-business, journalistic, informal, belles-lettres — help to develop the understanding of the specific character of communicative-cognitive activity in any social sphere.

Educational and methodical references contain a number of important aspects hidden in definitions of the notion «style» and in different methods of its analysis, which makes the knowledge on the course in the section «Stylistics» topical.

The topic «Style» can help to learn stylistic differentiation of language units on different levels of language system (first of all — on its lexical level), invariant (basic, invariable) signs of functional styles of language and speech and their variable characteristics which depend on peculiarities of modern language situation (dialogic and personalized forms of communication, appearance of new genres and types of speech), and also to study the meaning of the notion «stylistic norm».

Variability as a result of the integration of styles and expansion of the elements of the conversational style into «book» styles influenced the concept of a «stylistic norm» in the understanding of which a sociocultural component becomes topical.

The knowledge on the problems of stylistics; the glossary, prepared by the authors on the basis of the knowledge achieved by the modern science; the proposed algorithm of a stylistic analysis; questions for self-testing are defined by the authors as educational and evaluation guidelines necessary for creative mastering the issues of functional stylistics.

Key words: functional style, text, discourse, stylistic norm, text structure, addresser, addressee.

Стаття надійшла до редакції 29.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Зеленько А. С.

УДК 81'42

И. С. Масленников

**ДИСКУРС ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В РАЗЛИЧНЫХ
КОНТЕКСТНЫХ УСЛОВИЯХ**

Для характеристики роли контекста в коммуникации важны используемые в лингвистике понятия об экстралингвистическом и имплицитном контексте. Первый (противопоставляемый собственно лингвистическому контексту) представляет собой неязыковой фон

коммуникации. ИмPLICITный контекст (противопоставляемый эксплицитному, т. е. непосредственно наблюдаемому лингвистическому и экстралингвистическому контексту) составляет совокупность фоновых знаний участников коммуникации.

Контекст играет исключительно важную роль в процессе восприятия устной речи. Для того, чтобы объяснить легкость и скорость, с которой слушающие воспринимают и усваивают информацию, исследователи обращаются именно к влиянию контекста.

Процесс восприятия зависит в основном от двух групп факторов: от фонетической информации, т. е. фактического звукового оформления высказывания, и от предшествующего контекста и информации более высоких языковых уровней (лексического, синтаксического, семантического и прагматического). В этой связи важным является то, какие типы контекста, на каком этапе восприятия речи и каким образом оказывают влияние на процесс восприятия информации.

В современной научной литературе можно найти большое количество типологий и классификаций контекста, соответствующих целям и материалу исследования. Так, принято выделять микро- и макроконтэкст, где микроконтэкст — это минимальное окружение единицы плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т. д., а макроконтэкст — окружение единицы, позволяющее установить ее функцию в целостном тексте. Определяются признаки эксплицированного (эксплицитного) вербального и невербального контекста и имплицированного (имплицитного); по функциональному принципу выделяют разрешающий, погашающий, компенсирующий типы контекста. В лингвистическом словаре О.С. Ахмановой названы бытовой, театральный, топонимический, метафорический типы контекстов [1, с. 206—207]; совершенно особо контекст трактуется в литературоведении и в исследованиях по эстетике. В наши задачи не входит полное реферирование проблемы контекста, поэтому ограничимся описанием лишь некоторых типов контекстов.

В статье ставится задача — рассмотреть проявления обратной связи в нормативном и ненормативном контекстах. Данная проблема находится в русле важнейших современных исследований, поскольку понятие «контекст» является изменчивым, быстро реагирующим на экстралингвистические факторы. Развернутое описание контекста и его типологии представлено в работах И.Г. Торсуевой [2], Г.В. Колшанского [3], Р. Вердербера [4] и др.

Цель статьи — анализ основных особенностей проявления обратной связи в нормативном и ненормативном контекстах в условиях межличностного общения.

Методологической базой нашего исследования является положение о диалектическом единстве нормативных и ненормативных факторов коммуникации, выбор которых прагматически обусловлен. Обратим внимание на факт тесного союза разрабатываемого нами

подхода к анализу обратной связи с проблемами современной прагматики. По мнению Л.Н. Синельниковой, дискурс обратной связи включает фактор адресата и фактор адресанта в общее семантическое, стилистическое, оценочное поле интегрированной я-концепции, в которой **я** как персонально, так и надперсонально, связано с когнитивно-языковыми установками и нормативными (или ненормативными) пристрастиями социума» [5, с. 186].

Рассмотрим типы контекста, основываясь на языковых (материальных) индикаторах. В зависимости от их характера различаются нормативный и ненормативный типы контекста [6, с. 18—19]. Под нормативным контекстом мы понимаем контекст, в котором применяются и подвергаются анализу те единицы языка, которые соответствуют определенным языковым нормам: лексическим, акцентным, синтаксическим, морфологическим и др.

Нормативный контекст, на наш взгляд, предполагает следующее:

- 1) согласованность стратегий и тактик собеседников;
- 2) взаимоприемлемую для коммуникантов тональность общения;
- 3) искреннюю (а не показную) заинтересованность в предмете обсуждения, а также в содержании сказанного собеседником;
- 4) адекватное вербальное и невербальное воплощение прагматических установок участников диалога;
- 5) достижение в процессе коммуникативного акта хотя бы частичного взаимопонимания и согласия сторон.

О нормативном контексте можно говорить в тех случаях, когда собеседники без видимых затруднений реализуют свои интенции и ожидания. Строя высказывание, любой участник речевого диалога надеется быть как минимум услышанным и правильно понятым. Адресант рассчитывает на реакцию адресата даже в тех случаях, когда эта реакция не программируется ни типом использованного речевого акта, ни содержанием произнесенного высказывания [7, с. 160—161]. Успешность коммуникации зависит от знания общающимися предмета речи, от установок адресата и от того, как эти установки декодируются адресатом [8, с. 90].

Общее коммуникативное действие субъектов общения предполагает наличие обратной связи, то есть информации о том, как реципиент воспринял коммуникатора и его сообщение, оценил поведение собеседника, в том числе — речевое. Механизм обратной связи заключается в том, что коммуникатор только тогда поймет, что его информация интерпретирована правильно, когда произойдет смена ролей: реципиент превратится в коммуникатора и своим высказыванием подтвердит, что он понял и воспринял смысл информации. Такой сценарий возможен преимущественно в нормативных контекстах. Именно благодаря обратной связи коммуникация приобретает значимость в психологическом, социальном, социально-психологическом контексте.

Профессор Л.Н. Синельникова справедливо отмечает, что успех обратной связи зависит от меры совпадения кодов отправителя информации и ее получателя. Адресант кодирует смыслы отнюдь не только в соответствии со своим мировосприятием и содержанием своего языкового тезауруса, но и проецирует его на сферу языкового сознания адресата. Адресат в той или иной форме «присутствует» во всех сегментах межличностного диалога. По вектору установления доверительных отношений с адресатом располагаются фатические (контактоустанавливающие) средства, которые соотносятся с фазами общения и с этапами управления восприятием адресата. Установка на кооперацию с адресатом, использование «сигналов» его языковой картины мира смещает представление о типах речевой культуры — элитарном, среднелитературном и литературно-разговорном [9, с. 16—28]. В различных типах контекстов названные типы синтезируются [8, с. 92—94].

Принято считать, что с высокой обязательностью вызывают ответ такие речевые акты, как вопросительные и (с несколько меньшей степенью облигаторности) побудительные. Во многих коммуникативных ситуациях речевые единицы типа А (см. примеры) — наиболее естественный, лаконичный и удобный для участников диалога способ реагирования на прозвучавшее вопросительное или побудительное высказывание. Например:

1) (А. и Б. возвращаются вечером из гостей по весенней распутице) А. *Прямо пойдём?* Б. *Давай* // *А то налево мы увязнем*//;

2) (Б. болеет гриппом) А. *Я заварила тебе шиповник* // *Не забудь выпить* // Б. *Ладно* / *спасибо* // *Попью-попью* //.

Но большое число примеров из разговорной речи свидетельствует о том, что и повествовательные высказывания порождают речевые реакции (информативные или фатические). Например:

1) (А. собирается на работу) А. *Что-то опять нахмурилось* // Б. *Да* / *погода не очень* // А. *Ничего* / *возьму зонт* //;

2) Е. *Газеты наверно уже принесли* // М. *Хорошо* / *я посмотрю* // (берет ключ и идет к почтовому ящику);

3) (А. в течение длительного времени набирает номер телефона родственника) А. *Нет* / *Константину дозвониться невозможно* // Б. *Ну ладно* / *что ж теперь?* [7, с. 162].

Чем объясняется отмеченная выше особенность? Представляется, что причин, по которым в разговорном диалоге и на повествовательные высказывания в большинстве случаев следуют речевые реакции, как минимум две. Первая состоит в том, что законы гармоничного диалога (здесь и далее мы будем рассматривать гармоничный диалог как имманентную составляющую нормативного контекста. — И. М.) требуют не оставлять без внимания и ответной реакции ни одного суждения собеседника. В условиях речевого диалога отсутствие вербальной

реагирующей реплики, молчание в ответ на чье-либо высказывание — не менее красноречивая реакция на речь, чем словесная [10, с. 67—78].

Вторая причина фактической обязательности реакций в ответ на любое высказывание, на наш взгляд, состоит во включенности речевого диалога в реальное бытие людей, в фактический деятельностный контекст. Информация, преподнесенная как констатация чего-либо, может быть связана либо простым и очевидным образом, либо завуалированными и сложными отношениями с планами участников разговора, их предполагаемыми действиями и т. д. Например:

А. *Надо завтра с утра телефон отвезти в ремонт* // Б. *Давай* // А. *А / нет... Завтра среда?* Б. *Да* // А. *Завтра не получится* // *У них выходной* // Б. *Ну давай в четверг я его завезу / на работу поеду* // А. *Хорошо* [7, с. 163].

Следует отметить, что большинство коммуникативов ориентировано именно на гармоничное речевое взаимодействие. Наиболее явно об этом свидетельствуют высказывания типа согласия / подтверждения (*Да, Конечно, Не говори (-те), Разумеется, Безусловно* и под.) и оценки-регулятивы (вторичные коммуникативы, возникшие на базе аксиологических высказываний) с позитивно-оценочной семантикой (*Хорошо!*; *Чудесно!*; *Замечательно!*; *Славно!* и пр.). Например:

(Разговор о детях) *К ним очень привязываешься* // *И наша тетя Ксения / она ведь тоже к нему привязана / к Димке* //

Б. *Конечно / уж привыкла* //

А. *Привыкла / ну она же его с пеленок (=нянчит) / что же с месяца* //

Б. *Конечно* //

А. *С двух* // *Конечно / она привыкла* // *Сегодня как-то я...*

Б. *И он к ней привык* //

А. *И он привык* // *Он ее ждет... Гулять* // *Потому что знает / что больше всего гуляет он с ней / конечно* //

Б. *Ну конечно* [7, с. 163].

Наш материал подтверждает мнение О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской относительно того, что в живой речи коммуниканты не склонны следовать постулатам (максимам) общения, выдвинутым Г. Грайсом: «Говорящие часто не бывают краткими и достаточно информативными, при этом они могут говорить лишнее, не всегда говорят правду, не всегда говорят ясно, избегая двусмысленностей...» [11, с. 35]. Так, в приведенном выше фрагменте диалогического дискурса имеются очевидные длинноты и повторы, отмечается и некоторая непоследовательность изложения (в речи А.), т. е. не соблюдена сформулированная Г. Грайсом *максима манеры речи* (*Говори ясно, коротко и последовательно*). Тем не менее это не создает коммуникативного дискомфорта для собеседников — напротив, они беседуют с явным удовольствием, выражают искреннюю

заинтересованность сказанным, приходят к взаимному согласию. В качестве языкового показателя оптимального речевого взаимодействия здесь выступает коммуникатив «*конечно*», выражающий полную солидарность адресата со смысловой позицией адресанта.

Гармоничное диалогическое взаимодействие вовсе не предполагает обязательного тождества смысловых позиций коммуникантов. Собеседники могут в чем-то не соглашаться друг с другом и даже акцентировать различия точек зрения на что-либо. Но если при этом полемика носит корректный характер, а в ходе общения достигается хотя бы частичное взаимопонимание, интеракцию можно считать гармоничной. Например:

А. *Но Н. скажем / пишет не для нас // Его читатель / это не мы / не наш круг //*

Б. *Я согласен //*

А. *Но тем не менее он потрясающий писатель //*

Б. *Не могу назвать его потрясающим //*

А. *Вас он не потрясает?*

Б. **Нет** // *Это любопытно / это... достойно чтения...*

А. *Но не более?*

Б. *Но назвать его Шекспиром нашего времени...*

А. (с иронией) *Ну-у...*

Б. *Потрясающее предполагает примерно это // Так что это очень категорично сказано //*

А. **Ну это / конечно...** *Вообще все оценки / они субъективны //*

Б. **Конечно / здесь естественно...**

Идеальный случай — когда тот или иной носитель языка в большинстве ситуаций общения отдает явное предпочтение высказываниям, направленным на максимальную коммуникативную поддержку собеседника, на проявление эмпатии к нему, на создание атмосферы гармоничного, творческого речевого взаимодействия, а в случае возникновения коммуникативной напряженности — на ее снятие и нейтрализацию. Например:

1) А. *Как диссертация?* Б. *Ничего //* Сижу пишу // А. **Понятно //** Долго еще? Б. *Да с полгода наверное //* А. **Хорошо //**

2) А. *Добрый вечер!* Б. *Здравствуйте!* А. *А Ирину Владимировну можно позвать?* Б. *Ирина Владимировна вышла //* Будет минут через сорок // А. *Можно ей перезвонить?* Б. **Конечно //** **Что за вопрос?** *Пожалуйста //* А. *Спасибо //* До свидания! [7, с. 164—166].

Таким образом, в гармоничном диалоге, развивающемся в атмосфере взаимной доброжелательности и кооперативности, нормативный контекст является индикатором прагматической согласованности реплик.

Эмпирический материал свидетельствует, что к гармоничному диалогу тяготеют прежде всего коммуникативы согласия / подтверждения и коммуникативные единицы, выражающие

позитивно-оценочную семантику. Однако следует иметь в виду, что дело не только в используемом нормативном контексте, а в тех прагматических значениях, речевых стратегиях и тактиках, которые за ним стоят. В нормативном контексте в принципе могут быть представлены любые коммуникативы (в т. ч. высказывания отрицания / несогласия), но они не должны быть связаны с прямым, лобовым выражением конфронтующих стратегий и тактик участников общения.

Нормативному контексту противопоставлен ненормативный контекст, в котором понятие нормы в той или иной степени нивелируется, т. е. подвержено различным девиациям.

Ненормативный контекст длительное время оставался за пределами внимания лингвистов, что было связано с рядом причин. Ненормативный контекст, являясь одновременно негармоничным, явно не относится к числу эталонных проявлений речевой коммуникации. Дискурсы подобного рода нередко нарушают не только законы эффективного речевого взаимодействия, но и элементарные этические нормы.

Негармоничное речевое взаимодействие характеризуется реализацией одной или нескольких негативных в коммуникативном плане характеристик: 1) несогласованностью или даже конфронтативностью речевых стратегий и тактик собеседников; 2) возможностью неприемлемой хотя бы для одного из участников тональности речи; 3) отсутствием подлинной заинтересованности предметом обсуждения или содержанием высказанного; 4) вербальным или паралингвистическим выражением негативных установок по отношению к содержанию речи или к личностным особенностям собеседника; 5) отсутствием эффективного результата коммуникативного акта.

Негармоничные диалоги различаются по причинам, обусловившим дисгармонию, по степени ее выраженности, по особенностям поведения участников общения в создавшихся условиях, по способам разрешения коммуникативных затруднений.

Причиной дисгармонии в диалоге может быть речевое поведение инициатора коммуникации. Например:

А. Потоплявайся / а то опять уйдет твой автобус // Вечно ты опаздываешь! Б. Почему? Я вообще не опаздываю! А. Ну конечно! А в среду? Б. Ну в среду / это единственный раз / случайно // А. Да уж! Единственный! Б. Ну ладно / ладно! Не будем спорить! [7, с. 169]

Императивность высказывания, подмена рациональной аргументации эмоциональной, запелляционный тон и излишняя категоричность (*Вечно ты опаздываешь!*) вызывают негативную реакцию адресата (взрослой дочери) и воспринимаются им как неоправданное вторжение в сферу его интересов. Отсюда вполне закономерная реакция несогласия (*Почему?*), парирование высказываний

собеседника (ср. исходное *Вечно ты опаздываешь!* и соотносительное с ним реактивное высказывание *Я вообще не опаздываю!*, не уступающее отправному по степени категоричности). А. и далее сохраняет избранную тональность общения, продолжая коммуникативные выпады в адрес Б. и негативно-иронически интерпретируя ее высказывания (ср. коммуникативы *Ну конечно!*, *Да уж!*, передающие модализованное отрицание и ироническое согласие).

Рассмотрим другой диалог, где противостояние адресанта и адресата (не знакомых друг другу) вырастает до полного неприятия.

(Мальчик-подросток раскачивается на ветке. К нему обращается проходящая мимо женщина) А. *Мальчик / ну зачем ты на ветке качаешься? Она же может сломаться!* Б. **Ну и что?** А. *Дерево ведь живое / и ему будет больно!* Б. **Ну и что?** А. *С тобой / я вижу / говорить бесполезно!* [7, с. 170].

В приведенном примере отсутствует истинное диалогическое взаимодействие собеседников. Очевидно, что второй коммуникант (Б.) оценивает общение как нежелательное и навязанное ему первым коммуникантом (А.), поэтому ни одно из высказываний инициатора речи и ни один из выдвинутых им аргументов не воспринимаются адресатом положительно и, в конечном счете, не достигают своей цели. И речь, и неречевое поведение Б. демонстрируют конфронтативность с речевыми действиями А. Дискурс носит подчеркнуто асимметричный характер. Между собеседниками существует целый ряд различий: возрастные, социально-статусные, ценностные и др. Кроме того, по-видимому, это разные типы языковых личностей. Объединяющими являются лишь такие чисто формальные моменты, как принадлежность одному языковому коллективу, общность хронотопа, включенность в одну и ту же экстралингвистическую ситуацию. Из двух собеседников коммуникативно-активная позиция характерна лишь для первого участника разговора. Адресат речи не утруждает себя поисками языковых средств. Его реакции носят подчеркнуто автоматизированный и монотонный характер. Обе реплики Б. сводятся к использованию высказывания *Ну и что?* — коммуникатива, передающего модалное значение вызова по отношению к речи собеседника. Дискурс лишь формально имеет вид диалогического. По сути же, речевого взаимодействия собеседников нет, а есть серия высказываний коммуниканта А., каждое из которых блокируется коммуникантом Б.

Н.И. Формановская подчеркивает, что «в кооперативном общении каждый из коммуникантов вносит свой вклад для достижения поставленных целей. Таким образом, кооперативное (сотрудничающее) общение конструктивно, плодотворно. Конфликтное общение деструктивно, в зоне его действия не могут быть достигнуты позитивные результаты. Хотя возможно посчитать, что каждый из партнеров делает свой вклад, совершает шаг к достижению разрушительных

результатов — брань, ссора, ругань и мн. др. К сожалению, в современном общении много конфликтного» [12, с. 58].

По мнению Р. Вордхау, большинство из нас использует конфронтативные тактики крайне редко, поскольку они являются грубым и отчасти безнадежным способом для достижения целей, которых мы часто можем добиваться более мягкими и тонкими средствами [13, с. 55]. Однако, к сожалению, реальная речевая практика не подтверждает этого оптимистического мнения [7, с. 161—174].

Подводя итоги, стоит отметить, что анализ параметров, позволяющих отнести ту или иную ситуацию речевого общения к определенному типу контекста (в данном случае — нормативному и ненормативному) показал, что нормативный и ненормативный контексты являются самостоятельной языковой средой, поскольку для них характерна определенная сфера коммуникации, специфические признаки адресата и адресанта, диалогическая форма взаимодействия, в ходе которого реализуется цель — поиск решения актуальной проблемы.

Список использованной литературы

- 1. Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 608 с.
- 2. Торсуева И. Г.** Контекст / И. Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
- 3. Колшанский Г. В.** Паралингвистика / Г. В. Колшанский. — М.: Наука, 1974. — 79 с.
- 4. Вердербер Р.** Психология общения / Р. Вердербер, К. Вердербер. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. — 320 с.
- 5. Синельникова Л. Н.** Языковые изменения конца XX века // Язык: история и современность / Л. Н. Синельникова. — Луганск: Знание, 1999. — С. 42—55 с.
- 6. Елисеева В. В.** Лексикология английского языка / В. В. Елисеева. — СПб.: СПбГУ, 2003. — 44 с.
- 7. Колокольцева Т. Н.** Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. — Волгоград: Издательство Волгоградского гос. ун-та, 2001. — 260 с.
- 8. Данильев А. А.** Масс-медийный публицистический текст как коммуникативное событие // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация: [материалы международной конференции 19—21 июня 2009 года] / [под ред. О. В. Фокиной] / А. А. Данильев, Л. Н. Синельникова. — М. — Ярославль: Ремдер, 2009. — С. 89—94.
- 9. Сиротинина О. Б.** Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / [под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой] / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. — С. 16—28.
- 10. Данилов С. Ю.** Тактика молчания в речевом жанре проработки // Вопросы стилистики: [межвуз. сб. науч. тр.] / С. Ю. Данилов. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. — С. 3—29.
- 11. Ермакова О. Н.** К построению типологии

коммуникативных неудач / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М. : Наука, 1993. — 224 с. **12. Формановская Н. И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. — М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. — 291 с. **13. Wardhaugh R.** How Conversation Works / R. Wardhaugh. — Oxford : Basil Blackwell, 1995. — 230 p.

Масленников И. С. Дискурс зворотнього зв'язку в різних контекстних умовах

У статті описується загальна комунікативна дія суб'єктів спілкування, яка передбачає наявність зворотного зв'язку, тобто інформації про те, як реципієнт сприйняв комунікатора і його повідомлення в різних контекстних умовах.

Контекст грає виключно важливу роль у процесі сприйняття усного мовлення. У зв'язку з цим наголошується на важливості того, які типи контексту, на якому етапі сприйняття мови і яким чином впливають на процес сприйняття в акті комунікації.

У статті досліджуються різні види контексту, зокрема нормативні та ненормативні контексти, проводиться аналіз основних особливостей прояву зворотного зв'язку в цих видах контексту в умовах міжособистісного спілкування. Дається визначення понять «нормативний / ненормативний контекст», які є самостійним мовним середовищем, оскільки для них характерна певна сфера комунікації, характеристики адресата і адресанта, діалогічна форма взаємодії. Особливості представленої типології проаналізовано через призму прояви зворотного зв'язку в кожному з цих типів контекстів як іманентних складових міжособистісного спілкування.

Ключові слова: контекст, зворотний зв'язок, міжособистісне спілкування, гармонійний діалог, негармонійний діалог.

Масленников И. С. Дискурс обратной связи в различных контекстных условиях

В статье описывается общее коммуникативное действие субъектов общения, которое предполагает наличие обратной связи, то есть информации о том, как реципиент воспринял коммуникатора и его сообщение в различных контекстных условиях.

Контекст играет исключительно важную роль в процессе восприятия устной речи. В этой связи отмечается важность того, какие типы контекста, на каком этапе восприятия речи и каким образом оказывают влияние на процесс восприятия в акте коммуникации.

В статье исследуются различные виды контекста, в частности нормативные и ненормативные контексты, проводится анализ основных особенностей проявления обратной связи в этих видах контекста в условиях межличностного общения. Дается определение понятий

«нормативный / ненормативный контекст», являющихся самостоятельной языковой средой, поскольку для них характерна определенная сфера коммуникации, характеристики адресата и адресанта, диалогическая форма взаимодействия. Особенности представленной типологии проанализированы через призму проявления обратной связи в каждом из этих типов контекстов как имманентных составляющих межличностного общения.

Ключевые слова: контекст, обратная связь, межличностное общение, гармоничный диалог, негармоничный диалог.

Maslennikov I. S. Discourse of Feedback in Different Contextual Conditions

Some general communicative actions of subjects of communication, which suggests the presence of feedback, that is information about how the recipient took the communicator and his message in different contextual conditions are considered in the article.

Context plays a crucial role in the perception of oral speech. In this regard, the importance of the types of context is considered, at what stage of speech perception and how the impact on the process of perception in the act of communication is influenced.

The paper examines different types of context, especially standard and non-standard contexts, the main features of display of feedback in these kinds of context in terms of interpersonal communication are analyzed. The definition of the standard and non-standard contexts is given in the article that are independent language environment, since they are characterized by a certain sphere of communication, the characteristics of the recipient and the addressee, the dialogic form of interaction. The examined features of this context typology are analyzed through the prism of manifestations of feedback in each of these types of contexts as inherent components of interpersonal communication.

Key words: context, feedback, interpersonal communication, balanced dialogue, unbalanced dialogue.

Стаття надійшла до редакції 21.10.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК 811.161.1'42

А. В. Розсоха

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «СВОЙ»
В ИРОНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АРК. АВЕРЧЕНКО
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НЯНЬКА»)**

В социально неоднородном обществе сложный, поливалентный концепт «свой» определяет границы между группами людей, объединёнными общими убеждениями, взглядами на систему ценностей и общим социальным происхождением, ориентирующим на определённые поведения.

В ироническом дискурсе, который в современных исследованиях называют «формой ухода от зависимости, некой ступенью или степенью свободы от того, что «навязывается», долженствует над нами, тревожит нас, находится в поле постоянного контроля» [1], концепт «свой» имеет специфическое наполнение, получающее конкретизацию в художественном тексте в фигуре лингвокультурного типажа.

По определению В. И. Карасика, работы которого составили методологическую основу нашего исследования [2; 3], «лингвокультурный типаж представляет собой обобщение и в этом плане включает стереотипные представления о типизируемой личности, с которой говорящий себя осознанно или неосознанно ассоциирует. В число стереотипных характеристик типажа входят и ценности, в соответствии с которыми типаж строит своё поведение. А ценности, как известно, представляют собой самые глубинные характеристики культуры» [2, с. 183].

Цель статьи — выявить специфику репрезентации (способы эксплицитной и имплицитной реализации) лингвокультурного типажа «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко на материале его рассказа «Нянька».

В текстах рассказов Арк. Аверченко маркером «свой», как правило, отмечен персонаж, оказавшийся по авторскому замыслу в такой ситуации, которая позволяет читателю наглядно представить жизненные установки и жизненный путь героя.

В рассказе Арк. Аверченко «Нянька» из сборника «О хороших, в сущности, людях» (1914 г.) лингвокультурный типаж «свой» реализуется в образе вора Мишки Саматохи, который неожиданно для себя становится «своим» в чуждом ему светском обществе — нянькой наивной шестилетней девочки Веры.

Обобщённые характеристики героев автор маркирует их именами. Прозвище Саматоха ассоциируется со словом «суматоха» и ориентирует читателя на мысль о неустроенности жизни героя. Грубовато-фамильярный вариант имени — Мишка — не перечёркивает

положительную символику производящего имени Михаил, широко известного в начале XX века, тем более, сам герой при знакомстве именует себя «Михайлой». Верность наших наблюдений подтверждается сопоставлением авторских характеристик персонажей с толкованием их имён в именованном: «Михаилу свойственен логический склад ума. <...> В незнакомой обстановке он ориентируется быстро. <...> Очень добр в отношениях с детьми, не может ни в чем им отказать <...>. Михаил легок в общении, незлопамятен. <...>. Гармоничные отношения с обладателями имени ... Вера» (Источник: <http://www.calend.ru/names/0/0/105/>© Calend.ru). «Вера в детстве уравновешенная девочка, обладает логическим складом ума. ... капризов за ней не водится. <...> ... имеет хорошо организованный практический ум. Она способна трезво оценивать обстановку и проявляет сообразительность в конкретных делах...» (<http://www.calend.ru/names/0/0/201/>© Calend.ru).

Ряд маркеров в авторском нарративе разрушает оппозицию «свои — чужие», акцентируя внимание на том общем, что объединяет «чужих» по социальному происхождению, образу жизни и возрасту героев в группу «свои». Из краткого «жизнеописания» Мишки мы узнаём, что он «принципиальный противник строго обоснованных, хорошо разработанных планов»: «Если бы что-нибудь подвернулось под руку, он украл бы; если бы обстоятельства располагали к тому, чтобы ограбить, — Мишка Саматоха и от грабежа бы не отказался. Отчего же? Лишь бы после можно было легко удрать, продать «блатокаю» награбленное и напиться так, «чтобы чертям было тошно. Последняя фраза служила мерилем всех поступков Саматохи... Пил он, развратничал и дрался всегда с тем расчетом, чтобы «чертям было тошно». Иногда и его били, и опять-таки били так, что «чертям было тошно».

Поэтическая легенда, циркулирующая во всех благовоспитанных детских, гласит, что у каждого человека есть свой ангел, который радуется, когда человеку хорошо, и плачет, когда человека огорчают. Мишка Саматоха сам добровольно отрекся от ангела, пригласил на его место целую партию чертей и поставил себе целью всё время держать их в состоянии хронической тошноты.

И, действительно, мишкиным чертям жилось не сладко» [4, с. 79—80].

Иронические ремарки автора напоминают взгляд взрослого на поступки ребёнка, и читатель понимает, что в душе Мишка так и остался заброшенным, одиноким ребёнком, которого становится жаль (вспомним и название сборника, в который входит этот рассказ, — «О хороших, в сущности, людях»). Забраться на чужую дачу Мишку заставляет голод.

Вера, такая же бесхозная, как и Мишка (её родители уехали в город, а нянька ушла на свидание к приказчику), воспринимает Мишку как «своего», но незнакомого. Замкнутый мир семьи, в котором она

живёт, не связан с реальностью: знания об этом неведомом для неё мире сфокусированы в виде «наставлений матери», которые можно легко трансформировать: если с незнакомыми разговаривать нельзя, нужно просто представиться.

Ритуал знакомства нарушает равновесие в оппозиции «свои — чужие», а диалог героев помогает им сблизиться:

«Маленькая девочка лет шести выкатилась откуда-то на сверкающую дорожку и, увидев полускрытого ветками кустов Саматоху, остановилась в глубокой задумчивости.

Так как ей были видны только Саматохины ноги, она прижала к груди тряпичную куклу, защищая это беспомощное создание от неведомой опасности, и, после некоторого колебания, бесстрашно спросила:

— Чьи это ноги?

Отодвинув ветку, Саматоха наклонился вперед и стал, в свою очередь, рассматривать девочку.

— Тебе чего нужно? — сурово спросил он, сообразив, что появление девочки и её громкий голосок могут разрушить все его пиратские планы.

— Это твои... ножки? — опять спросила девочка, из вежливости смягчив смысл первого вопроса.

— Мои.

— А что ты тут делаешь?

— Кадрель танцую, — придавая своему голосу выражение глубокой иронии, отвечал Саматоха.

— А чего же ты сидишь?

Чтобы не напугать зря ребенка, Саматоха проворчал:

— Не просижу места. Отдохну, да и пойду.

— Устал? — сочувственно сказала девочка, подходя ближе.

— Здорово устал. Аж чертям тошно.

Девочка потопталась на месте около Саматохи и, вспомнив светские наставления матери, утверждавшей, что с незнакомыми нельзя разговаривать, вежливо протянула Саматохе руку:

— Позвольте представиться: Вера.

Саматоха брезгливо пожал её крохотную ручонку своей корявой лапой, а девочка, как истый человек общества, поднесла к его носу и тряпичную куклу:

— Позвольте представить: Марфушка. Она не живая, не бойтесь. Тряпичная.

— Ну? — с ласковой грубоватостью, неискренно, в угоду девочке, удивился Саматоха. — Ишь ты, стерва какая.

Взгляд его заскользил по девочке, которая озабоченно вправляла в бок кукле высунувшуюся из зияющей раны паклю.

«Что с неё толку! — скептически думал Саматоха. — Ни сережек, ни медальончика. Платье можно было бы содрать и башмаки, — да что за них там дадут? Да и визгу не оберешься».

— Смотри, какая у неё в боку дырка, — показала Вера.

— Кто же это ее пришил? — спросил Саматоха на своем родном языке.

— Не пришил, а сшил, — поправила Вера, — Няня сшила. А ну, поправь-ка ей бок. Я не могу» [4, с. 81—83].

Речевые характеристики Мишки и Веры устанавливают границы между ними только для читателя, который, благодаря автору, обладает большей информацией, чем коммуниканты. Воровской жаргон Мишки диссонирует с наивными и вежливыми репликами Веры: (« — Устал? — Здорово устал. Аж чертям тошно. — Позвольте представиться: Вера. Позвольте представить: Марфушка. Она не живая, не бойтесь. Тряпичная. — Ну? Ишь ты, стерва какая»). Девочка, идентифицируя Мишку как «своего» (для неё он просто «незнакомый», а не «чужой»), воспринимает слова лишь в прямом, известном ей значении (« — Кто же это её пришил? — Не пришил, а сшил»). Она не слышит и явно иронического ответа Мишки на свой вопрос: « — А что ты тут делаешь? — Кадрель танцюю»).

Наивность ребёнка заставляет Мишку «смягчиться» и осознать своё превосходство:

«Пожалуй, тут будет фарт», — подумал Саматоха, смягчаясь... — Эй, ты! Хошь я тебе гаданье покажу, а?

— А ну, покажи, — взвизгнула восторженно девочка.

— Ну, ладно. Да-кось руку... Ну, вот, видишь — ладошка. Во... Видишь, вон загибинка. Так по этой загибинке можно сказать, когда кто именинник.

— А ну-ка! Ни за что не угадаешь. Саматоха сделал вид, что напряженно рассматривает руку девочки.

— Гм! Сдается мне по этой загибинке, что ты именинница семнадцатого сентября. Верно?

— Веррно! — завизжала Вера, прыгая около Саматохи в бешеном восторге. — А ну-ка, на еще руку, скажи, когда мама именинница?

— Эх, ты, дядя! Нешто это по твоей руке угадаешь? Тут, брат, мамина рука требуется.

— Да мама сказала: в шесть часов приедет... Ты подождешь? » [4, с.84—85].

Сцена гадания по-настоящему сближает героев, хотя для читателя, знающего, что именины все Михаила и Веры празднуют в один день — 17 сентября, очевидна Мишкина нехитрая ложь.

«Лингвокультурный типаж, — замечает В.И. Карасик, — строит своё поведение в соответствии с ролевыми предписаниями. В этом смысле можно сказать, что роль как общая схема поведения составляет

основу содержания поступков типажа» [2, с. 182]. Мишка действительно принимает правила игры, которые придумывает Вера, понимая, что находится в безопасности. И это окончательно объединяет героев: Мишка полностью, хотя и безо всякого старания, «вписывается» в круг «своих» — гостей. Этот переход Мишки в иное качество снова подкреплён автором на уровне имени: и Вера, и автор теперь называют его «Миша»:

«Вера поставила перед гостем пустые тарелки, уселась напротив, подперла рукой щеку и затараторила:

— Кушайте, кушайте! Эти кухарки такие невозможные. Опять, кажется, котлеты пережарены. А ты, *Миша*, скажи: «благодарю вас, котлеты замечательные!»

— Да ведь котлет нет, — возразил практический *Миша*.

— Да это не надо... Это ведь игра такая. Ну, *Миша*, говори!» [4, с.85—86].

В авторской речи Саматоха назван Мишей только один раз, и то с эпитетом «практический», который подчёркивает ироничное отношение автора к мишкиным метаморфозам. Вера же искренне считает его другом, который пришёл в гости:

«Закутавшись салфеткой (полная имитация зябкой мамы, кутавшейся всегда в пуховой платок), Вера сидела напротив Саматохи и деятельно угощала его.

— Пожалуйста, кушайте. Не стесняйтесь, будьте как дома. Ах, уж эти кухарки, — опять пережарила пирог, — чистое наказание.

Она помолчала, выжидая реплики.

— Ну?

— Что ну?

— Что ж ты не говоришь?

— А что я буду говорить?

— Ты говори: «благодарю вас, пирог замечательный».

В угоду ей проголодавшийся Саматоха, запихивая огромный кусок пирога в рот, неуклюже пробасил:

— Благодарю вас... пирог знаменитый!

— Нет: замечательный!

— Ну, да. Замечательный.

— Выпейте еще рюмочку, пожалуйста. Без четырех избов угла не строится.

— Благодарю вас, водка замечательная.

— Ах, курица опять пережарена. Эти кухарки — чистое наказание.

— Благодарю вас, курица замечательная, — прогудел Саматоха, подчеркивая этим стереотипным ответом полное отсутствие фантазии.

— В этом году лето жаркое, — заметила хозяйка.

— Благодарю вас, лето замечательное. Я еще баночку выпью!

— Нельзя так, — строго сказала девочка. — Я сама должна предложить... Выпейте, пожалуйста, еще рюмочку... Не стесняйтесь. Ах, водка, кажется, очень горькая. Ах, уж эти кухарки. Позвольте, я вам тарелочку переменю.

Саматоха не увлекался игрой так, как хозяйка; не старался быть таким кропотливым и точным в деталях, как она. Поэтому, когда маленькая хозяйка отвернулась, он, вне всяких правил игры, сунул в карман серебряную вилку и ложку.

— Ну, достаточно, — сказал он. — Сыт.

— Ах, вы так мало ели!... Скушайте еще кусочек.

— Ну, будет там канитель тянуть, довольно. Я так налопался, что чертям тошно.

— Миша, Миша, — горестно воскликнула девочка, с укоризной глядя на своего большого друга.

— Разве так говорят? Надо сказать: «Нет, уж увольте, премного благодарен. Разрешите закурить?»

— Ну, ладно, ладно... Увольте, много благодарен, дай-ка папироску [4, с.86—88].

«Человек в языке проявляется прежде всего через своё коммуникативное поведение, а именно: через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определённой лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определённых синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (жесты, мимика, избираемые дистанции в общении и др.», — отмечает В.И.Карасик [2, с. 188]. Многочисленные повторы в речи маленькой хозяйки, перестановка слов (гипаллаг) в пословице «Без четырех углов изба не строится» → «Без четырех *избов* угла не строится», явно скопированной девочкой из речи взрослых, но не понимающей её смысла, бессодержательность, пустота «светского» диалога, видимо, всегда одного и того же и поэтому так легко воспроизведённого девочкой, говорят об ироничном отношении автора к светским «своим». Стереотипные мишкины ответы («водка замечательная», «пирог замечательный», «курица замечательная», «лето замечательное»), указывающие «на полное отсутствие фантазии», и разностилевая оформленность речи персонажей («благодарю вас», «пожалуйста, кушайте», «не стесняйтесь, будьте как дома», «позвольте, я вам тарелочку переменю», «кушайте еще кусочек», «выпейте, пожалуйста» в речи девочки и «пирог знаменитый», «ну, будет там канитель тянуть, довольно», «я так налопался, что чертям тошно», «увольте, много благодарен, дай-ка папироску» в речи Мишки), противопоставление «Вы» и «ты» общения в их диалоге усиливают ироничность сложившейся коммуникативной ситуации, подчёркивая, что Мишка стал «своим» для Веры лишь по мировосприятию, по складу души. Но именно духовная близость для автора является главным в общении людей, а

деление на «своих» и «чужих» по социальному происхождению и возрасту — просто игра.

Дальнейшее развитие сюжета подтверждает наши наблюдения: Вера предлагает поиграть в разбойников, жизнь которых для неё так же понятна, как и её собственная. Мишка же оказывается в затруднительном положении в привычном ему мире. «Это предложение поставило Мишу в некоторое затруднение. Что значит играть в разбойников? Такая игра с шестилетней девочкой казалась глупейшей профанацией его ремесла» [4, с.89].

Однако душевная чистота Мишки, объединяющая его с Верой в группу «свои», заставляет героя принять и эту игру, и наставления Веры, как надо играть в разбойников: «Хотя это было искажение всех разбойничьих приемов и традиций, но Саматоха и не брался быть их блюстителем» [4, с.89].

«Игра была превеселая. Верочка прыгала вокруг Саматохи и кричала:

— Пошел вон! Не смей трогать Марфушку! Возьми лучше мои драгоценности, только не убивай ее. Постои, а где же у тебя нож?

Саматоха привычным жестом полез за пазуху, но сейчас же сконфузился и пожал плечами.

— Можно и без ножа. Нарочно ж...

— Нет, я тебе лучше принесу из столовой.

— Только серебряный! — крикнул ей вдогонку Саматоха.

Игра кончилась тем, что, забрав часы, брошку и кольцо в обмен на драгоценную жизнь Марфушки, Саматоха сказал:

— А теперь я тебя как будто запру в тюрьму.

— Что ты, Миша! — возразила на это девочка, хорошо, очевидно, изучившая, кроме светского этикета, и разбойничьи нравы. — Почему же меня в тюрьму? Ведь ты разбойник — тебя и надо в тюрьму» [4, с.90—91].

И всё же миры, в которых живут герои рассказа, разные, «чужие». Играя роль «своего», Мишка интуитивно чувствует это и стремится уберечь девочку от реальности: он забирает только то, что ему предлагает девочка в игре. Вопрос Веры «где же у тебя нож?» заставляет его сконфузиться.

Доведя игру до конца, Мишка уходит, а через несколько дней в парке, где гуляли дети с няньками, к изумлению окружающих, схватил лежащую на траве куклу и убежал. Ему хотелось поблагодарить Веру за то, что она увидела в нём хорошего человека, человека, о котором никто, кроме него самого, видимо, не знал: «На клочке бумаги были причудливо перемешаны печатные фразы афиши с рукописным творчеством Саматохи.

Читать можно было так:

«Многоуважаемая Вера! С дозволения начальства. Очень прошу не обижаться, что я ушел тогда. Было нельзя. Если бы кто-нибудь

вернулся — засыпался бы я. А ты девчонка знатная, понимаешь, что к чему. И прошу тебя получить... *бинокли у капельдинеров...* сыю куклу, мною для тебя найденную на улице... Можешь не благодарить... *Артисты среди акта на аплодисменты не выходят...* уважаемого тобой Мишу С. А ложку то я забыл тогда вернуть! Прощ...» [4, с. 94—95].

Ирония, возникающая в результате смешения двух разножанровых текстов — текста афиши и записки, смешение разностилевой лексики и, как следствие, — игры смыслами, окрашивает текст лиризмом. Фраза из афиши «Артисты среди акта на аплодисменты не выходят» передаёт читателю сожаление автора о том, что игра закончена и что в жизни не так часто можно встретить действительно «своего» человека.

Проведенное исследование показало, что ирония как средство передачи оценочности направлена на формирование общественного сознания и вербализуется в речеповеденческих стереотипах лингвокультурного типажа. Имплицитно выраженное в диалоге автора с читателем противопоставление «человек — социум» становится фоном, помогающим автору эксплицитировать иронично-негативное отношение к светскому обществу, в котором лишь одинаковое социальное происхождение маркирует индивида как «своего».

Таким образом, лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко доминирует в концептуальной оппозиции «свой — чужие», являясь ключевым звеном в построении модели отношений «человек — человек».

Список использованной литературы

- 1. Александрова А. В.** Дискурс иронии в социокультурном контексте [Электронный ресурс] / А. В. Александрова. — Режим доступа к ресурсу : http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&=blog&id=71&Itemid=6. **2. Карасик В. И.** Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2009. — 406 с. **3. Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с. **4. Аверченко А. Т.** Молодняк : рассказы / А. Т. Аверченко. — М. : Дет. лит., 1992. — С. 79—95.

Розсоха А. В. Лінгвокультурний типаж «свій» в іронічному дискурсі Арк. Аверченка (на матеріалі оповідання «Нянька»)

У статті розглядаються засоби експліцитної та імпліцитної реалізації лінгвокультурного типажу «свій» в іронічному дискурсі Арк. Аверченка на матеріалі його оповідання «Нянька».

Полівалентний концепт «свій» у соціально неоднорідному суспільстві визначає межі між групами людей, які об'єднані загальними переконаннями, поглядами на систему цінностей і загальним соціальним походженням, що диктує моделі поведінки всім, хто потрапляє в ці групи.

В іронічному дискурсі Арк. Аверченка концепт «свій» конкретизується у фігурі лінгвокультурного типуажу і має певну специфіку, зумовлену як прагмалінгвістичними характеристиками цього дискурсу, так і світосприйняттям Арк. Аверченка.

Авторський нарратив руйнує концептуальну опозицію «свої — чужі», акцентуючи увагу на тому загальному, що об'єднує «чужих» за соціальним походженням, засобом життя та віком героїв до групи «свої».

Імплицитно виражене в діалозі автора з читачем протиставлення «людина — соціум» стає тлом, що допомагає автору експлікувати іронічно-негативне ставлення до світського суспільства, в якому лише однакове соціальне походження маркує індивіда як «свого».

У результаті проведеного дослідження автор статті приходиться до висновку, що лінгвокультурний типаж «свій» в іронічному дискурсі Арк. Аверченка домінує в концептуальній опозиції «свої — чужі», бо є ключовою ланкою в побудові моделі відносин «людина — людина».

Ключові слова: іронічний дискурс, Арк. Аверченко, концептуальна опозиція «свої — чужі», концепт «свій», лінгвокультурний типаж «свій», мовні засоби створення іронії.

Розсоха А. В. Лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко (на материале рассказа «Нянька»)

В статье рассматриваются способы эксплицитной и имплицитной реализации лингвокультурного типажа «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко на материале его рассказа «Нянька».

Поливалентный концепт «свой» в социально неоднородном обществе определяет границы между группами людей, объединёнными общими убеждениями, взглядами на систему ценностей и общим социальным происхождением, диктующим модели поведения всем входящим в эти группы.

В ироническом дискурсе Арк. Аверченко концепт «свой» конкретизируется в фигуре лингвокультурного типажа и имеет определённую специфику, обусловленную как прагмалингвистическими характеристиками данного дискурса, так и мировосприятием Арк. Аверченко.

Авторский нарратив разрушает концептуальную опозицию «свои — чужие», акцентируя внимание на том общем, что объединяет «чужих» по социальному происхождению, образу жизни и возрасту героев в группу «свои».

Имплицитно выраженное в диалоге автора с читателем противопоставление «человек — социум» становится фоном, помогающим автору эксплицировать иронично-негативное отношение к светскому обществу, в котором лишь одинаковое социальное происхождение маркирует индивида как «своего».

В результате проведённого исследования автор статьи приходит к выводу, что лингвокультурный типаж «свой» в ироническом дискурсе Арк. Аверченко доминирует в концептуальной оппозиции «свои — чужие», являясь ключевым звеном в построении модели отношений «человек — человек».

Ключевые слова: иронический дискурс, Арк. Аверченко, концептуальная оппозиция «свои — чужие», концепт «свой», лингвокультурный типаж «свой», языковые средства создания иронии.

Rozsokha A. V. The linguocultural character type «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko (based on the story «Nanny»)

The article deals with the ways of explicit and implicit realisation of the linguocultural character type «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko based on his story «Nanny».

The polyvalent concept «friend» in a socially heterogeneous society defines the borders between groups of people, united by their common beliefs, views on the value system and their common social origin that dictates the models of behaviour to everyone in these groups.

The concept «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko is concretised in the figure of a linguocultural character type and has a certain specificity that's conditioned by both pragmatic and linguistic characteristics of the discourse and the world-view of A. Averchenko.

The author's narrative destroys the conceptual opposition «friend-or-foe», emphasising the common that unites «foes» in the group of «friends» by the social origin, way of life, age of the characters.

The opposition «person — society» that is implicitly expressed in the author's dialogue with the reader becomes a background, which helps the author express the ironically negative attitude towards the high-society, in which it is only the similar social origin that marks an individual as a «friend».

As a result of the research, the author of the article comes to the conclusion that the linguocultural character type «friend» in the ironic discourse of A. Averchenko dominates in the conceptual opposition, being the main link in building the relationship model «person — person».

Key words: ironic discourse of A. Averchenko, conceptual opposition «friend-or-foe», the concept «friend», linguocultural character type «friend», linguistic means of creating irony.

Стаття надійшла до редакції 27.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК 81'1:17

И. Ю. Эсаулова

КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРОЕКЦИИ НА ЛИЧНОСТЬ В ЕЕ ЭТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

Дискурс неопределенности представляет собой коммуникативное событие, характерные черты которого проявляются в его прагматической направленности, персуазивности, обилии имплицатур, выраженной в характере языковых конструкций интенциональности. Иллокутивные установки коммуникантов в этом виде дискурса проявляются в условиях «незнания», утаивания информации, недоговоренности и, соответственно, в стремлении общающихся устранить неопределенность.

Для понимания сути дискурса неопределённости важно понять, каким образом адресат реагирует на поставленный вопрос и всегда ли ответ на вопрос будет четким, правдивым и однозначным. Такого рода понимание может помочь идентифицировать дискурс реагирования по параметру «искренность — неискренность».

Актуальность предпринятого исследования определяется неизученностью проблемы неопределённости в дискурсивном отношении с акцентом на лингвистических и социолингвистических характеристиках.

Новизна представленных материалов связана с проекцией категории неопределённости на содержание этических концептов национальной культуры, прежде всего таких, как правдивость и искренность.

Вслед за Л. Н. Синельниковой [1, с. 293] и С. Н. Плотниковой [2, с. 22] под дискурсом реагирования мы понимаем коммуникативное событие, когнитивно-коммуникативные установки участников которого детерминируются реакцией на события внешнего мира. Задача интерпретатора дискурса неопределенности — выявить комплекс реакций на событие в их вербальном представлении.

Подтверждением когнитивного и прагматического потенциала категории неопределенности является проведенный нами социолингвистический опрос в социальной сети ВКонтакте. Было задано 4 разнотемных вопроса, ответы на которые дали основание интерпретировать дискурс реагирования в его соотношении с дискурсом неопределённости.

В ходе опроса было установлено, что большинство опрошенных отдавали предпочтение нечетким, неоднозначным и нередко неправдивым ответам. Такие ответы есть все основания соотнести с неискренним дискурсом.

Возрастная категория опрошенных варьировалась от 18 до 40 лет. В опросе приняло участие 175 анонимных участников. Было предоставлено 3 варианта ответа с возможностью продемонстрировать свое мнение в комментариях при наличии интенции к самовыражению.

Приведём информацию о заданных вопросах и полученных результатах.

1. Как вы объясните строгому преподавателю опоздание на занятие?

Пробки	77	46,7%
Всю ночь учился и проспал	45	27,3%
Часы отстают	15	9,1%
Ваш вариант (в комментариях)	28	17%
Проголосовало 165 человек.		

Как видим, 46,7 % (77 участников) отдали предпочтение выбору «Пробки», не вдаваясь в объяснения. Причем, учитывая, что вероятность попадания в реальную пробку мала, можно предположить, что такой ответ — форма проявления неискреннего дискурса, вызывающая сомнения в правдивости адресата, стремящегося утаить настоящую причину опоздания. Сомнения в искренности вызывает и ответ «Всю ночь учился и проспал», который дали 27,3 % (45 участников). Вариант ответа «Часы отстают» выбрали всего 9,1 % (15 участников). Жизненный опыт показывает, что в межсессионный период студенты не нагружают себя ночной учёбой, а отставание часов у хорошо технически оснащённых студентов выглядит анахронизмом. Таким образом, вполне возможно предположить, что 83% проголосовавших отдали предпочтение неоднозначным, возможно, даже неправдивым ответам, избегая прямого объяснения причин опоздания.

17 % (28 участников) посчитали нужным высказать свое мнение в комментариях, содержание которых выявляет проявленные иллюкутивные установки участников опроса. Выделяются несколько видов таких установок.

Носителей первой группы реплик-комментариев можно квалифицировать как «искусных выдумщиков», ориентированных на установку: «Придумаю оригинальную уважительную причину, которая может быть только у меня. Должно звучать правдоподобно». Вербальное проявление этой установки только укрепляет признаки неопределённости и неискренности: «А что пара уже началась?»; «Так сошлись звезды!»; «Вы понимаете — пробежал енот...».

По мнению Т.Г. Винокур, «дискурс переводит процесс развертывания предложения или текста на высший мотивационный уровень — уровень структуры языковой личности» [3, с. 30]. Последние примеры реплик-комментариев демонстрирует особые иллюкутивные

установки их авторов: правдоподобно соврать, что является проявлением неискреннего дискурса. «Неискренность понимается как дискурсивная стратегия языковой личности, направленная на интенциональное выражение ложных пропозиций и их соответственное языковое оформление» [4, с. 5].

Вторую группу носителей реплик-комментариев можно обозначить, как «дерзкие студенты», которые не считают нужным объясняться с преподавателем, демонстрируя излишнюю уверенность в себе, иногда даже граничащую с хамством (последний пример): «Оправдываться не вижу смысла, все равно уже опоздала»; «Оправдываться не буду. Извинюсь и попрошу войти»; «Ничего не объясню, просто извинюсь»; «Объяснять причину не стану. Извинюсь»; «Ничего не объясняю, извиняюсь, захожу и сажусь на свое место».

Третью группу можно обозначить «воспитанные студенты», осознающие свою непунктуальность и стремящиеся избежать конфликта: «Без объяснений. Извините, виновата, больше не повторится»; «Ну или просто стою, краснею, говорю: «Извините, это моя вина»; «Сори, задержался»; «Извинюсь и попрошусь зайти присесть»; «Ну или «Извините, пожалуйста, я немного задержалась, такого больше не повторится». Всегда действует вежливость». Несмотря на то, что последний комментарий на поверхностном уровне свидетельствует о воспитанности и обходительности студента, установка на обман через хитрый ход на глубинном уровне не исключается. Прагматическая установка: «всегда положительно действует вежливость» — способ выдать ложь за правду.

К четвертой группе относятся те респонденты, которые предпочитают говорить правду. Из 165 участников опроса только 7 человек были настроены на правдивый ответ: «Смотря по какому поводу, вообще скажу правду»; «Правду»; «Totally, truth»; «Говорю правду, так как опаздываю редко. Глупо врать»; «Не хотел приходить».

Таким образом, большинство проголосовавших (около 90%) предпочли бы уйти от прямого ответа в сторону лжи. Их ответы проявляют признаки дискурса неискренности и неопределённости.

2. Как вы объясните свое нежелание идти на свидание?

Очень занят(а)	82	46,9%
Как-нибудь в следующий раз	42	24%
Неважно себя чувствую	40	22,9%
Ваш вариант (в комментариях)	11	5,3%
Проголосовало 175 человек.		

На данный вопрос ответили все участники опроса (175), отдавая преимущество первому варианту «Очень занят(а)» — 46,9% (82 участника). 24% (42 участника) пообещали бы встретиться «Как-нибудь

в следующий раз», и 22,9% (40 участников) обошлись бы отговоркой «Неважно себя чувствую». 93,7% всех опрошенных предпочли бы соврать, подавая ложные надежды, оправдывая себя, уходя от прямого ответа, оставляя адресата в состоянии неопределенности. «Как-нибудь в другой раз» — значит есть надежда, нужно ждать следующего раза; «Очень занят(а)» — вызывает сожаление, симпатию у адресата и стимулирует на повторное приглашение (возможно он(а) окажется свободной позже); «Неважно себя чувствую» — вызывает сопереживание и обнадеживает. Подобная стратегия может касаться так называемого флирта, характерного в большинстве случаев для девушек. 6,3% участников дали комментарий: «У меня жена есть»; «Ой, ну сегодня не могу. Давай в другой раз»; «Муж не пускает»; «Занята», «Прости, не хочу» и т.д. То есть, всего 5 человек из 175 ответили бы честно, избегая неопределенности, что, как нам кажется, может свидетельствовать о ментальных установках молодых людей, стремящихся вести так называемую «игру», разгадать которую помогает не столько вербальный (поверхностный) план, сколько невербальное сопровождение.

3. Как вы отреагируете на сюрприз от любимого человека, если этот сюрприз вам не понравился?

Какая прелесть!	66	44%
Я от тебя такого не ожидал!	24	16%
Скромно промолчите	46	30,7%
Ваш вариант (в комментариях)	14	9,3%
Проголосовало 150 человек.		

Подавляющее число участников, 44% (66 опрошенных), выбрали вариант «Какая прелесть!», 16% (24 участника) предпочли двусмысленное высказывание «Я от тебя такого не ожидал(а)», 30,7 % (46 участников) воздержались бы от комментариев и скромно промолчали бы, давая право адресату самому сделать заключение о том, понравился ли сюрприз. Последняя установка имеет прямое отношение к дискурсу неопределённости. Если 46 респондентов готовы промолчать, то 90 других (которые выбрали 1 и 2 варианты в опросе) готовы прибегнуть к завуалированной лексике, чтобы скрыть свои истинные эмоции и не обидеть адресата. 9,3 % (14 участников) изъявили желание выразить свою позицию в комментариях, причем все комментарии можно разделить на положительные для адресата (но не выражающие настоящих чувств) и отрицательные:

А) «Спасибо, мне очень приятно твоё внимание!»; «Мне не может не понравиться сюрприз от любимого человека, это же делается с любовью», «Всегда только положительные эмоции»; «Обниму,

поблагодарю, главное ведь не подарок»; «Обожаю сюрпризы. Мне не может не понравиться»; «Поблагодарю, конечно»; «Поблагодарю, поцелую. Подумаю, куда применить подарок» и т.д.

Подобные комментарии передают тактичные установки участников — не обидеть своего близкого человека, но, тем не менее, наглядно иллюстрируют неискренний дискурс, дискурс неопределенности.

Б) «Скажу, что мне безумно приятно и тактично объясню (так чтобы человек не обиделся), что хотела получить другой подарок!»; «Правду скажу, а что тут такого»; «Скажу, что мне не понравилось и объясню, что именно, чтоб в следующий раз он учитывал мои предпочтения»; «Поблагодарю, но намекну, что хотела бы что-то другое» — так ответили бы респонденты, которые предпочли выразить искренние чувства. Из 150 отвечающих всего 6 действовали по нормам искреннего дискурса реагирования.

Данные опроса показывают, что более 90% всех опрошенных старались уйти от прямого ответа, завуалировать свои чувства, то есть предпочитают действовать в пределах дискурса неопределенности.

4. Что вы ответите преподавателю, требующему показать вашу дипломную работу, которую вы еще не начинали делать?

В процессе	109	66,1%
На завершающем этапе	35	21,2%
Осталось только распечатать	4	2,4%
Ваш вариант (в комментариях)	14	9,3%
Проголосовало 165 человек.		

Практически все участники (88,6%) воздержались от возможности прокомментировать ситуацию и отдали предпочтение вариантам, которые носят нечеткий, неопределенный и, как правило, неправдивый характер, поскольку в ответах проявляется завышенная самооценка и неоправданная самоуверенность. Большая часть опрошенных 66,1 % (109 участников) адекватно оценивают свои возможности, не приукрашая своих достижений. Ответ «В процессе» имеет импликацию «неопределенность» и свидетельствует о стремлении уйти от конкретной информации («работа продвигается, но до завершения еще далеко»). Выбирая вариант «На завершающем этапе», 21,2% (35 участников) проявляют уверенность в своих возможностях, стремясь выглядеть лучше в глазах преподавателя, вызвать к себе больше уважения, зарекомендовать себя в качестве старательных студентов (вопрос о правдивости информации о такого рода достоинствах остаётся открытым). Особо отметим самоуверенную группу респондентов,

рассчитывающих успеть за короткое время выполнить большой объём работы. Таких оказалось меньшинство — 10,3 % (17 участников). 3 человека прокомментировали свой ответ так: «Сложно сказать, т.к. я в такую ситуацию не попадала! Лучше не доводить до этого, чтобы не чувствовать себя плохо»; «На данный момент у меня есть только наработки, показывать пока что нечего. Давайте определимся с датой, когда я принесу готовую работу»; «В процессе. Если преподаватель адекватный, можно и правду: простите, извините, я дурак, еще даже не начал». В большинстве случаев проявляется дискурсивная стратегия: казаться лучше, чем есть на самом деле, создать неопределенность, которая поможет завуалировать истинную информацию о положении дел.

Здесь уместно воспользоваться положением о дальнейшей прагматике говорящего, под которой понимаются коммуникативные цели, выходящие за пределы данного речевого акта и направленные на коммуникацию в целом [5]. Как можно заметить из комментариев, практически никто не готов сознаться в правде, то есть 99% всех студентов соврали бы, реализуя стремление оставить преподавателя в неопределенности по поводу выполнения работы. Правда, студенческая неопределённость легко распознаётся опытным преподавателем, знакомым с банальным набором отговорок и быстро их верифицирующим.

Ещё одно наблюдение: отсутствие в дискурсе реагирования оригинальных альтернативных ответов. Большинство формулировок имеет тривиальный характер и может быть включено в реестр вербальных средств неискреннего дискурса.

С.Н. Плотникова пишет о преимуществах неопределенности: «... неискренность рассматривается неискренним говорящим как нечто в его интересах, то есть как нечто, способствующее достижению его цели. Как и вежливость, неискренность можно считать одним из свойств человеческой природы, таким способом существования, когда люди хотят выразить ложные пропозиции вместо истинных» [4, с. 62].

Осознание того, что ответы на вопросы будут оценены и проанализированы, по всей вероятности, заставляло респондентов избегать развёрнутых ответов и ограничиваться простыми формулировками. Если у говорящего возникают смыслы, не санкционированные тем дискурсивным сообществом, в котором он в данный момент находится, то такие смыслы должны оставаться не выраженными [6, с. 265]. Один комментарий является исключением: при объяснении причины опоздания строгому преподавателю один из участников опроса написал откровенный комментарий: «Не хотел приходить». Но и этот комментарий трудно верифицировать по критерию истинности: не исключается установка на показную оригинальность, эпатаж. Сложные когнитивные процессы, которые стоят за осуществлённым выбором ответа, остаются по большей части не

эксплицированными. Г.Г. Хазагеров пишет о возможности сомнений при проведении социологического опроса, которые могут быть определены как «неестественность коммуникации...» [5]. И всё-таки реакции респондентов на поставленные вопросы проявляют ряд существенных признаков дискурса неопределённости.

Выводы:

1) Участники опроса склонны комментировать открыто свои мысли только в случае, когда вопрос не противоречит их интересам и не компрометирует их.

2) Участники опроса, зная о том, что их ответы получат обобщающий комментарий, начинают выполнять роль наблюдателей-интерпретаторов по отношению к своим собственным репликам — факт, способный инициировать установку на неискренность и сопровождающую её неопределённость.

Результаты опроса подтвердили тесную связь трёх типов дискурсов: дискурса реагирования, дискурса неопределённости и неискренного дискурса, их совмещённости в языковой (социально обусловленной) личности респондентов. «Неопределённость присутствует везде и во всем, она — королева современности!» [7] — этот своеобразный научный афоризм определяет перспективы изучения категории неопределённости в её дискурсивном проявлении и в естественной совмещённости с соположенными типами дискурсов.

Список использованной литературы

- 1. Синельникова Л.Н.** Дискурс реагирования: неориторическая модель политической коммуникации / Л.Н. Синельникова // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского, Сер. «Филология. Социальные коммуникации». — Симферополь, 2013. — Том 26 (65). — С. 293—299.
- 2. Плотникова С.Н.** Политик как конструктор дискурса реагирования / С.Н. Плотникова // Политический дискурс в России : матер. постоянно действующего семинара. Вып. 8 / Под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. — М. : МАКС Пресс, 2005. — С. 22—26.
- 3. Винокур Т.Г.** Говорящий слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. — М. : Наука, 1993.
- 4. Плотникова С.Н.** Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С.Н. Плотникова. — Иркутск : ИГЛУ, 2000. — 244 с.
- 5. Хазагеров Г.Г.** Лексикографическое описание данных социологического опроса / Г.Г. Хазагеров // Социологический журнал. — № 2. — 2003.
- 6. Плотникова С.Н.** Непрямое общение в беседе // Прямая и непрямая коммуникация / С.Н. Плотникова. — Саратов, 2003.
- 7. Бонусы неопределённости** // Журнал современной психологии «PSYPORTALINFO» [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : http://www.psyportal.info/articles/history_of_Psychology/bonusy_neopredelennosti.

Есаулова І. Ю. Категорія невизначеності в проєкції на особистість в її етичних проявах

Категорія невизначеності розглядається в дискурсологічному відношенні, приймаючи до уваги психологічні, соціологічні та соціолінгвістичні параметри. Аналіз питань та відповідей проведеного анкетування дав можливість розширити уяву про категорію невизначеності. Мета статті — розгляд категорії невизначеності в умовах особового типу комунікації — анонімного анкетування студентів. Виявленні ознаки дискурсу невизначеності проєктуються на етичні концепти «правдивість» та «щирість», що свідчить про природну координацію дискурсу невизначеності з ознаками нещирого дискурсу та дискурсу реагування. Низка виявлених при аналізі проведеного опитування властивостей: прагматичність, персуазивність, імпліцитність, інтенціональність, недомовленість, неоднозначність — однаково характеризують названі види дискурсів. Відмінність має ситуативний характер та поєднана як зі ставленням автора анкети, можливими темами і характером запитань, так і з соціальним статусом респондентів (студентське оточення з набором своїх мотивацій та моделей поведінки). Матеріали соціологічного опитування показали, що реакції на питання анкети пов'язані з наміром приховати правдиву інформацію та дати неоднозначні, розмиті відповіді.

Ключові слова: дискурс невизначеності, дискурс реагування, нещирий дискурс, когнітивна лінгвістика, етичний концепт, мовна особистість, дискурс-аналіз.

Эсаулова И. Ю. Категория неопределенности в проекции на личность в ее этических проявлениях

Категория неопределенности рассматривается в дискурсологическом отношении с учётом психологических, социологических и социолингвистических параметров. Анализ вопросно-ответного блока проведённого опроса дал возможность расширить представление о категории неопределённости. Цель статьи — рассмотрение дискурса неопределенности в условиях особого вида коммуникации — анонимного анкетирования студентов. Выявленные признаки дискурса неопределённости проєктируются на этические концепты «правдивость» и «искренность», что свидетельствует о естественной координации дискурса неопределённости с признаками дискурса реагирования и неискренного дискурса. Ряд отмеченных в анализе проведённого опроса свойств: прагматичность, персуазивность, импліцитність, інтенціональність, недоговоренность, неоднозначность — равно характеризуют названные виды дискурсов. Различия имеют ситуативный характер и связаны как с установками автора анкеты, с предложенными темами и характером вопросов, так и с социальным статусом респондентов (студенческая среда со своим набором мотивацій и моделей поведения).

Ключевые слова: дискурс неопределенности, дискурс реагирования, неискренний дискурс, когнитивная лингвистика, этический концепт, языковая личность, дискурс-анализ.

Esaulova I. The Category of Uncertainty in The Projection of The Personality in His Ethical Issues

The category of uncertainty is examined in relation to the psychological, sociological and socio-linguistic characteristics. The analysis of questions and answers in the survey made it possible to expand the understanding of the category of uncertainty. The purpose of the article is to examine the discourse of uncertainty in a special form of communication — an anonymous survey of students. Revealed characteristics of the discourse of uncertainty are projected to ethical concepts of " honesty " and "sincerity", which indicate that signs of the uncertainty discourse, the response discourse, and insincere discourse are in natural coordination with each other. A number of noted in the analysis of the survey characteristics: pragmatics, persuasiveness, implicitness, intentionality, reticence, ambiguity — characterize these kinds of discourses. The differences are situational and related to both author attitudes, themes proposed and the nature of the issues, as well as to the social status of the respondents (student environment with its own set of motivations and patterns of behavior). Materials of the survey show that the responses to the questions are connected with the desire to hide the true information, confuse the interlocutor with unclear, ambiguous facts and make them sound true and plausible.

Key words: discourse of uncertainty, response discourse, insincere discourse, cognitive linguistics, the ethical concept, linguistic identity, discourse analysis.

Стаття надійшла до редакції 28.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК [811.161.1: 82 - 4] : 305

И.В. Матророва

**ГЕНДЕРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ
В ЖАНРЕ ЭССЕ**

Эссе относится к числу уникальных по проявленности личности автора жанров, и такая стилистически значимая категория, как экспрессия занимает в текстах эссе доминирующие позиции. Экспрессивность — это те смысловые и оценочные признаки слова,

грамматической формы, предложения, которые позволяют использовать их как средство выражения не только предметного содержания, но и отношения говорящего или пишущего к тому, о чем говорится, — событиям, фактам, людям.

И.В. Арнольд под экспрессивностью понимает «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражает внутреннее состояние говорящего и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть, образным» [1, с. 11]. По мнению Г.Я. Солганика, категория экспрессивности «в рамках газетно-публицистического стиля целесообразно рассматривать как видовое понятие по отношению родовому — оценочности» [2]. По словам В.Г. Костомарова, основными функциями экспрессии в газетно-публицистических текстах являются: информационно-содержательная функция, функция убеждения и воздействия [3, с. 35], [4].

Цель статьи — выявить в текстах жанра эссе те формы экспрессии, которые можно квалифицировать как гендерно обусловленные. При этом значима позиция: отсутствие экспрессии также является гендерно значимым показателем.

Эссе — глубоко личностный, персонифицированный литературно-публицистический жанр, требующий от автора самостоятельности и оригинальности мышления, определённого опыта в той области, которой посвящены раздумья (эссе в переводе с французского языка — опыт). Эссе представляет собой прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета речи. Из всех жанров публицистического стиля эссе является наиболее эмоционально-экспрессивным, связанным с эффектом общения, личным контактом автора с читателем, воспроизведением непринужденной беседы между ними.

В «Большом энциклопедическом словаре» дается такое определение эссе: «Эссе — это жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь» [5]. «Краткая литературная энциклопедия» уточняет: «Эссе — это прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, трактующее частную тему и представляющее попытку передать индивидуальные впечатления и соображения, так или иначе, с ней связанные» [6]. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина эссе определяется как «очерк, трактующий какие-нибудь проблемы не в систематическом научном виде, а в свободной форме» [7].

Выделяется несколько разновидностей эссе. *Литературно-критическое эссе* не претендует на анализ произведения или творческого

пути писателя, и автор может ограничиться общими рассуждениями субъективного характера. *Философское эссе* представляет собой размышления о смысле бытия, о развитии общества, о жизни и смерти, о познании истины, о добре и зле. *Организационно-управленческое эссе* — один из популярных в науке управления персоналом метод современной системы формальной оценки совершенной деятельности. *Научно-публицистическое эссе* можно отнести к особой разновидности очерка по признаку свободной композиции и манеры повествования. Общий когнитивно обусловленный признак для всех подвидов эссе — авторский самоанализ мироощущения и интуитивное продвижение к новому знанию о бытии.

Назовём основные признаки жанра эссе:

1. Небольшой объем (от 3-х до 7 страниц).
2. Конкретная тема и подчеркнута субъективная ее трактовка.
3. Свободная композиция (эссе по своей природе устроено так, что не терпит никаких формальных рамок и нередко строится вопреки законам логики, подчиняясь произвольным ассоциациям).
4. Склонность к парадоксам (эссе призвано удивить читателя, в том числе ярким высказыванием, парадоксальным определением и под.).
5. Ориентация на разговорную речь (в то же время «сниженные» языковые средства читатель может оценить как моветон).
6. Непринужденность повествования (автору эссе важно установить доверительный стиль общения с читателем; чтобы быть понятым).
7. Внутреннее смысловое единство (свободное по композиции, ориентированное на субъективность, эссе вместе с тем обладает внутренним смысловым единством, т. е. согласованностью ключевых тезисов и утверждений, внутренней гармонией аргументов и ассоциаций, непротиворечивостью тех суждений, в которых выражена личностная позиция автора).

Эссеист афиширует свой субъективизм, стремление постичь важность, а то и глобальность происходящего, показать социально-психологический срез общества. И в этой всеохватности ядром, своеобразной линзой преломления фактов становится сам публицист. Свободное самовыражение эссеиста не может не зависеть от состояния общественного сознания, определяемого условиями жизни, общественного мнения, культурно-национальных особенностей, то есть от признаков, комплекс которых можно обозначить как «фактор адресата». Диалог «автор — читатель» организует текст эссе. Этот диалог возможен при условии, если и автор, и читатель представляют собой творческие личности.

Исследователи едины в мысли о том, что эссе принадлежит к слабо структурированным жанрам. Справедлива оценка эссе как синергетического феномена [8]. Синергетика эссе основывается на разных факторах его организации, в том числе на экспрессивных

языковых средствах. В качестве лексического источника экспрессии широко используются метафора, метонимия, гипербола, литота, ирония, оксюморон, эпитет, каламбур, перифраз. Часто применяются фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения, афоризмы, в том числе измененные. Широко используются структуры экспрессивного синтаксиса: обратный порядок слов, восклицательные и вопросительные предложения. Одним из средств выражения эмоциональной экспрессии в текстах эссе является повтор. Сам факт наличия в эссе названных языковых и риторических средств не является гендерно отмеченным, но их количество и роль в текстообразовании могут свидетельствовать о гендерно обусловленных различиях в текстах эссе.

Несколько примеров:

«Если я расскажу об этом подругам, мы потратим на всесторонний анализ моих бед не один вечер. Если я расскажу об этом какому-нибудь мужчине, он мне ответит одной фразой: «Да ладно, не обращай внимания!» «И я им завидую, ей-богу!» (1).

Автор данного эссе, по сути, подтверждает один из основных тезисов гендерной лингвистики: женщины и мужчины по-разному организуют коммуникацию. Женщины склонны к длительному, детальному обсуждению той или иной темы, к превращению её в многотемье через расширение числа ассоциаций, возвращению к этапам события, описание которых каждый раз претерпевает изменения в вербальном отношении. Мужчины проявляют лаконичность и стремятся просто уйти от обсуждения предлагаемой женщиной проблемы. Вербальный план «ухода» укладывается в речевые клише («Да ладно, не обращай внимания»).

«Знаешь, чего я больше всего желаю? — спросила меня подруга, пострадавшая от Ветлицкой. — Я желаю, чтобы он сказал мне «моя дорогая, моя любимая». Он говорил так раньше, а сейчас ограничивается «зайкой» и «солнцем». Я знаю, что он меня любит. Но я так хочу, чтобы он это сказал вслух. Это ведь так просто: выключить телевизор, прийти ко мне сюда, на кухню, положить телефонную трубку на рычаг, обнять меня и сказать «моя любимая» (2).

В отрывке из женского эссе выражена внутренняя установка женщины на эмоционально окрашенное общение. Женщина внимательна к форме обращения, к тому, как к ней обращаются. В интеракции «мужчина — женщина», как правило, обнаруживаются разные фатические средства. Проявлен также такой признак эссе, как тотальная диалогичность: автор максимально пытается приблизиться к читателю через моделирование «живого» диалога с подругой.

«Молодость»: распахнутость, незавершенность — и принципиальная незавершенность, и вечная ее спутница — уязвимость и потенциальная обреченность на поражение, на поражение на каждом следующем шаге. И тут же — интерес к пустякам, к яркой мишуре жизни

просто уже за цвет и яркость, к игре с миром, и чувство одновременно и условности и смертельности этой игры, и своей перед миром малости, и его — нам, тем не менее, несомненной адресованности и предназначенности. Может быть, молодость — некая самостоятельная сила в нас, вполне цельная, лишь с известной долей условности разложения на элементы. Она в нас действует, формирует (даже вынуждая к существованию) побуждения, влечения, тревоги, выборы; она возникает, набирает мощь, властвует — и потом так же в свой срок идет на спад. А в это время внутри нее, взаимодействуя с ее труднорасцепимыми элементами, перегруппируя их по-своему, зарождается новая следующая сила — она в свою очередь будет властвовать над нами как внутренняя данность и с нею как с таковой тоже придется считаться. Это она поднимает «валяющиеся на дороге» смыслы и задает им направление движения и характер соединений друг с другом». Это все чувства, однако, первой половины жизни: наработки и освоения проникнутости миром. Чувство начала. А вот приметы второй ее половины: разотождествление со «своим», дистанцирование от «своего» — того, что таковым чувствовалось, пусть даже очень убедительно. Формирование того странного (пока?) чувства, что принятое и пережитое в качестве «своего» (даже — яростно-своего, ревностно-своего) в некотором глубоком своем корне тоже не имеет к нам отношения. Что и оно не обещает нам безусловной принадлежности — и не требует ее от нас. Мир не для нас. Он легко нас отпустит» (3).

Это отрывок из эссе «Работа убывания», автором которого является женщина. Здесь представлен показательный для обобщений гендерного характера набор признаков: повторы, как правило, реализующие приём амплификации (*незавершённость, принципиальная незавершённость; обречённость на поражение, на поражение на каждом следующем шаге*); словообразовательная окказиональность (*труднорасцепимые элементы*); ряды со множеством однородных членов (*формирует убеждения, влечения, тревоги, выборы*); подчеркнута оценочная эпитетика, основанная на словосложении (*яростно-своего, ревностно-своего*); закавыченные выражения, которые можно отнести к женскому языковому сознанию (*«валяющиеся на дороге смыслы»*); обращение к скобочным сопровождениям сказанного как возможности эмоционального «двуголосия» (*Формирование того странного (пока?) чувства*). Слияние с адресатом через инклюзивное местоимение «мы» также можно считать проявлением женского нарратива: автор стремится быть в эмоциональном единстве с читателем.

«Как известно, наука устроена таким образом, что, находясь в постоянном развитии, она столь же постоянно проверяет себя и основания, на которых построена. Именно поэтому усвоенное от предшественников знание подвергается естественной и разнообразной проверке. На этом же работает и развивающаяся историческая практика.

Именно поэтому, несмотря на весь авторитет прежних знаний, у них появляются уточняющие и дополняющие теоретические предложения. Непохоже, что мы настолько простодушны, чтобы безоглядно верить в любые утверждения. Чаще всего мы готовы верить, если имеются хотя бы косвенные утверждающие признаки того, что все правильно. Процесс обучения и освоения научного наследия, собственно, на этом и построен: мы с большой осторожностью относимся к информации, выплывающей из глубин Интернета, но вполне открыты для того, что можно почерпнуть из публикаций известных ученых или официально утвержденных учебников» (4).

Этот фрагмент эссе, написанный автором-мужчиной, еще раз подтверждает наличие отличий женского текста от мужского. Преобладание нейтральных языковых средств в организации рационального мужского нарратива объясняется не только темой рассуждения, но и особенностями мужского мышления и мировоззрения. Жанровые признаки эссе можно усмотреть в переходе от грамматической безличности (*Как известно...*) к *мы*-дискурсу как возможности солидаризоваться с читателем с тем, чтобы подтвердить верность собственных рассуждений.

Признаки «мужской» стилистики находим в эссе М. Леонтьева, ведущего авторской программы «Однако». Тема эссе — политика, интерес к которой проявляют чаще всего мужчины.

«Как заметил известный амерпрофессор Анатолий Уткин, «единственной причиной новой мировой революции может стать отказ белой женщины рожать детей». Носителем либерализма как культуры, образа жизни и системы ценностей является западная белая христианская (в идеальном случае протестантская) цивилизация. В настоящее время все принадлежащие к ней этносы обнаруживают отрицательный естественный прирост, кстати, на фоне колоссального прироста представителей иной, нелиберальной, если не анти либеральной, культурной традиции. Отказ от воспроизводства — это верный, буквально биологический признак вымирания в данном случае не просто этносов, а определенной цивилизации, цивилизационной идеи» (5).

«Мужской» стиль — в способе представления глобальных проблем: безэмоциональное описание проблемы, предложение пути её решения.

Выводы. Особенности жанра эссе, доминантные признаки которого связаны с экспликацией личностной позиции автора, надеющегося быть понятым читателем, позволяют считать этот жанр показательным для выявления гендерной обусловленности в применении языковых средств и риторических приёмов. Наши наблюдения показали, что эссе, авторами которых являются женщины, характеризуются большей эмоциональностью, доверительностью; лексико-стилистические средства подбираются таким образом, чтобы у читателя не оставалось сомнения, что он не просто читает текст, но и «живет» эмоциями автора.

Мужчины при написании эссе более склонны к философским рассуждениям, стройным и однозначным с оценочной точки зрения описаниям событий. Их доводы должны подтвердить или опровергнуть предположения автора на основе его богатого жизненного опыта.

Авторы эссе, как мужчины, так и женщины, стремясь максимально приблизиться к читателю, не могут не учитывать, кто скорее всего будет читателем — мужчина или женщина. Включение этого измерения в анализ позволит выявить глубинные (психологически обусловленные) признаки гендерного характера.

Список использованной литературы

1. Арнольд И. В. Экспрессивные средства английского языка / И. В. Арнольд. — М.: Просвещение, 1982. **2. Солганик Г. Я.** Стиль репортажа / Г. Я. Солганик. — М., 1970. **3. Костомаров В. Г.** Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. — № 1. — М.: ООО «Деловые Медиа», 1994. **4. Белоусова М. В.** Экспрессия в языке [Электронный ресурс] / М. В. Белоусова, Г. А. Шушарина. — Режим доступа к ресурсу: <http://www.scienceforum.ru/2013/121/3841>. **5. Большой энциклопедический словарь.** — [2-е изд., перераб. и доп.] — М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: «Норинт», 2000. **6. Краткая литературная энциклопедия:** [в 9 т.] — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. — 1136 с. **7. Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М.: Эксмо, 2008. — 944 с. **8. Минаева Э. В.** Эссе в прагмалингвистическом осмыслении / Э. В. Минаева, Т. А. Пономарева // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. — Серия «Филологические науки», 2012. — № 24 (259) — С. 36—45.

Список использованных в статье текстов эссе

1. Радулова Н. Грусть про запас: мужчины абстрагируются, женщины переживают / Н. Радулова. Эссе. — «Огонек». — № 4896—4897. **2. Радулова Н.** Узнаю — убью! / Н. Радулова. Эссе. — «Огонек». — № 4903. **3. Балла О.** Работа убывания / О. Балла. — «Знание — Сила», 2013. — № 4. — С. 18—23. **4. Крушанов А.** Наука и вера в контексте познания / А. Крушанов. — «Знание — Сила», 2013. — № 4. — С. 67—70. **5. Леонтьев М.** Однако, до свидания / М. Леонтьев. — М.: «Яуза. Эксмо», 2005. — 320 с.

Матросова І. В. Гендерно обумовлені відмінності у жанрі есе

Метою цієї статті є виявлення у текстах есе тих форм експресії, що можна кваліфікувати як гендерно обумовлені. При цьому значима позиція: відсутність експресії також є гендерно зумовленим показником.

Підсумовано підходи дослідників до жанрової кваліфікації есе, названо основні показники його змістовної структури. Позначено основну ознаку есе — особистий, суб'єктивний характер авторських

міркувань, що не виключає, а швидше передбачає підвищену міру діалогічності з іншими думками, із власною позицією, із гіпотетичним читачем. Аналіз фрагментів чоловічих та жіночих есе підтвердив гендерну обумовленість у застосуванні / незастосуванні емоційно-експресивних засобів мови. У есе, написаних жінками, експресія виявляється на всіх рівнях — лексичному, тропеїчному, граматичному. У чоловічих есе акцент робиться на змісті інформації, а не на супроводжуючих її відчуттях. У той же час для обох типів есе властиві його інваріантні ознаки: діалогічність та рефлексивність. Для лінгвістичної атрибуції гендерно обумовлених ознак важливо визначити, як загальні форми реалізації домінуючих ознак есе, так і обумовлені природою жіночого та чоловічого мислення відмінності.

Ключові слова: есе, автор, читач, експресія, діалогічність, рефлексивність, гендерно обумовлені відмінності.

Матросова И. В. Гендерно обусловленные различия в жанре эссе

Цель статьи — выявить в текстах жанра эссе те формы экспрессии, которые можно квалифицировать как гендерно обусловленные. При этом значима позиция: отсутствие экспрессии также является гендерно обусловленным показателем.

Суммированы подходы исследователей к жанровой квалификации эссе, названы основные показатели его содержательной структуры. Отмечен основной признак эссе — личностный, субъективный характер авторских рассуждений, что не исключает, а скорее предполагает повышенную степень диалогичности с другими мнениями, с собственной позицией, с гипотетическим читателем.

Анализ фрагментов мужских и женских эссе подтвердил гендерную обусловленность в применении / неприменении эмоционально-экспрессивных средств языка. В эссе, написанных женщинами, экспрессия проявляется на всех уровнях — лексическом, тропеическом, грамматическом. В мужских эссе акцент делается на содержании информации, а не на чувствах, которые её сопровождают. В то же время для обоих типов эссе свойственны его инвариантные признаки: диалогичность и рефлексивность. Для лингвистической атрибуции гендерно обусловленных признаков важно определить как общие формы реализации доминантных признаков эссе, так и определяемые природой женского и мужского мышления отличия.

Ключевые слова: эссе, автор, читатель, экспрессия, диалогичность, рефлексивность, гендерно обусловленные различия.

Matrosova I. V. The gender-specific differences in the genre of essay

The purpose of this article is to identify such forms of expression in the texts of essay that can be defined as gender-specific. Besides, it should be noted that the absence of expression is also a gender-important characteristic.

The approaches to the analysis of essay as a genre are summarized; the main indicators of its content structure are given. The main characteristic of essay, which is marked, is a personal, subjective type of the author's reasoning, and that does not eliminate, but rather supposes the raised degree of dialoginess with other opinions, with your own position, with a hypothetical reader.

The analysis of the fragments of essays of male / female-authors confirmed a gender-specific conditionality in use / non-use of emotionally-expressiveness tools of the language. In the essays, written by female-authors, the expression is shown on all levels — lexical, tropeical, and grammatical. In essays of male-authors the emphasis is made not on the feelings, which accompany it, but on the content of the information.

At the same time dialoginess and reflection are invariant signs which are peculiar to both types of essays. For the linguistic attribution of gender-specific signs it is important to define both the general forms of realization of the dominant characteristics of essay, and also the issues, determined by the nature of male / female differences in the way of thinking.

Key words: essay, author, reader, expression, dialoginess, reflection, gender-specific differences.

Стаття надійшла до редакції 28.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК 811. 161.1'276.2:004.738.5

О. А. Фомберг

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМПЬЮТЕРНОГО СЛЕНГИЗМА «СМАЙЛИК»

Английский язык становится универсальным средством общения людей, деятельность которых профессионально связана с компьютерами. При этом естественно, что специалистам приходится использовать оригинальные английские термины, частично или полностью адаптируя их под систему родного языка. В результате этого происходит закономерный процесс — образование специфического компьютерного сленга на основе симбиоза родного и английского языка, используемого как профессиональной группой IT-специалистов, так и обычными пользователями компьютеров. Язык программистов оценивается, с одной стороны, как один из подстилей научного стиля [5], с другой — как

расширяющая пространство употребления часть социальной коммуникации.

Пути и способы развития и пополнения русскоязычного компьютерного сленга разнообразны, но все они сводятся к тому, чтобы приспособить английское слово к действительности, условиям применения русского языка и сделать его пригодным для использования. Известен ряд способов адаптации: семантическая деривация, конверсия, аббревиация, редупликация и заимствования.

Актуальность исследования объясняется высокой динамикой процесса внедрения англицизмов в русскоязычные коммуникации, в частности в компьютерный сленг, и сложностью их семантической адаптации. Проблеме заимствований посвящен ряд работ исследователей: Л.Н. Калининской, И.С. Калиникова, М. Кронгауза, Л.Н. Синельниковой, Ю.С. Воротниковой, Г. Гусейнова, В. Лихолитова, В. Скибиной, Д. Мамлеева, А. Голованова, А. Смородина, Н. Виноградова и др.

Цель нашей статьи — комплексный анализ компьютерного сленгизма «смайлик», семантика которого складывалась поэтапно, причём каждый этап в той или иной степени проявлял закономерности формирования компьютерного дискурса.

Обозначим теоретические положения, необходимые для нашего исследования. В учебном пособии Ю. Найды «Компонентный анализ значения», отрывок из которой переведен и опубликован в сборнике «Новое в зарубежной лингвистике», рассматривается вариант компонентного анализа, основанный на применении процедуры, которую автор называет процедурой вертикально-горизонтального анализа значений [1, с. 61—74]. Многие заимствованные слова семантически полноценно могут быть описаны только в составе выражений больших по объёму, т. е. словосочетаний или предложений. Тот объём семантических признаков, в котором представлено значение в акте речи, получил название «актуальный смысл». Реализация значения в конкретном актуальном смысле определяется условиями коммуникации. Выявление ассоциативного потенциала слов важно и для говорящего, и для слушающего. Ассоциативный фон многих употребительных слов может не совпадать в разных языках и культурах, что нередко ведёт к коммуникативным неудачам.

Одним из важных и наиболее интересных этапов компонентного анализа является рассмотрение коннотативных сем. Коннотация, по мнению Ю.Д. Апресяна, — это «узаконенная в данном языке оценка объекта действительности, именем которой является данное слово» [2, с. 159]. Увлечение англицизмами стало своеобразной модой, оно обусловлено созданными в молодежном обществе стереотипами, идеалами. Включая в свою речь английские заимствования, молодые люди определенным образом приближаются к этому стереотипу, приобщаются к американской культуре, стилю жизни [4]. Максим

Кронгауз так отзывался об изменениях, происходящих в современном русском языке: «За последние 10–15 лет наш лексикон изменился очень сильно. У одних людей эти изменения вызывают резкое неприятие и вообще оцениваются ими как порча языка. Для других же новые слова кажутся интересными игрушками, с помощью которых можно сделать свою речь более эмоциональной, более яркой, наконец, более модной» [3, с. 209].

Рассмотрим компьютерный сленгизм «смайлик», завоевавший завидные лидирующие позиции среди пиктограмм компьютерной сферы. «Смайлик» — это термин компьютерного жаргона, который обозначает символ, указывающий на эмоции. Смайлик (☺/☹) — стилизованное графическое изображение улыбающегося человеческого лица, которое традиционно изображается в виде жёлтого круга с двумя чёрными точками, представляющими глаза, и чёрной дугой, символизирующей рот (Википедия).

Как ни парадоксально, но веселый смайлик родился в трудные времена, когда две страховые компании Америки слились в единый страховой гигант. Руководство супергиганта решило провести акцию, рекламирующую хорошее настроение. Нарисовать символ для акции было поручено художнику Харви Бэллу. После создания своего изобретения он скажет так: «Никогда ещё в истории человечества и искусства не было ни одной работы, которая бы, распространившись столь широко, приносила столько счастья, радости и удовольствия».

Эквивалент слова «смайлик» в английском языке (smiley, smilei) может иметь несколько переводных значений: «улыбающийся, улыбчивый, смеющийся; эмотикон, обозначающий улыбку; улыбочка, ухмылочка, смайлик». Слово smiley образовано от слова smile («улыбка, улыбаться»).

Среди механизмов адаптации иноязычной единицы в фонд русскоязычного компьютерного сленга выделяют: кальку (полное заимствование), адаптацию основ, перевод, фонетическую мимикрию и переосмысление. При адаптации основы (полукальке) после перехода термина из английского языка в русский последний «подгоняет» принимаемое слово под нормы не только своей фонетики, но и спеллинга с грамматикой, то есть слова образуются с ориентацией на словообразовательные модели русского языка. Например: дискетник, мануалка, ромка, сидиромка; сидюк [4]. Уменьшительно-ласкательный суффикс -ик в соответствии со своим значением должен был передать соответствующие его значению положительные эмоции, но в компьютерной лексике в условиях более циничной, безличностной и внешне ориентированной эпохи слово приобрело более широкий спектр эмоций.

Вертикальный анализ значения слова «смайлик» свидетельствует, что гиперонимом для него является значение «текстовое или графическое изображение»; гипонимы этого слова «подмигивающий

смайлик», «грустный смайлик», «злбный смайлик» и т.д. Смайллки созданы для того, чтобы передавать чувства и эмоции участников коммуникативного процесса в условиях ограниченного специфического интернет-общения. Чувства и эмоции могут быть обычными, анимированными, женскими и мужскими, смешными и грустными и др.

Проведём компонентный анализ слова «смайлик». Общекатегориальная сема этого слова — 'предмет'; лексико-грамматическая сема — 'конкретность'; гиперсема (архисема) — 'компьютерный жаргонизм, текстовое или графическое изображение, пиктограмма'; гипосема — 'улыбающееся человеческое лицо в виде жёлтого круга с двумя чёрными точками (представляющими глаза) и чёрной дугой (символизирующей рот)'; коннотативная сема — 'счастливое лицо, позитивное, хорошее настроение, символ хорошо проведённого дня'. Перечень же потенциальных сем данного элемента компьютерной терминологии весьма разнообразен.

Прежде всего «смайлик» — носитель позитивных эмоций. Самым популярным смайликом является улыбающаяся рожица :-), которую используют, чтобы сказать: «Не принимай то, что я только что написал, слишком серьезно». Сегодня «смайлик» превратился в неотъемлемый атрибут переписки по электронной почте. В электронной переписке «смайлик» несёт не только позитивный смысл, но и экспансируется в другие дополнительные экспрессивно-эмоциональные и экспрессивно-оценочные значения, которые связаны не только с положительными эмоциями, такими как улыбка и смех, но и с негативными эмоциями лицемерия, гнева, грусти, злости, печали и т.д. Это слово в различных своих проявлениях стало предметом обсуждения на различных сайтах, а также одним из самых активных средств самого популярного на сегодня вида общения — общения по интернету. В обиходе "смайлики" используются, когда не хватает слов или когда говорящий не затрудняет себя поиском соответствующих настроению эмоций. Когда общение происходит контактно, голос, мимика, жесты участвуют в общении и передают необходимую адресату информацию. Возможности выразить себя в ситуации интернет-общения ограничены. Таким образом, с помощью смайликов при общении в интернете люди выражают свои чувства, настроения, эмоции, которые не всегда бывают позитивными.

Максим Кронгауз заметил одно очень интересное явление в языке интернет-коммуникации: «Новые технологии разрушили один из самых важных и незыблемых коммуникативных постулатов, состоящий в том, что речь бывает устная и письменная. ...Смайлики ведь соответствуют мимике, а отчасти жестам и интонации, то есть компонентам именно устной речи» [3, с. 247—248]. Всё чаще появляются смайллки, передающие, по меньшей мере, «странные» эмоции: агрессивные, скандальные, трусливые и под.

В чатах люди по-разному относятся к использованию разного вида смайликов в интернет-сообщениях. Позитивное отношение: «А мне

наоборот нравится, когда в письменной речи, не изобилующей смайлами (имеется ввиду текстовыми), появляются «улыбка», «смайл» и т.п. Выпендреем это совершенно не считаю. Скорее выражением уважения к читателю». «Смайлик, он сразу же отражает эмоцию, это лучше, чем прочесть слово и потом попытаться ее себе представить». Но примеров отрицательного отношения к использованию смайликов больше: «А что, Вас не раздражают тексты, которые замостили трясущимися подбородками смайлов, точек, запятых, восклицательных знаков, перемешанных с вопросительными? Такое читаешь и непонятно: то ли эмоций фонтан и руки трясутся, то ли просто речь не развита и не в курсе, что многоточие — это всего лишь три точки. Вот если бы такие заменяли все свои смайлы на слова... :)». В следующей реплике один из участников обсуждения пишет о лексическом богатстве и самодостаточности русского языка: «Не вижу принципиальной разницы между :) и «смайликом». Когда меня задрали смайлики, я стал пользоваться нормальным русским языком, в котором достаточно возможностей передать любую эмоцию». «Вы меня неправильно поняли. Я передавал настроение или вызывал улыбку читателя не смайликами или словом «смайлик», а например, юмором, иронией или грустной историей, как это делали в течение тысяч лет писатели».

В качестве показательного примера, можно привести слова припева популярной песни Верки Сердючки «Смайлик»:

Ну пришли хотя бы смайлик
На мой одинокий серебристый телефон.
Этот смайлик улыбнётся мне, а я
Буду точно знать, что я тебе нужна.

В этих словах просматривается определённое отношение автора к смайликам, очень сходное с общепринятым. Слова «хотя бы» в первой строчке ясно говорят о том, что «смайлик» не выражает и не передаёт эмоцию полноценно, являясь по большому счёту более или менее остаточным признаком хорошего, положительного отношения или возможных проявлений чувств. Но, по крайней мере, это может являться знаком того, что симпатия взаимна. И доказательством такой позиции становится следующая строфа песни: «Этот смайлик улыбнётся мне, а я буду точно знать, что я тебе нужна». То есть «смайлик» и его использование в личных посланиях становится определённого рода атрибутом надежды на симпатию в современных интернет-посланиях.

Ещё одна цитата, автором которой является Виктор Пелевин: «Смайлик — это визуальный дезодорант. Его обычно ставят, когда юзеру кажется, что от него плохо пахнет. И он хочет гарантированно пахнуть хорошо». В данном высказывании очевидно ироничное отношение автора к использованию смайликов. Подобно тому, как духи были изобретены для того, чтобы скрыть неприятный запах от плохо пахнущего тела, смайлики, по его мнению, являются формальными атрибутами послания, с помощью которых, возможно, кто-то хочет

скрыть нечистоту своих желаний или неискреннее отношение к определённом объекту (человеку или предмету). В среде профессиональных программистов отношение к смайликам отрицательное, и тот специалист, который часто применяет данный эмоджикон, не очень уважаем в этой среде.

Подведём итог нашим размышлениям. Коннотативные и потенциальные семы слова «смайлик» в русском языке добавляют к нему другие оттенки значений и другую окраску по сравнению с английским smiley. По словам Харви Бэлла, предполагаемого создателя «смайлика», изначальной целью создания данного эмоджикона была оптимизация отношений в обществе пользователей, то есть была цель — реализовать идею поддержки настроения счастья и радости. Но прошло некоторое время, и дистанцированное общение внесло коррективы в исходную семантику понятия «смайлик». Смайлону становится тесно в «позитивных тисках», и этот знак эмоции начинает включать оценочно-экспрессивные значения и других эмоций: гнева, злости, печали и т.д.

Компьютерный язык, как и любой другой профессиональный язык, зависит от своих носителей — людей, работающих с компьютерами, и от области его применения. Одни термины, пройдя проверку временем, узакониваются литературным языком, другие не проходят через нормативный «фильтр» и остаются вне литературного языка в виде «твёрдого» сленгизма, третьи постепенно выходят из употребления. «В лингвистике есть закон: слова в языке появляются только для важных вещей и понятий. Нет слова — значит, нет необходимости в нём» [3, с. 144]. Одно несомненно: компьютерный язык на сегодняшний день — это широко распространённый профессиональный язык, который является одним из наиболее плодотворных источников развития словарного состава русского языка.

Список использованной литературы

- 1. Найда Ю.** Компонентный анализ значения / Ю. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XIV. — 1983. — С. 61—74.
- 2. Апресян Ю. Д.** Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — Т. II. Интегральное описание и системная лексикография. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 766 с.
- 3. Кронгауз М.** Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 209 с.
- 4. Воротникова Ю. С.** Особенности развития русскоязычного сленга в контексте заимствования англоязычных компьютерных терминов. ТГСПА им. Д. И. Менделеева [Электронный ресурс] / Ю. С. Воротникова. — Режим доступа к ресурсу: <http://research-journal.org...razvitiya-russkoyazychnogo>.
- 5. Калинин Л. Н.** История и эволюция профессиональной лексики русских программистов

[Электронный ресурс] / Л. Н. Калиникова, И. С. Калинин. — Режим доступа к ресурсу: <http://lib.znate.ru/docs/index-216090.html>.

6. Кронгауз М. Кого хочешь «лайкай», а люби меня [Электронный ресурс] / Максим Кронгауз. — Режим доступа к ресурсу: <http://russkiymir.ru/Rus...2012/11/article0010.html>.

Фомберг О. О. Семантико-прагматичний аналіз комп'ютерного сленгізму «смайлик»

Семантико-прагматичний аналіз комп'ютерного сленгізму «смайлик» підтверджує факт трансформації лексичних значень стилістично нейтральних у англійській мові слів при переході до російськомовного сленгу програмістів і до мови звичайного користувача персонального комп'ютера. Автор аналізує етапи процесу поширення складу конотативних та потенційних сем у лексико-семантичному полі аналізуемого запозичення, поєднуючи діючи на цей процес іманентні (внутрішньосистемні) мовні ознаки та екстралінгвістичні стимули.

Результатом такого роду змін є поява нових актуальних смислів у запозиченнях, що у цілому сприяє наповненню комп'ютерного дискурсу новими ознаками.

Автор пропонує шляхи і методи вивчення феномену трансформації лексичних значень запозичень комп'ютерного дискурсу в умовах, з одного боку, експансії англійської мови, з другого — очевидного впливу дискурсивної (комунікативної) норми рідної мови.

Ключові слова: комп'ютерний дискурс, комп'ютерний сленгізм, конотативна сема, потенційна сема, компонентний аналіз, емотікон, смайлик.

Фомберг О. А. Семантико-прагматический анализ компьютерного сленгизма «смайлик»

Семантико-прагматический анализ компьютерного сленгизма «смайлик» подтверждает факт трансформации лексических значений стилистически нейтральных в английском языке слов при переходе в русскоязычный сленг программистов и в язык рядового пользователя персонального компьютера. Автор анализирует этапы процесса расширения состава коннотативных и потенциальных сем в лексико-семантическом поле анализируемого заимствования, объединяя воздействующие на этот процесс имманентные (внутрисистемные) языковые признаки и экстралингвистические стимулы.

Результатом такого рода изменений является появление новых актуальных смыслов в заимствованиях, что способствует наполнению новыми признаками компьютерного дискурса в целом.

Автор предлагает пути и методы изучения феномена трансформации лексических значений заимствований компьютерного дискурса в условиях, с одной стороны, экспансии английского языка, с

другой — очевидного впливання дискурсивної (комунікативної) норми рідного мови.

Ключевые слова: комп'ютерний дискурс, комп'ютерний сленгізм, коннотативна сема, потенціальна сема, компонентний аналіз, емотикон, смайлик.

Fomberg O.A. The semantic-pragmatic analysis of the computer slangism «smilek»

There are different ways and kinds of development and replenishment of Russian computer slang. But all of them come to the adjustment of an English word to the reality and conditions of Russian language and they also come to the suitability of its usage.

The semantic-pragmatic analysis of the computer slangism «smilek» confirms the fact of the lexical meanings transformation of stylistically neutral English words in case of their transition to Russian computer slang or to the language of an ordinary computer user. The author analyzes the stages of the process of connotative and potential semes expansion in the lexical-semantic field of the analyzed borrowing. He combines immanent (internal) language features, which influence the process, with extra linguistic stimuli.

The result of such type changes is an appearance of new actual meanings in borrowings that they, in whole, fulfill computer discourse with new features.

The author proposes ways and methods of studying of lexical meanings transformation phenomenon of computer slang borrowings in the condition of English language expansion, on the one hand, and an obvious influence of discourse (communicative) norms of the native language, on the other hand.

Key words: computer discourse, computer slang word, connotative seme, potential seme, component analysis, emoticon, smiley.

Стаття надійшла до редакції 29.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

НАШИ ГОСТИ

УДК [(398.91:631):811.161.1'276.6](470+571)

Т. Б. Трошева

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ АГРАРНОЙ ТЕМАТИКИ И ИХ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

По словам В. И. Даля, пословица — «краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора...; это ходячий ум народа...» [1]. Большую часть жизни народ проводил за работой, поэтому существует много изречений о труде. Объектом нашего рассмотрения является пословичный фонд русского языка в том его сегменте, который посвящен теме сельскохозяйственного труда. Выбор данного семантического поля связан с работой автора в сельскохозяйственном вузе — Кубанском аграрном университете.

Использование пословичного материала на занятиях помогает студентам — будущим аграриям — лучше узнать историю и специфику сельскохозяйственной деятельности русского народа, а также позволяет обогатить речь. Впоследствии, работая по специальности, выпускники вуза будут иметь возможность уместно применять пословицы в профессиональной коммуникации. Многие станут руководителями в сфере АПК и смогут использовать народные изречения в публичной речи; например, включить их в выступление перед аудиторией в качестве оригинального отправного момента, или употребить для подтверждения какого-либо тезиса, или с их помощью обеспечить яркий финал, обобщить сказанное. Паремии углубляют содержание речи, усиливают ее выразительность и облегчают установление контакта со слушателями.

Студенты КубГАУ выполняют различные творческие работы: пишут эссе по пословицам аграрной тематики, готовят публичные выступления с использованием паремий (например, речь перед абитуриентами аграрного вуза), проводят исследования, воплощаемые в статьях и докладах. Совместными усилиями составлена картотека пословиц указанной тематики общим количеством около 400 единиц, отобранных методом сплошного анализа из многочисленных паремиологических сборников, начиная с собрания В. И. Даля [2].

Исследуемые единицы представлены несколькими тематическими группами.

1. Земля-кормилица.

Пословицы первой группы объективируют информацию, связанную с одним из значений слова «земля» — «верхний слой земной

коры, почва». Однако в рожденных народом высказываниях звучит трепетное отношение к земле как к величайшей ценности человечества. Земля подобна матери, кормящей своих детей. Примеры пословиц: *Земля не уродит — никто не наградит; Мать кормит детей, как земля людей; Земелька черная, а хлебец белый родит.*

В паремиях подчеркивается единство земли и человека-земледельца, зависимость ее состояния и возможностей от характера его деятельности: *Земля трудом кормится; Была бы земле нега — она даст хлеба; Земля — тарелка: что положишь, то и возьмешь; Не земля плоха, а сеятель плох; Где хозяин ходит, там земля родит.*

При этом земля персонифицируется; она такая же живая, как и заботящийся о ней человек. Земля может любить, жалеть, ценить доброе отношение, радоваться, печалиться: *Кто землю лелеет, того и земля жалеет; Земля заботу любит; Пахарю земля — мать, лодырю — мачеха; Без хозяина земля — сирота.*

2. Хлеб как основа жизни.

Пословицы говорят о хлебе как о самом важном продукте, без которого жизнь не может быть полноценной: *Хлеб всему голова; Без печки холодно, без хлеба голодно; Хлеба ни куска — и в горнице тоска; Без хлеба и без каши ни во что и труды наши; Жива душа калачика чаёт; Если хлеба край, то и под елью рай; Не шуба греет, а хлеб; Будет хлеб — будет и песня; Хлеб везде хорош — и у нас, и за морем.*

Народная традиция не позволяет представить без хлеба обеденный стол: *Хлеб на стол — и стол престол, а нет куска — и стол доска; Плох обед, коли хлеба нет; Слово к ответу, а хлеб к обеду.*

Многие пословицы, называя необходимые источники существования человека, соединяют в этом качестве хлеб и воду: *Хлеб вскормит, вода вспоит; Хлеб — батюшка, вода — матушка; Покуда есть хлеб да вода, все не беда; Хлеб да вода — здоровая еда.* Последняя пословица имеет различное словесное выражение: существует несколько вариантов определения к слову «еда», вносящих в высказывание дополнительные семантические оттенки: *Хлеб да вода — богатырская еда; Хлеб да вода — молодецкая еда; Хлеб да вода — крестьянская еда.* И т.п.

В ряде изречений находят отголосок следующие русские обычаи: традиционно-народное угощение в виде хлеба-соли; выражение благодарности за гостеприимство «Спасибо за хлеб-соль!»; пожелание приятного аппетита «Хлеб-соль!» тому, кого застали за едой. Старинный обычай приветствовать гостей, выходя к ним с хлебом-солью, — символ радостной, желанной встречи. В связи со всем этим понятно, почему в русских пословицах объединяются хлеб и соль: *Хлеб-соль водить — с друзьями быть; Сколько ни думать, а лучше хлеба и соли ничего не придумать; Без соли и хлеба худая беседа; Хлеб с солью не бранится.*

В паремиях упоминаются зерновые хлебные культуры, прежде всего пшеница и рожь, которые противопоставляются друг другу. В

основе данного противопоставления лежит знание того, что пшеница более требовательная и менее холодостойкая культура, а рожь соответственно более проста в выращивании и произошла она от сорняка (дикой ржи), засорявшей посева озимой пшеницы. Тем самым рожь «демократичнее» и доступнее пшеницы: *Рожь кормит сплошь, а пшеница — по выбору; Ржаной хлебушко — калачу дедушка*. Так, если главным хлебом мира считается пшеница, то русская ментальность отдает первенство «черному» хлебу, что отражается в следующем варианте пословицы «Хлеб всему голова»: *Ржаной хлеб всему голова*.

3. Труд ради урожая.

Русские пословицы, их качественный и количественный состав дают четкое представление о ситуации, сложившейся исторически в сельском хозяйстве: основная отрасль сельскохозяйственного производства — растениеводство, главная цель земледельцев — добиться высокого урожая культурных растений, а это требует большого физического труда. Труд ради урожая — доминантная тема пословиц о сельском хозяйстве: *Без труда хлеб не родится никогда; В страду одна забота — не стояла бы работа; Воля и труд дивные всходы дают*.

В паремиях акцентируется внимание на том, что работа на земле — это длительный, упорный, тяжелый труд: *Не от вина болит спина, а от полевой работушки; Землю пахать — не в дуду играть; Не пиры пировать, коли хлеб засевай; Пот ключом льет, а жнец свое берет; Наездом хлеба не напашешь; Пахать да боронить — часочка не обронить; Сей хлеб — не спи; будешь жать — не станешь дремать*.

Поскольку получение урожая является жизненно важной задачей, пословицы призывают, наставляют, побуждают к необходимым действиям, что выражается в использовании форм глаголов повелительного наклонения: *Лучше голодай, да добрыми семенами землю засевай; Хочешь есть калачи — не лежи на печи; Отложи шаши да возмись за паши; Работай до поту — поешь хлеба в охоту*.

В паремиях эксплицируется связь между затраченным трудом и достигнутым результатом: *Пот на спине — так и хлеб на столе; Кто трудиться рад, тот будет хлебом богат; Глубже пахать — больше хлеба жевать; Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится; Кто сеет да веет, тот не обеднеет; Глубже вспашешь — веселее спляшешь*.

Недобросовестный труд земледельца приводит к серьезным проблемам: *Поленишься — и хлеба лишиться; Кто поздно встает, у того хлеба недостает; Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба; Не потрудиться, так и хлебу не уродиться; В пашне огрехи, а на кафтане прорехи; Посеешь в лукошко, так и пожнешь немножко; Сама себя раба бьет, коли нечисто жнет; С плохими косцами плох и укос*.

4. Сельскохозяйственные орудия, их значение для земледелия.

Пословичный тезаурус отражает историю создания орудий сельского труда — вначале ручных (коса, серп, лопата), затем более

совершенных, когда в земледелии стали использоваться домашние животные (соха, борона, плуг), и наконец, сельскохозяйственных машин. В России на смену упряжным животным в XIX в. пришел трактор — «стальной конь». Таким образом, эволюция сельскохозяйственного инвентаря постепенно освобождала работников от больших затрат мускульной силы. Облегчался труд, и повышалась его производительность.

Пословицы отмечают особенности различных орудий, специфику их использования, роль в достижении результатов труда: *С косой в руках погоды не ждать; Тот землю уходит, кто за серпом соху водит; Держись крепче сохи да бороны; Трактором пахать — не лопатой копать; И трактор имеет характер; Трактор есть — хлеба не перевезть.*

5. Сезонность и своевременность сельскохозяйственных работ, прогнозы и приметы.

Многочисленные пословицы вербализуют мысль о необходимости выполнения полевых работ в лучшие для этого сроки. Наиболее очевиден тот факт, что труд на земле и ритм жизни селян связаны с временами года: *Весной часом опоздаешь — в год не наверстаешь; Весенний день год кормит; Летний день что зимняя неделя; Лето пролежишь — зимой с сумой побежишь; Осень прикажет, а весна свое скажет.*

Упомянутые в паремиях сезоны могут сужаться до пределов месяца, однако характерно, что пословицы говорят в основном о весенних месяцах, когда закладываются основы будущего урожая: *Сухой март, а май мокрый делают хлеб добрый; В апреле земля прееет; Апрель с водою, май с травой; Как в мае дождь, так будет и рожь; Май холодный — год хлеборобный; Парь пар в мае — будешь с урожаем.*

Часто в пословицах не называется конкретное время полевых работ, но используются абстрактные понятия («в пору», «до поры до времени», «раньше», «в погоду» и т.п.), наполняемые конкретным смыслом в реальных, привычных для земледельцев ситуациях: *До поры до времени не сеют семени; Днем раньше посеешь — неделей раньше пожнешь; Кто рано сеет, семян не теряет; Сей в пору — соберешь хлеба с гору; Сей хоть в песок, да в свой часок; Посеешь в погоду — больше приплоду.*

Прогнозы и приметы, основанные на длительном опыте селян, связаны с самыми разными природными явлениями: *На дубу лист в пятак — быть яровому так; Земляника красна — не сей овса напрасно; Лягушка с голосом — сей овес; Гречиху сей, когда роса хороша; Сей до овода — будешь с хлебом, после овода — без хлеба.*

Многие приметы верны, в них зафиксированы долголетние наблюдения, которые оказывали земледельцам дополнительную помощь в решении сложной задачи учета всей изменчивой совокупности факторов, влияющих на урожай.

6. Удобрения, их польза для урожая.

Знание о том, что важным условием повышения плодородия почвы является внесение удобрений, также облекается в пословичную форму, образуя еще одну группу паремий сельскохозяйственной тематики. Народная мысль такова: *Поле удобришь — урожай утворишь.*

Из всех видов удобрений в пословицах упоминается один традиционный вид — навоз. Не вызывает сомнений его польза для получения высокого урожая: *Навоз отвезем, так и хлеб привезем; Вози навоз, не ленись, так хоть богу не молись; В поле — навоз, в амбар — хлеба воз; Добудь дедовского навозу — снопы валиться будут с возу; Клади навоз густо — не будет в амбаре пусто; Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка; На навозе и оглобля родит.*

7. Урожай как результат земледельческих работ.

Пословицы, в которых говорится о выращивании сельскохозяйственных растений, отражают понимание того факта, что данный процесс сложен, результат его зависит от многих условий и успех изначально не гарантирован. Поэтому формулируется мысль о том, что судить об урожае можно только по окончании всех работ: *Не тот урожай, что в поле, а тот, что в амбаре; Не верь гречихе на цвету, а верь закрому; Не хвались, в поле едучи, а хвались, с поля везучи.*

Отмечается, что для хорошего урожая как конечной цели земледельческих работ чрезвычайно важной является начальная стадия процесса, а именно посев качественными семенами: *От доброго семени — добрые всходы; От худого семени не жди доброго племени; По семенам и всходы; Посеешь крупным зерном — будешь с хлебом и вином.*

В пословицах находит отражение то обстоятельство, что в практике земледельцев случается и плохой урожай, недород: *Колос от колоса — не слышать и голоса; Колосьев — что на плешивой голове волосьев; Хоть коси, хоть броси (брось); Копна от копны как от Ростова до Москвы; Капустка не рóдится, и огород не городится.*

Сельскохозяйственный труд всегда был сопряжен с риском неурожая. Это касается не только России, но и любой страны мира. Вспомним афоризм, автором которого является Уильям Питт Амхерст: «В плохие старые времена было три легких способа разориться: самым быстрым из них были скачки, самым приятным — женщины, а самым надежным — сельское хозяйство».

8. Домашние животные и уход за ними.

Многие пословицы посвящены домашним животным. Из млекопитающих это лошадь, корова, бык, вол, свинья, коза, овца, осел, кошка, собака. Основные домашние птицы, упоминаемые в пословицах, — курица, гусь, утка. Примеры пословиц с зоонимами: *Когда нет лошади, и осел — скотина; С одной коровы семь шкур не дерут; Сколько с быком ни биться, а молока от него не добиться; Вола гуцей откормишь, коня гуцей раздуешь; Не забыть свинье полена: помнит, где поела; Коза бела, коза сера, а все дух один; Овца не помнит отца, а*

сено ей с ума нейдет; Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе; Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сержках, корова в рогоже, да всех дороже.

Полезьа от домашних животных несомненна: *Веди за скотиной уход — будешь иметь доход; Корова на дворе — харч на столе; Курочка да коровушка — ранний обед.*

В связи с этим люди заботятся о животных, обеспечивают им условия содержания: *Добрый пастух о стаде печется; Заведи сначала хлевину, а потом уже скотину; Скотину водить — не разиня рот ходить.*

Наиболее распространенный в русских пословицах зооним — «конь». Конь еще в языческие времена у славян был одним из самых почитаемых животных. Белые и рыжие кони считались посланниками тепла и солнечного света, всякого блага. Славяне верили, что по небесному своду несет солнечный диск колесница, влекомая тремя конями. В пословицах нашли отражение сила, выносливость, а также неумеренный аппетит лошадей: *Сыт конь — богатырь, голодный — сирота; Сыль коню мешком, так не будешь ходить пешком; Лошадь что жернов: все мало корму.*

Русские пословицы о сельском хозяйстве фиксируют жизненный опыт многих поколений, являются словесным, художественным воплощением накопленных знаний в важнейшей сфере трудовой деятельности русского народа и обогащают речь, находя главное применение в коммуникативной практике аграриев.

Список использованной литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 3 [Электронный ресурс] / В. И. Даль. — Режим доступа к ресурсу : <http://slovardalja.net/>. 2. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. — М. : Эксмо : ННН, 2003. — 616 с.

Трошева Т. Б. Російські прислів'я аграрної тематики та їх роль у професійній комунікації

Об'єктом розгляду є російські прислів'я про сільськогосподарську працю. Вибір матеріалу пов'язаний з роботою автора у сільськогосподарському вузі — Кубанському аграрному університеті.

Для дослідження використана картотека прислів'їв зазначеної тематики обсягом близько 400 одиниць, відібраних з численних пареміологічних збірок, починаючи з зібрань В. І. Даля.

Аналізовані в семантичному аспекті прислів'я представлені декількома тематичними групами: Земля-годувальниця; Хліб як основа життя; Праця заради врожаю; Сільськогосподарські знаряддя, їх значення для землеробства; Сезонність і своєчасність сільськогосподарських робіт, прогнози та прикмети; Добрива, їх користь

для врожаю; Урожай як результат землеробських робіт; Домашні тварини та догляд за ними.

Прислів'я про сільське господарство фіксують життєвий досвід багатьох поколінь, є художнім втіленням накопичених знань у найважливішій сфері трудової діяльності російського народу.

Вивчення прислів'їв допомагає студентам — майбутнім аграріям — краще дізнатися про історію і специфіку праці хліборобів і надалі дозволить до місця вживати те чи інше прислів'я у професійній комунікації. Паремії поглиблюють зміст промови, підсилюють її виразність, полегшують встановлення контакту між комунікантами.

Ключові слова: паремії, прислівниковий фонд російської мови, сільськогосподарська тематика, тематичні групи прислів'їв, домінуюча тема, об'єктивована інформація, професійна комунікація.

Трошева Т. Б. Русские пословицы аграрной тематики и их роль в профессиональной коммуникации

Объектом рассмотрения являются русские пословицы о сельскохозяйственном труде. Выбор материала связан с работой автора в сельскохозяйственном вузе — Кубанском аграрном университете.

Для исследования использована картотека пословиц указанной тематики объемом около 400 единиц, отобранных из многочисленных паремиологических сборников начиная с собрания В. И. Даля.

Анализируемые в семантическом аспекте пословицы представлены несколькими тематическими группами: Земля-кормилица; Хлеб как основа жизни; Труд ради урожая; Сельскохозяйственные орудия, их значение для земледелия; Сезонность и своевременность сельскохозяйственных работ, прогнозы и приметы; Удобрения, их польза для урожая; Урожай как результат земледельческих работ; Домашние животные и уход за ними.

Пословицы о сельском хозяйстве фиксируют жизненный опыт многих поколений, являются художественным воплощением накопленных знаний в важнейшей сфере трудовой деятельности русского народа.

Изучение пословиц помогает студентам — будущим аграриям — лучше узнать историю и специфику труда земледельцев и в дальнейшем позволит к месту употребить ту или иную пословицу в профессиональной коммуникации. Паремии углубляют содержание речи, усиливают ее выразительность, облегчают установление контакта между комунікантами.

Ключевые слова: паремии, пословичный фонд русского языка, сельскохозяйственная тематика, тематические группы пословиц, доминирующая тема, объективированная информация, профессиональная коммуникация.

Trosheva T.B. Russian proverbs of agrarian subject matter and their role in professional communication

The object of study are Russian proverbs about agricultural work. The choice of the material is connected with the author's work in an agricultural institute of higher education — Kuban Agrarian University.

For the research, the author used a card file of 400 proverbs related to the mentioned subject matter, which have been chosen from a number of paremiological collections starting with the collection by V.I. Dal.

The proverbs analysed in their semantic aspect are represented by several subject groups: mother Earth; bread as the basis of life; seasonality and timeliness of agricultural works, forecasts and signs; fertilisers, their use for the harvest; harvest as the result of agricultural work; domestic animals and caring for them.

The proverbs about agriculture fix the life experience of many generations and are the artistic embodiment of the accumulated knowledge about the most important labour sphere of the Russian people.

Studying the proverbs helps students — future agrarians — to better learn the history and specificity of the farmers' labour and will allow to use this or that proverb in professional communication in the future. Proverbs deepen the knowledge of speech, strengthen its expressiveness, facilitate making contact between communicators.

Key words: proverbs, proverbial stock of Russian language, agricultural subject matter, subject groups of proverbs, dominant theme, objectified information, professional communication.

Стаття надійшла до редакції 29.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК 81'27'42:327(477:100)

І. С. Бик, Г. Б. Кучик

**НАУКОВІ ПІДХОДИ ДО ВИЗНАЧЕННЯ ПОНЯТТЯ
ПОЛІТИЧНИЙ ДИСКУРС**

За останні роки політичний дискурс став об'єктом активних лінгвістичних досліджень. Дослідження політичного дискурсу лежить на перетині різних дисциплін і пов'язане з аналізом форми, завдань і змісту дискурсу. Одна з цих дисциплін — політологічна філологія — досліджує співвідношення властивостей дискурсу з такими концептами, як «влада»,

«дія» і «авторитет». На відміну від політологів, філологи розглядають ці чинники тільки у зв'язку з мовними особливостями поведінки мовця та інтерпретації його мови. На особливу увагу заслуговує політичний дискурс, адже «мова є невід'ємною від політики і тільки у цьому контексті може стати адекватно зрозумілою» [1, с. 60]. Водночас слід звернути увагу й на динамічні зміни у тлумаченні феномена політики, яка охоплює все нові сфери життя суспільства, виходячи поза межі тієї чи іншої суспільної групи, держави тощо.

Проблема визначення поняття політичного дискурсу знайшла своє відображення у працях як вітчизняних, так і зарубіжних дослідників. Серед них вартими уваги є праці О.І. Шейгал, К.Я. Кусько, Т. ван Дейка, Г. Кука. Попри широкий масив наукових розробок у сфері дискурсології, відкритим залишається питання визначення поняття *політичний дискурс* як феномена, що постійно набуває нових особливих ознак. Цим зумовлюється мета цього дослідження — аналіз сучасних підходів у вітчизняній та зарубіжній лінгвістиці до тлумачення політичного дискурсу.

Загальноприйнятого визначення політичного дискурсу на сьогоднішній день не існує, проте ми можемо його розглядати як вербальну комунікацію в певному соціально-психологічному контексті, в якій відправник і одержувач наділяються певними соціальними ролями згідно їх участі в політичному житті, яке і є предметом комунікації. Для політичного дискурсу як виду інституційного спілкування характерна система конститутивних ознак з притаманними йому низкою функцій.

У лінгвістичній літературі політичний дискурс представлений як багатоаспектне і багатокомпонентне явище, як комплекс елементів, що створюють єдине ціле. Водночас, як і дискурс загалом, так і дискурс політичний може розглядатися під різним кутом зору з врахуванням різних обставин.

Доцільно наголосити, що вивчення політичного дискурсу було ініційоване щонайменше трьома чинниками. По-перше, внутрішніми потребами лінгвістичної науки, яка у різні періоди своєї історії зверталася до реальних сфер функціонування мови. По-друге, власне політологічними проблемами вивчення політичного мислення, його зв'язку з політичною поведінкою, необхідністю побудови передбачуваних моделей у політології та розробки методів аналізу політичних текстів. Третім важливим чинником виступає соціальне замовлення, ініціатором якого є певна частина суспільства, що прагне зрозуміти суть політичної комунікації [2, с. 245—246].

Одним з найпомітніших ґрунтовних досліджень, присвячених політичному дискурсу останніх років, може бути робота О.І. Шейгал «Семіотика політичного дискурсу», з погляду якої політичний дискурс, як і інші види дискурсу, має два виміри: реальний та віртуальний. При цьому під реальним виміром розуміється поточна мовна діяльність людини чи суспільної групи в певному соціальному просторі й часі, а

також мовні твори (тексти), які виникають в результаті такої діяльності і розглядаються у взаємодії лінгвістичних, паралінгвістичних і екстралінгвістичних чинників [3]. Віртуальний вимір політичного дискурсу, на думку О.І. Шейгал, — це семіотичний простір, що включає вербальні і невербальні знаки, сукупним денотатом яких є світ політики, тезаурус висловлювань, набір мовних моделей і жанрів, специфічних для спілкування в даній сфері. Водночас слід зауважити, що дане тлумачення є досить вузьким.

Доречним, на нашу думку, є зауваження російського дослідника Ю.О. Сорокіна, який визначає політичний дискурс через його співвідношення з ідеологічним дискурсом. Він пише: «Політичний дискурс є різновид — видовий — ідеологічного дискурсу. Відмінність полягає в тому, що політичний дискурс експліцитно прагматичний, а ідеологічний — імпліцитно прагматичний. Перший вид дискурсу — субдискурс, другий вид дискурсу — метадискурс» [4, с. 97].

Отже, можна стверджувати, що у лінгвістичній літературі термін «політичний дискурс» використовується у двох значеннях: вузькому і широкому. В широкому значенні він включає такі форми комунікації, в яких до сфери політики відноситься хоча б одна з складових: суб'єкт, адресат або зміст повідомлення. У вузькому значенні політичний дискурс — це різновид дискурсу, метою якого є завоювання, збереження і реалізація політичної влади. Ми, приймаючи широке розуміння дискурсу, включаємо також в нього процес і результат створення і сприйняття текстів плюс екстралінгвістичні чинники, що впливають на їх створення і сприйняття.

До цього слід додати, що розширення політичної діяльності держави на міжнародній арені засобами мовної (усної чи писемної) комунікації розширює рамки тлумачення дискурсу як лише утримання та збереження влади. Виходячи з того, що міжнародно-правові документи, загалом, та установчі документи міжнародних організацій, зокрема, є не стільки результатом нормотворення, скільки результатом політичної комунікації, вони можуть розглядатися через застосування власне політичного дискурсу, поєднуваного з дискурсом юридичним, дипломатичним, ідеологічним тощо. Тобто, в даному випадку можна висловити припущення про розширення сфери застосування політичного дискурсу у міжнародно-політичному процесі. Це зазвичай пояснюється активізацією глобалізаційних процесів у світі, які супроводжуються процесом політизації суспільства, економіки, міждержавних відносин тощо.

Слід звернути увагу на досить контroversійне тлумачення категорії дискурсу Т. ван Дейком, що видається доволі розмитотою, яку можна розглядати на макро- та мікрорівні лінгвістичного дослідження [5, с. 46]. Аналіз підходів Т. ван Дейка дає підстави загалом стверджувати, що він намагається поєднати різні розуміння дискурсу за трьома основними критеріями: засіб макроструктури, комунікативна подія і зв'язна

послідовність речень. На його думку, дискурс — це «істотна складова соціокультурної взаємодії, характерні риси якої — інтереси, цілі і стилі на рівні макроструктур». Т. ван Дейк визначив макроструктуру як «семантичний зміст категорій, що входять в суперструктурні схеми». Макроструктури є структурами самого дискурсу, часто єдиними у своєму роді, і лише поняття виводяться за допомогою знань про світ [5, с. 53].

Призначення політичного дискурсу — не просто описати, а переконати і спонукати до дії. Тому ефективність політичного дискурсу слід визначати щодо цієї мети. При цьому інструментом політичного дискурсу є мова. Вона, за словами А.М. Баранова і Є.Г. Казакевич, особлива знакова система, призначена саме для політичної комунікації: для вироблення суспільного консенсусу, ухвалення і обґрунтування політичних і соціально-політичних рішень в умовах множинних суспільних інтересів дійсно плюралістичного суспільства» [6, с. 6]. До цього визначення по суті можна додати, що політичний дискурс є також і діяльність на міжнародній арені загалом та в межах міжнародних організацій зокрема.

На сьогоднішній день поширеним є тлумачення політичного дискурсу, що ґрунтуються на теоретичних засадах центрального поняття «дискурс», зокрема:

— Політичний дискурс — це комплекс мовленнєвих структур у певному лінгвістичному контексті — контексті політичної діяльності, політичних поглядів і переконань тощо [7, с. 20].

— Політичний дискурс — це сукупність дискурсивних практик, що ідентифікують учасників політичної комунікації або формують її конкретну тематику [8, с. 246].

— Політичний дискурс — сукупність усіх мовленнєвих актів у політичних дискусіях, а також правил публічної політики, які сформувалися відповідно до існуючих традицій і перевірені практикою [9, с. 6].

Ми дотримуємось визначення, сформульованого науковцями львівської лінгвістичної школи, які під політичним дискурсом розуміють зв'язний (усний чи письмовий) текст, виражений за допомогою вербальних та невербальних засобів вираження, зумовлених ситуацією політичного спілкування у сукупності з прагматичними, соціокультурними, психологічними та іншими факторами [10].

Отже, як бачимо, різні визначення беруть до уваги політичну комунікативну ситуацію. Тобто у нашому випадку, політичний дискурс можна трактувати як мовленнєву діяльність, спрямовану на досягнення порозуміння та консенсусу між політичними інститутами (державами) щодо визначених спільних засад політичної діяльності (в тому числі й на міжнародному рівні). Більше того, тлумачення політичного дискурсу та його застосування слід розширити на сферу міжнародних відносин за участю держав як виразу політичної волі того чи іншого суспільства. У цьому контексті варто ставити питання про доцільність введення в

науковий обіг поряд з термінами «дискурс політиків» чи «політичний дискурс» термінів на кшталт «міжнародно-політичний», «державно-політичний дискурс» тощо. Це врешті обумовлюється необхідністю вивчення дискурсних особливостей творення текстів установчих документів міжнародних організацій, регламентаційна діяльність яких виходить за рамки вузького, на наш погляд, поняття «дискурс політиків».

Політичний дискурс актуалізується у таких жанрах, як промова політика, інавгураційне звернення президента, політичний документ (указ президента, закон, комюніке), звіти уряду у парламенті, затвердження або обговорення бюджету. До цього слід додати також міжнародні документи політичного характеру (комюніке, угоди, статuti, хартії, декларації тощо), які є наслідком політичної комунікації між політиками на міждержавному рівні. Таким чином, політичний дискурс по суті є вираженням усього комплексу відносин між людиною і суспільством, суспільством і державою та між державами.

Зазначимо, що кожен, хто говорить про політику, бере участь у політичному протистоянні в царині мови і своїм розумінням політичних термінів впливає на процес її змістовної стабілізації або зміни. А отже те, як саме використовуються засоби мови (у тому числі й тексту — *Г. К.*), значною мірою визначається плюралістичним характером громадської свідомості [11, с. 305]. Для політика-професіонала важливим є знання політичного лексикону, активне вмiле володіння ним, що є достатнім для компетентної успішної діяльності у цій сфері [12, с. 62—63].

До прикладу, англійський лінгвіст Г. Кук в монографії, присвяченій рекламному дискурсу, розглядає дискурс як єдність і взаємодію тексту і контексту. При цьому під текстом розуміються «мовні форми, тимчасово і штучно ізольовані від контексту» [13].

Враховуючи вищесказане та спираючись на твердження про те, що комунікацію робить «політичною» не джерело повідомлення, а його зміст і мета [14, с. 49], зазначимо, що в кінцевому результаті відмінність політичної мови від буденної полягає не у використанні якихось особливих формальних засобів, а в такому співвідношенні між словом і значенням, при якому звичні одиниці мови набувають незвичної інтерпретації, тобто такої, що відображає політичну діяльність чи процес. Така специфіка політичного дискурсу пояснює і специфіку політичного тексту, з якого може бути вчитаний деякий «неекспліцитний» смисл, що не зводиться до буквального, а іноді навіть є прямо протилежним до нього. З огляду на це, особливо плідними вбачаються подальші дослідження у даній сфері, зокрема, через аналіз мовних особистостей політичного дискурсу на прикладі різних мов. До цього слід додати, що у нашому випадку політичний дискурс набуває ширшого розуміння, оскільки його сфера розширюється за рахунок виходу політичного процесу творення документів шляхом політичної комунікації на міждержавному рівні. Очевидно у цьому випадку поняття політичного

дискурсу в поєднанні з політичною культурою набуває певних особливостей або навіть полі- чи мультикультурного забарвлення.

Отже, інтерпретуючи політичний дискурс у його цілісності, не можна обмежуватися суто мовними моментами, інакше суть і мета дискурсу пройдуть непоміченими. Розуміння політичного дискурсу передбачає знання фону, очікувань автора й аудиторії, прихованих мотивів, сюжетних схем і улюблених логічних переходів, що існують у конкретну епоху.

Список використаної літератури

- 1. Черская И. Н.** Установка и убеждение как доминирующий признак политического дискурса / И. Н. Черская // *Вестник Харьковского университета*. — Серия «Филология». — Изд. 33. — № 520. — Харьков, 2001. — С. 57—60.
- 2. Баранов А. Н.** Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — М.: Эдиториал, 2001. — 358 с.
- 3. Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса: [монография] / Е. И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000. — 367 с.
- 4. Сорокин Ю. А.** Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации // *Политический дискурс в России — 4: [материалы раб. совещ. (Москва, 22 апреля 2000 года)]*; [под ред. Ю. А. Сорокина, В. Н. Базылева] / Ю. А. Сорокин. — М.: Диалог-МГУ, 2000. — С. 89—101.
- 5. Дейк Т. А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
- 6. Баранов А. Н.** Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
- 7. Опарина Е. О.** Метафора в политическом дискурсе // *Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: [сб. науч. трудов]*; [отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин] / Е. О. Опарина — М.: РАН ИНИОН, 2002. — С. 20—31.
- 8. Баранов А. Н.** Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — М.: Эдиториал, 2001. — 358 с.
- 9. Баранов А. Н.** Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
- 10.** Дискурс іноземномовної комунікації: [колективна монографія]. — Львів: Видавництво ЛНУ імені Івана Франка, 2002. — 495 с.
- 11. Mantl W.** Sprache und Politik / W. Mantl // *Nachdenken uber Politik*. — Graz; Wien; Koln: Verlag Styria, 1985. — 407 S.
- 12. Шестакова Л. Л.** Политическая культура и язык политики // *Язык и культура: [тезисы Второй международной конференции]* / Л. Л. Шестакова. — К.: Редакция журнала «Collegium», 1993. — Ч. 1. — С. 62—63.
- 13. Cook G.** The Discourse of Advertising: [monograph] / G. Cook. — London; New York: Routledge, 1992. — 250 p.
- 14. Ухванова-Шмыгова И. Ф.** Каузальный анализ политического текста // *Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: [сб. науч. трудов]* / [под

общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой] / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. — Вып. 1. — Минск : Белгосуниверситет, 1998. — С. 45—52.

Бик І. С., Кучик Г. Б. Наукові підходи до визначення поняття політичний дискурс

У статті аналізуються різні підходи до визначення поняття політичного дискурсу. Питання широко обговорюється в Україні і за кордоном, однак досі немає чітко окресленої концептуальної точки зору. Дослідження політичного дискурсу є міждисциплінарним за своїм характером і пов'язане з аналізом форми, завдань і змісту дискурсу. Одна з цих дисциплін — політична лінгвістика — досліджує співвідношення властивостей дискурсу з такими поняттями, як «сила», «дія» і «влада». На відміну від політологів, лінгвісти вважають ці фактори зумовлені мовними особливостями поведінки мовця та інтерпретації його/її мови. Стаття, таким чином, приділяє основну увагу розгляду комунікативних особливостей як фактору у визначенні поняття політичного дискурсу. Інтерпретація політичного дискурсу не повинна обмежуватися суто мовними чинниками. Автори аналізують найбільш важливі підходи українських і зарубіжних лінгвістів до інтерпретації поняття політичного дискурсу з урахуванням основних критеріїв фону, комунікативного акту і ситуації, в яких реалізується політична комунікація. Зазначено, що дискурс в цілому і політичний дискурс, зокрема, можна розглядати з різних точок зору з урахуванням різних обставин. У статті представлені аргументи на користь розширення сфери використання дискурсу через його розгляд в рамках міжнародної політики, міждержавних відносин і процесів політизації та глобалізації.

Ключові слова: дискурс, політичний дискурс, політична комунікація, політична лінгвістика, комунікативний акт, міжнародні політичні зв'язки, адресат.

Бык И. С., Кучик Г. Б. Научные подходы к определению понятия политический дискурс

В статье анализируются различные подходы к определению понятия политического дискурса. Вопрос широко обсуждается в Украине и за рубежом, до сих пор нет четко определенной концептуальной точки зрения. Исследование политического дискурса является междисциплинарным по своему характеру и связано с анализом формы, задач и содержания дискурса. Одна из этих дисциплин — политическая лингвистика — исследует соотношение свойств дискурса с такими понятиями, как «сила», «действие» и «власть». В отличие от политологов, лингвисты считают эти факторы связанными с языковыми особенностями поведения говорящего и интерпретации его/ее речи. Статья, таким образом, уделяет основное внимание рассмотрению коммуникативных особенностей как фактор в определении понятия политического дискурса. Интерпретация политического дискурса не

должна ограничиваться исключительно языковыми факторами. Авторы анализируют наиболее важные подходы украинских и зарубежных лингвистов к интерпретации понятия политического дискурса с учетом основных критериев фона, коммуникативного акта и ситуации, в которых реализуется политическая коммуникация. Отмечается, что дискурс в целом и политический дискурс, в частности, можно рассматривать с разных точек зрения с учетом различных обстоятельств. В статье представлены аргументы в пользу расширения сферы использования дискурса через его рассмотрение в рамках международной политике, межгосударственных отношений и процессах политизации и глобализации.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, политическая лингвистика, коммуникативный акт, международные политические связи, адресат.

Byk I. S., Kuchyk H. B. Scientific Approaches to the Definition of the Notion of Political Discourse

The article analyses different approaches to the definition of the notion of political discourse. The question being widely discussed in Ukraine and abroad, up till now there is no conceptual point of view on it. The investigation of political discourse is multidisciplinary in its character and is connected with the analysis of the form, tasks and contents of the discourse. One of these disciplines — political philology — investigates the correlation of the properties of discourse with such concepts as «power», «action» and «authority». Unlike political scientists, linguists consider these factors in connection with language peculiarities of the behaviour of the speaker and the interpretation of his/her speech. The article thus pays main attention to the consideration of communicative peculiarities as a factor in the definition of the notion of political discourse. Interpretation of political discourse should not be limited to purely linguistic factors. The authors analyse the most important approaches of Ukrainian and foreign linguists to the interpretation of the notion of political discourse with the account of basic criteria of background, communicative act and situation, in which political communication occurs. It is mentioned that discourse in general and political discourse in particular can be viewed upon from different points of view with the account of different circumstances. The article presents arguments for the broadening of the sphere of the use of discourse through its consideration within international politics as inter-state relations and the processes of politization and globalization.

Key words: discourse, political discourse, political communication, political linguistics, communicative act, international political communication, addressee.

Стаття надійшла до редакції 10.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. філол. н., проф. Синельникова Л. М.

УДК 811.161.1'374

О. В. Барінова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КЛИШИРОВАННЫХ КОЛОРАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Во множестве адъективных колоративов русского языка существуют цветообозначения (далее ЦО), использование которых предполагает определённый класс существительных, с которыми они чаще всего употребляются. Говоря, к примеру, *пшеничные усы, соболиные брови*, используют уже готовые конструкции. Поэтому соответствующие словосочетания, по нашему мнению, можно квалифицировать как своего рода клише («речевой штамп» [1, т. 8, с. 131]) и назвать цветовые прилагательные, входящие в эти сочетания, клишированными.

Ю. В. Сергаева, рассматривая слова с ограниченной сочетаемостью, вслед за М. В. Никитиным, выделяет так называемый вторичносигнификативный компонент значения слов, трактуемый как «дополнительный элемент сигнификативного описывающего значения, который формируется в структуре лексического значения и отражает наложение определённых ограничений на сферу референтной приложимости имени» [2, с. 121]. Собственно, этим вторичносигнификативным компонентом и обладают значения колоративов, называющих цвет волос (*русая коса, рыжая чёлка, каштановый хвост*), кожи или частей тела человека (*восковые руки, землистое лицо, сизый нос, жемчужные зубы*), цвет глаз (*карие* или *ореховые глаза*) и др. Согласно М. В. Никитину, добавочный компонент значения в подобных случаях не модифицирует признак, а именно указывает скорректированную (суженную) сферу проявления признака [3, с. 119].

Указание на ограничения в сочетаемости того или иного слова, (если они существуют), является важной частью определения его значения в толковом словаре. А, по В. В. Виноградову, отсутствие в филологическом словаре информации об ограниченности круга соотносимых со словом референтов делает характеристику значений этой единицы неточной и сомнительной [4, с. 249]. В. В. Дубичинский справедливо замечает, что «словарь в обществе играет важную роль авторитетного советчика для пользователей, является своего рода социальным институтом, регламентирующим словоупотребление» [5, с. 29]. Несомненно, особая роль в этом принадлежит маркировке фразеологически связанных значений слов в толковом словаре, часто являющемся руководством в использовании слов и для носителей языка, и для тех читателей, для которых соответствующий язык не является родным.

Нашей задачей является рассмотреть лексикографическое ограничение сферы референтной приложимости клишированных колоративов и проследить за регулярностью использования таких средств. Анализ дефиниций производился по данным четырех лексикографических источников: Словаря современного русского литературного языка (в 17 томах), Словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, Словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее условно сокращенные БАС, МАС, БТС и СОШ) [6; 7; 8; 9]. Это позволило нам выявить особенности представления соответствующей информации в каждом из указанных словарей, а также увидеть общее состояние этой проблемы в современной лексикографии.

В целом, маркировка особенности употребления клишированных колоративов такова. ЦО *вороной, восковой, землистый, карий, мышастый, румяный, русый, сивый* квалифицируются как клишированные во всех четырех указанных толковых словарях. Некоторые колоративы маркируются соответствующим образом не всегда, в частности, ограничение референтной приложимости ЦО *агатовый* фиксируется в МАС, БТС и в СОШ, *алебастровый* — в БТС, *защитный* и *каштановый* — в БАС, *пшеничный* — в БАС, *рыжий* — в БАС, МАС, *смоляной* и *смолистый* — в МАС, БТС и в СОШ, *сизый* — в БАС, МАС и в БТС.

Остановимся подробнее на отличиях в лексикографическом представлении информации о сочетаемости цветových прилагательных.

ЦО *алебастровый* имеет комментарий «обычно о цвете кожи» [8, с. 34] только в одном из рассматриваемых словарей. В МАС и СОШ такой справки нет, но иллюстрирующие примеры, данные в статье этого колоратива, или односторонне показывают его употребление, или свидетельствуют о том, что такая маркировка, как в БТС, была бы не лишней и в других словарях: «[Художник]... *потер белыми, точно алебастровыми руками свое бледное, измученное лицо. Бунин, Безумный художник*» [7, с. 31]. «Алебастровое лицо. А. профиль. Алебастровые руки» [9, с. 21]. (В БАС это слово толкуется только как относительное прилагательное).

Защитный в БАС маркируется следующим образом: «О цвете ткани, делающей бойцов в полевых условиях незаметными для неприятеля» [6, т. 4, стб. 1122]. В других словарях не указано ограничение в сочетаемости этого ЦО. Хотя во всех словарных статьях, в части, иллюстрирующей употребление слова, колоратив дается вместе с названиями предметов одежды и ткани: «*Семилетов был гладко выбрит, одет в защитную гимнастёрку. Первенцев, Честь молодцу. Пантелеев был в защитном кителе... Галин, Чудесная сила*» [7, т. 1, с. 598]. «*Одежда защитного цвета. 3. китель. 3-ая гимнастёрка*» [8, с. 359]. В СОШ цветовой прилагательное имеет справку: «О цвете» и

иллюстрирующий пример употребления: «защитная гимнастёрка» [9, с. 225].

В контекстах, представленных в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ), колоратив **защитный** является, как правило, обозначением цвета ткани, предметов одежды [10]. Поэтому мы считаем, что лексико-семантический комментарий данного ЦО в БАС наиболее точен, так как указание об ограниченной сочетаемости уместно в каждом словаре, потому что без какой-либо справки читателю трудно понять, что приведенные примеры являются показателями суженой сферы референтной приложимости слова.

Карий, по дефиниции в СОШ, используется для обозначения цвета «глаз и масти лошадей» [9, с. 266]. Согласно другим словарям этим термином цвета определяется только цвет глаз. Несмотря на то, что это цветое прилагательное, кроме названия цвета глаз, действительно, в русском языке является обозначением масти лошадей, расширенная маркировка сферы применения в одном толковании нам кажется неправомерной, поскольку разные фразеологически связанные значения слов обычно даются в разных дефинициях, например: низкий — «7. О стиле речи: не возвышенный, простой, обиходный (устар.). Н. слог. 8. О звуке, голосе: густой и насыщенный. Н. бас. Низкая нота» [9, с. 417].

Ещё один пример непоследовательности в толковании клишированных колоративов представляет собой определение ЦО **каштановый**, имеющее маркировку «Обычно о цвете волос у человека, о масти животных» только в БАС [6, т. 5, стб. 898]. При этом именно такое его функционирование показывают иллюстрирующие примеры в статьях во всех рассматриваемых словарях: «Усы и влажная каштановая борода его были расчесаны на стороны. Л. Н. Толстой. Детство Никиты. [У девочки] были большие черные глаза..., маленькие тонкие, розовые ушки шаловливо выглядывали из прядей каштановых волос. М. Горький, Дед Архип и Ленка» [6, т. 5, стб. 898]. «Каштановые волосы. Навстречу Базыкиной поднялся из-за стола сержант с кудрявой каштановой бородкой. Н. Никитин, Северная Аврора» [7, т. 2, с. 43]. «Каштановые волосы» [8, с. 424; 9, с. 271].

Согласно контекстам в НКРЯ с этим колоративом, **каштановый** крайне редко употребляется для названия цвета других предметов. Данное ЦО мы встречали в следующих словосочетаниях: *грунт каштанового цвета, каштановые глаза, каштановое лицо, каштановая куртка, каштановая корочка хлеба, каштановый пиджак* [10]. Однако его использование для названия цвета волос несравнимо чаще. Из этого следует, что **каштановый** в одном из своих значений является клишированным колоративом, и, значит, определение этого ЦО является неполным ни в одном из словарей, потому что его необходимо толковать и как цветое прилагательное с широкой сочетаемостью, и как колоратив, традиционно использующийся для названия определённого цвета волос.

Во всех рассматриваемых словарях *ореховый* толкуется только как относительное прилагательное, хотя в БАС среди иллюстрирующих примеров один явно показывает наличие качественного цветового значения: «Относящийся к ореху, свойственный ореху (в 1-м и 2-м знач.) ... В его глазах *орехового цвета* (выделено нами. — О. В.) горел свирепый восторг. М. Горький, *Жизнь Кл. Самгина...*» [6, т. 8, стб. 1020].

Между тем прилагательное *ореховый* функционирует в современном русском языке весьма часто как ЦО, и используется для определения цвета не чего-либо, а именно цвета глаз, то есть тоже является клишированным колоративом. Приведём некоторые примеры: «Она была вполне привлекательна, стройна, каштановые волосы... *ореховые глаза...*» (Алексей Славовский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010). «*Ореховые глаза почернели*» (Леонид Зорин. Глас народа, 2007–2008 // «Знамя», 2008). «Как будет дальше с искусством и творчеством этот взрослый мальчик-философ с *ореховыми глазами еще не знает...*» (Сергей Есин. Марбург, 2005) «Человек с приятными *ореховыми глазами и в белой рубашке спросил, чего ему надо*» (Алексей Славовский. Не сбылась моя мечта, 1999). «У солдата было лицо хорошего деревенского парня, с каким-то белесоватым налётом, пушком молодости, *ореховые круглые глаза*» (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2, 1978). «Воспитанность и скромность громадной овчарки удивили Глебова, и в то же время в её *немигающих ореховых глазах ему почудилось спокойное превосходство...*» (Юрий Трифонов. Дом на набережной, 1976) [10].

А вот употреблений ЦО *ореховый* для обозначения цвета других предметов зафиксировано совсем мало: «*глаза карие с ореховыми и зелеными кратинками на радужке*» (Михаил Шишкин. Письмовник, 2009 // «Знамя», 2010), «*ореховое лицо*» (Леонид Зорин. Глас народа, 2007–2008 // «Знамя», 2008), «*ореховый цвет*» (растения) (И. Сокольский. Физалис, или пузырная трава // «Наука и жизнь», 2007), «*ореховый цвет*» (волос) (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы, 1980–2006) [10].

Следовательно, определение цветового значения прилагательного *ореховый* должно быть включено в толковые словари современного русского языка, и обязательным компонентом толкования является справка о том, что чаще всего данный колоратив употребляется для обозначения цвета глаз (как, например, ЦО *карий*).

Рассмотрим толкования колоратива *рыжий*. Дефиниции этого ЦО в БТС и СОШ не содержат каких-либо ссылок об особенностях сочетания, и иллюстрирующие примеры в статьях показывают его употребление и как обозначения цвета волос, и как название цвета других предметов: «*Красновато-желтый. Р-ие усы, волосы. Р-ая голова. С рыжими веснушками на лице кто-л. Р. бархат...*» [8, с. 1136]. «*Цвета меди, красно-жёлтый. Рыжая белка. Рыжая лиса. Р. парик...*» [9, с. 689]. В МАС в одном определении этот колоратив представляется как обозначение цвета и окраса: «*Красно-желтый (о цвете, окраске)*» [7,

т. 3, с. 745]. При этом под *окрасом* подразумевается, согласно толкованию в этом же словаре, цвет «шерсти животных, оперенья птиц и т.п.» [7, т. 3, с. 611]. По-видимому, определение этого ЦО в БАС с разграничением свободного и фразеологически связанного значения является наиболее точным: «Красно-желтый или желто-красный. О цвете волос, шерсти... Красновато-желтый, светло-коричневый. О цвете различных предметов...» [6, т. 12, стб. 1612].

Лексикографическое представление некоторых ЦО как слов с ограниченной сочетаемостью является односторонним, также недостаточным. Например, *землистый* в МАС и СОШ представляется как колоратив, используемый для названия определённого цвета лица [7, т. 1, с. 607; 9, с. 229]. По толкованиям в БАС и БТС, сочетаемость этого слова значительно шире: «О цвете лица, кожи человека» [6, т. 4, стб. 1200; 8, с. 363], о правомерности чего свидетельствует употребление его в следующих контекстах: «Его губы такого же землястого цвета, как и все лицо, едва приоткрывались...» (Виталий Губарев. Путешествие на Утреннюю Звезду, 1998). «Руки у нее были в красноватых трещинах и землястых пятнах, как бы в подушечках, похожих на подушечки пальцев Бима» (Гавриил Тропопольский. Белый Бим черное ухо, 1971) [10].

Таким образом, цветовое прилагательное *землистый* представляется в словарях как синоним слова *бледный*. Однако, следует отметить, нам встречались редкие, но вовсе не единичные примеры употребления этого колоратива для определения цветов других предметов, и в таких случаях речь идёт именно о цвете земли. Вот некоторые из них: «Холодно-яркие петунии гармонично сочетаются с теплыми, «землистыми» оттенками миксбордера...» (Татьяна Ефимова. Побег на природу, 2003 // «Ландшафтный дизайн», 2003.05.15). «Двое мужчин дошли до стоявшей чуть поодаль землястого цвета девятки...» (Марианна Баконина. Девять граммов пластита, 2000). «Появился Володька с общепитовским подносом землястого цвета». (Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии, 1996-1998). «Первое, что он увидел, были четыре японца ... в землястого цвета шинелях с меховыми воротниками...» (Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев, 1995–1996). «Вышедшие из моды ткани ... Цвета те самые — от серого до землястого» (Владимир Маканин. Лаз, 1991) [10].

Значит, дефиниция ЦО *землистый* в каждом из словарей тоже неполна: несмотря на его традиционное употребление для обозначения цвета кожи, (чаще всего лица), в современном русском языке данный колоратив используется ещё и для названия цвета различных предметов.

Есть и другой аспект, связанный с маркировкой сочетаемости ЦО. Дефиниции некоторых колоративов, не являющихся клишированными, в словарях имеют справку «о цвете», например, в БАС: *кремовый* — «светло-желтый. О цвете» [6, т. 5, стб. 1616], *пепельный* — «такой, как у пепла; седовато-серый, дымчатый (о цвете, оттенке)» [6, т. 9, стб. 386], *сомон* и *сомо* — «розово-желтый. О цвете»

[6, т. 14, стб. 255], *травяной* — это «такой, как у травы; зеленый. О цвете» [6, т. 15, стб. 784], *фрез* — «розовый с сиреневым оттенком (о цвете или предмете такого цвета)» [6, т. 16, стб. 1560]. Аналогичный комментарий имеют толкования нескольких ЦО и в других словарях: *бутылочный* [8, с. 105], *маренго* [7, т. 2, с. 228; 8, с. 520], *травяной* [7, т. 4, с. 395; 8, с. 1371], *фрез* [8, с. 1434]. Не все здесь адекватно: то, что речь идёт о цвете — ясно из самих определений, осуществляемых посредством колоративов. Значит, маркировка сочетаемости этих цветowych прилагательных — избыточна, о чём, кстати, свидетельствуют дефиниции более ста других названий цветов, зафиксированных в рассматриваемых словарях, которые такой ремарки не имеют.

ЦО *алый* в БАС получает несколько комментариев о предметах, определителем цвета которых он является: «О цвете зари, лучей солнца и т. п.», «О цвете ягод, цветов, тканей и т. п.», «О цвете крови», «О румянном цвете лица, цвете губ» [6, т. 1, стб. 102]. Если рассмотреть все случаи возможной сочетаемости этого цветowego прилагательного, данные в статье, то каких-то особых ограничений в его употреблении на самом деле нет, и, по-видимому, такая маркировка является избыточной. В других словарях *алый* толкуется как обычное ЦО, например: «Ярко-красный. Алые стяги. Алая роза» [9, с. 22].

Таким образом, характеристика сочетаемости слова является важной составляющей толкования значения слова, отсюда и установка лексикографов на маркировку этой сочетаемости. В определениях клишированных колоративов в толковых словарях современного русского языка указывается класс предметов, обладающих соответствующим цветом. Однако не всегда эта информация даётся последовательно, и в некоторых дефинициях данный комментарий отсутствует, что свидетельствует о необходимости корректировки таких толкований.

Список использованной литературы

- 1. Большой академический словарь русского языка** / Под ред. К. С. Горбачевича. — Т. 1—8. — М.: СПб.: Наука, 2004—2008.
- 2. Сергаева Ю. В.** Вторичнозначимый компонент значения и его отражение в словарях / Ю. В. Сергаева // Ученые записки ЛГОУ им. А. С. Пушкина. Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. — СПб., 2003. — С. 121—132.
- 3. Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики: учеб. пособ. / М. В. Никитин. — [2-е изд., доп. и испр.] — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 819 с.
- 4. Виноградов В. В.** Лексикология и лексикография: Избранные труды / В. В. Виноградов; [отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров; АН СССР, От-ние лит. и яз.]. — М.: Наука, 1977. — 311 с.
- 5. Дубичинский В. В.** Лексикография русского языка: учеб. пособ. / В. В. Дубичинский. — М.: Наука: Флинта, 2008. — 432 с.
- 6. Словарь современного русского литературного языка**: в 17 т. — М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948—

1965. 7. **Словарь** русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — [2-е изд.] — М. : Рус. яз., 1981—1984. 8. **Большой** толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с. 9. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — [4-е изд., доп.] — М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. — 944 с. 10. **Национальный** корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу : <http://www.ruscorgora.ru>.

Барінова О. В. Лексикографічна презентація клішованих кольоративів російської мови

У всій множині ад'єктивних кольоративів російської мови є такі, що утворюють невірні словосполучення з іменниками. Такі словосполучення колірних прикметників з іменниками кваліфікуються у статті як кліше, а кольоративи, що входять до цих словосполучень, називаються клішованими. Вказівка на обмеження сполучуваності того чи іншого слова є важливою частиною його визначення в тлумачному словнику. У статті розглядається лексикографічне маркування сполучуваності як обов'язкового компонента дефініцій кольоративів сучасної російської мови в цілому. Окреслено проблеми щодо вказівок обмеження сполучуваності кольороназв з іменниками в тлумачних словниках: наявність дефініцій неповних, тобто тих, що не відображають специфіку вживання слова в невірних сполученнях з деякими іменниками, або, навпаки, тих дефініцій, що мають маркування невірної сполучуваності кольоративів, якої уже давно не дотримуються в сучасній російській мові, а також надлишкових тлумачень колірних прикметників. Звертається увага на доцільність коректування інформації відносно сфери референтного співвіднесення у визначеннях деяких кольоративів.

Ключові слова: колір, клішований кольоратив, обмеження сполучуваності, дефініція, неповна дефініція, маркування сполучуваності, надлишкове маркування.

Барінова О. В. Лексикографическое представление клишированных колоративов русского языка

Во всём множестве адъективных колоративов русского языка есть такие, которые образуют несвободные сочетания с существительными. Такие сочетания цветowych прилагательных с существительными в статье квалифицируются как клише, а колоративы, входящие в эти сочетания, называются клишированными. Указание на ограничения в сочетаемости того или иного слова является важной частью определения его значения в толковом словаре. В статье рассматривается лексикографическая маркировка сочетаемости как обязательного компонента дефиниций клишированных колоративов современного русского языка в целом. Очерчены проблемы относительно указаний ограничения сочетаемости цветообозначений с

существительными в толковых словарях: наличие дефиниций неполных, не отражающих специфику употребления слова в несвободных сочетаниях с некоторыми существительными, или, напротив, содержащих маркировку ограниченной сочетаемости, однако давно уже не соблюдаемой в русской речи, а также избыточных толкований цветowych прилагательных. Обращается внимание на целесообразность корректировки информации о сфере референтной приложимости в определениях некоторых колоративов.

Ключевые слова: цвет, клишированный колоратив, ограничения сочетаемости, дефиниция, неполная дефиниция, маркировка сочетаемости, избыточная маркировка.

Barinova Olga. The lexicographical presentation of the clichéd coloratives of Russian language

There are the coloratives that form non-free combinations with nouns in the all multitude of adjectival color terms of Russian language. Such combinations of color adjectives with nouns in the article qualifies as a cliché, and coloratives included in these combinations are referred to as clichéd. An indication of the limitations of the compatibility of a word is an important part of its interpretation in the explanatory dictionary. The lexicographical labeling of compatibility as a mandatory component of the clichéd coloratives definitions in the Modern Russian language in general are regarded. In some definitions of the clichéd coloratives is indicated class of objects with an appropriate color. The problems apropos the compatibility restrictions of the color terms with nouns in the explanatory dictionaries are outlined: the presence of incomplete definitions that do not reflect the possibility of the word usage in non-free combination with some nouns or, on the contrary, containing markings of limited compatibility, but no longer observe in the Russian language, and redundant interpretations of the colour adjectives. Attention is paid to the advisability of correction of information about the scope of the reference correlation in the definitions of some coloratives: the supplementing of the appropriate explanation and removing of excess or obsolete marking.

Key words: color, clichéd colorative, compatibility restrictions, definition, incomplete definitions, labeling compatibility, obsolete marking.

Стаття надійшла до редакції 10.09.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — к. філол. н., доц. Пономарьова Т. О.

УДК 821.163.41.09,,18”

Сунчица ДЕНИЋ

НОВА СРПСКА КЊИЖЕВНОСТ КОСОВА И МЕТОХИЈЕ

Савремена српска књижевност Косова и Метохије, поготово књижевност у последњој деценији 20. века до данас, могла би се сместити у један заједнички назив, потврђујући тиме заједничку поетику, попут оне *Књиге туге* из 10. века, у којој Григор Нарецки пише следеће: *И књига ова је уместо тела мога, И реч ова је уместо душе моје*.

Новија косовскометохијска књижевност, захваљујући ангажованим професионалним, књижевноисторијским, теоријским и критичарским приступом појединих књижевних тумача, добија одређено место у општој националној, српској књижевности и култури. Када је у питању књижевност Срба која се ствара у последњим деценијама на Косову и Метохији, нарочито када је у питању поезија, осећа се специфичан књижевни израз, условљен друштвеним и политичким приликама.

Ова књижевност кроз време увек је била рефлекс наслеђа, као и савремени одјек најбитнијег проблема – одласка са простора Косова и Метохије, или опстанак српског народа на својој родитељској, косовској земљи. Она је добрим делом књижевност *неородољубивог типа*, како због актуализације прошлости, тако због извесног хронолошког сведочанства свакодневног погрома. Сматра се да је, добрим делом, то општа слика када су у питању мале културе и мали центри. Међутим, потребно је дефинисати и ову врсту «невољности» када је ова књижевност у питању, уз неизоставно непожељно *старо* и *стално* политичко стање и политичко питање које овај феномен регулише (дефинише).

Наиме, ипак су се косовским писцима највише бавили косовски критичари и они који су Косово и Метохију осећали као своју неизоставну и незаменљиву домовину.

Незаобилазна су на том пољу ангажовања Вука Филиповића, Радомира Ивановића, Владете Вуковића, Владимира Бована, Владимира Цветановића, Зорана Павловића, Драгана Стојадиновића, Данице Андрејевић, Слободана Костића, Милоша Ђорђевића, Драгомира Костића, Милице Лилић Јефтимијевић и других, а једним делом, Исмета Марковића који је приредио антологијску целину о овим писцима¹, као и моје маленкости.

Осим поменутих и непоменутих аутора, текстова и књига, битна је и без одлагања нужна својеврсна систематизација ове косовскомето-

¹ Аутор ових редова у сегментима о косовској књижевности пише у периодичним публикацијама, као и у монографским издањима, међу којима се издвајају монографије: *Прогон и завичај* (2011), *Српски писци на Косову и Метохији (1871-1941)* (2008), *Књижевно дело Манојла Ђорђевића Призренца* (2003).

хијске књижевности, с обзиром на друштвене околности, миграције, прогоне, измештања, депресије и нестајања.

Неизоставно је и значајно поменути да се косовскометохијска, српска књижевност најпре развијала и промовисала преко књижевног часописа *Стремљења*, листа *Јединство* и његове култне културне рубрике, и листа *Нови свет*, у краћем периоду. Најчешће се продукција ове књижевности одвијала преко издавачких кућа «Јединство», касније «Григорије Божовић», а једно време и издавачке куће «Нови свет». Хронолошки гледано, када су писци са Косова и Метохије у питању, та *лирска линија* полази од Радета Николића, родоначелника послератне поезије (збирка песама *Сенке*, Београд, 1951). Николић је био покретач многих културолошких вредности на Косову и Метохији, пре свега битан као први главни и одговорни уредник часописа *Стремљења*. Потом су се својом креативношћу, класичним и модерним певањем појавили Владета Вуковић, Александар Деспотовић, Радослав Златановић, Даринка Јеврић, Лазар Вучковић, Петар Сарић, Стоиљко Станишић, Радосав Стојановић, Мошо Одаловић, Ратко Поповић, Мирко Жарић, Благоје Савић, Слободан Костић...

За ову *панораму* о којој говоримо, значајни су још писци: Милорад Ивић, Даринка Вучинић, Милица Јефтимијевић Лилић, Драгомир Костић, Милош Ђорђевић, Милоје Дончић, Драган Ничић Циноберски, Драгиша Бојовић, Живојин Ракочевић, Милан Михајловић, Новица Соврлић, Јелка Јакшић, и остали који формирају специфично лице *косовског лирског идиома*. У издању Књижевног друштва Косова и Метохије, 2005. године изашла је књига, тј. *Лексикон* чланова Књижевног друштва Косова и Метохије, *Савремени писци Косова и Метохије*, коју је приредила Даница Андрејевић. Ово је делимично промењена и допуњена верзија *Портрета*, уз напомену приређивача да је оваква врста издања имала задатак да сачини нови лексикон писаца који би имао информацијски и комуникацијски значај и који би маркирао нове књиге косовских ствараоца. Овај лексикон биће значајан за обнављање књижевног живота и културне самобитности, као и за укључење писаца у нове токове српске матичне литературе. Неколико година касније, такође у часопису *Баштина* (20/2, 2006), у тексту *Савремена српска поезија Косова и Метохије*, у поднаслову *Лирске идеје косовскометохијске поезије у контексту матичне књижевности у другој половини XX века*, Д. Андрејевић потврђује да код скоро свих савремених косовских песника налази јединствен однос пијетета и креативног одређења према теми Косова. «Косовски мит у савременој поезији Косова и Метохије је метаморфоза за митско зло и космичке размере човековог удеса и националног пострадања. Историјска сличност између Косова 1389. и Косова 1999. године лирски је моделирала и стилизовала мит о Косову и сеобама.» (Андрејевић, 2006: 253)

Поезија Косова и Метохије у овом новијем времену, у односу на остале жанрове, има највећи значај и улогу. И по квалитету и квантитету, поезија се издвојила као модел регионалног и лексичког наслеђа. «Су-

бјективизација и индивидуализација српске поезије у јужној покрајини Србије је», пише ауторка, «антиидеолошка, антисоцијална и антиромантичарска у већини својих лирских еманација и поетских дискурса.» (Андрејевић, 2006: 254)

Већина косовских писаца, тј. песника Косова и Метохије, спојила је *националну етику и књижевну естетику* у снагу извесног родољубивог заједништва, страдалничког света који пише о новој косовској апокалипси с краја XX и почетка XXI века.

Ова је поезија тиха, медитативна и, већим делом, молитвена. У делима косовских писаца синонимско значење имају два следећа феномена: религија – поезија. То је тзв. *обогојављање* Бога у делима ових писаца, у којима се често, трагичност човека на Косову и Метохији поистовећује и мери још и *новозаветним* страдањима. По том *јужњачком јаду* (термин везан за писце са Косова с краја XIX и почетком XX века, тј. *косовском усуду* као специфичности певања ових аутора, видно је да је ова књижевност створила посебно теоријско устројство свога певања, моделирала тему туге, патње, неслободе, изгубљеног завичаја, сеоба, прогона... Писци са овог поднебља и из ових трагичних времена, аутономно и јединствено, своју етичност, херојску, меланхолију и естетику, представили су као *новокосовску* поетику која ће, временом, све више функционисати као *новозаветна, нова и заветна* књижевност Срба Косова и Метохије.

Развој ове књижевности има одређену путању, рекло би се, синхронизовану, до 1999. године. Потом се та слика променила, изгубила је своје медије, новине и часописе, манифестације и културолошка стецишта, те се свело, већим делом, на индивидуално ангажовање.

Последња година опасног живљења на Косову за њене песнике означила је и осеку у издаваштву, јер се ближио изгон који су слутили деценијама. Мошо Одаловић објавио је «Брзу књигу» и «Петицу из српског», обе ван Косова, а Зоран Недељковић «Низ грло ока».

Након политичког, националног и културног удара и изгона, српски косовски писци, било да су расељени или су остали да живе у српским енклавама на Косову и Метохији, сабрали су своје животе и своје лирске рефлексије као болани Дојчин своје кости и убрзо, годину-две после рата, огласили своје нове егзистенцијалне болове и есенцијалне таме, обременене злим искуством изгона.

Већ 2000. године штапане су збирке песама Велимира Ралевића «Миришем на љубав», Александра Деспотовића «Векови израсли из корена», Ленке Јакшић «Светопољска суза» и Слободана Костића «Покајничке песме».

Талентован српски писац са Косова и Метохије средње генерације, чије се поетско дело препознало још од појављивања његове прве књиге *Извићење циљу*, 1975. године је **Благоје Савић**. Остале његове збирке песама настајале су са мањим или мало дужим паузама: *Говорим по други пут* (1978), *Исто млеко* (1982), *Вече у пластичној сандали* (1988) и *Црни реп* (1989), *Изморник* (1994), *Причест у пољу* (1995), *Мезра* (1999), *Појање че-*

твртого дана (2004), *Померени свет* (2006), *Закључај прах, избране и нове песме* (2009).

Иако измештен физички из родног Гњилана, Савић је, послом, везан за Косово и Метохију. То је, свакако, битно утицало да се писањем са изворишта настави певање које се креће између митског и фолклорног симболизма.

*Нисам се иселио из свог родног места
нисам ни помишљао на то
живећи кроз оне грехове што остављају отисак
жедних и неказаних имена
која ми рекоше:
веруј месту и чупај младу траву из сна –
силовите мисли остављају траг – ту можеш бити
поново рођен*

(Бекство)

Бекство није добровољно одлажење, мењање места становања, прихватање другог поднебља. Бекством се, у суштини, може променити место живота и рада, али се не може наћи спокој и заклон од трагедије.

О невољном одлажењу из завичаја, из родне куће и свога окружења, велики број песника са Косова и Метохије пише као о незаборавним коренима и о губљењу смисла. Тежња да се национално памћење сачува доминанта је тежња у поезији Благоја Савића.

Задржати свест о постојању и припадности, свест о претходном животу на Косову – као праху – тенденциозно Савић намеће мисао која се може наслутити и у самом наслову његових изабраних и нових песама: *Закључај прах*. **Закључај прах** може се схватити вишеструко: као затвори иза себе тугу и ништавило, закључај и спречи да се зло развије и рашири, закључај, тј. сачувај све дотадашње, целокупно лично и опште наслеђе, сачувај и не дозволи да се изгуби осећање припадности и идентитета. **Закључај прах** као тајну коју си понео, иако тренутно ништавну, непријатну наслагама, митовима и традицијом... **Закључај прах** – сачувај слике предака и наслеђа.

Иако су слике у његовој поезији асоцијативне, надреалне, наговештавају хаос који је иза нас; оне са стрепњом представљају надреалну слику онога што јесте или што се пак назире.

Драма косовских усуда сама је произвела тужбалицу „са трезвеном концепцијом“, да употребимо термин Саше Радојчића.

Архетипски везан за косовски простор, **Слободан Костић** је допунио тежњу многих и многоме да се такав простор *сакрализује*. Символички и митски простор Косова и Метохије прераста у његовој поезији у религиозни простор, простор тежње; прераста у простор «више хармоније». Такав религиозан простор, по речима Мирче Елијадеа, «ствара централну осу свих могућих будућих оријентација.» (Елијаде, 2003: 85).

И **Мошо Одаловић**, пишући о Косову, о Станку Липљанцу који је, како каже, «изгубија правац» када је отишао са Косова, из Липљана, наводи Станкове речи као модел многих који су са тог простора отишли:

*Само у мом крају познајем стране света.
И нигде
Нигде
Нигде више!*

Сличан се поетички и дубоки вапај осећа у Костићевој песми *Одлука*:

*Овде ме оставите, пријатељи,
Ту сам враћен са Плутоновог дна
И наследио племенску ватру,
Прву светлост.
У свом хиљадугодишњем дому
спознао праматеру
Укаљану тестом.*

*Ова су стабла моји преци
Чије сам кости сабрао
У невешто обликоване урне.
Ту су тестаменти, оруђе, сат.
Ту сам слављен, бичеван.
Не могу у бесцење, варку
Коју нудите.
Бићу поражен, стрпљив.*

Слободан Костић кроз пакао и страдање извлачи тзв. «духовне спирале», стварајући приде и јединствену лексику у косовскометохијском поетском бићу. Често та лексика поставља модел који производи новоизграђени, моћан, јасан, јак, одлучан тон; вишезначност и тензију.

Тиме што је *наследио племенску ватру, спознао праматеру укаљану тестом, сабрао кости својих предака*; тиме што је и слављен и бичеван, пристаје да буде поражен и стрпљив, само да би био враћен у свој хиљадугодишњи дом, враћен у своју суштину и свој путоказ.

Највећи део свога стваралаштва **Милица Јефtimiјевић Лилић** посветила је драми косовске збиље..

Оно што се намеће као значајна констатација јесте добро певање Милице Јефtimiјевић Лилић у посткосовском времену. Наиме, она је пример како се избеглиштвом и изгубљеним завичајем ствара особита поетика туге. Косовска драма за њу није класичан мит, већ стварност, свакодневица са којом се сусреће и у којој обитава.

Њена поезија најјаче је дефинисала Косово као усуд; изгнанике и бездомнике.

«Теме обездомљености и изгнанства», како каже Слободан Ракитић, «на лирски суптилан начин су артикулисане у међупростору који се граничи митом и историјом као суштинским одредницама.» (Ракитић, 2009)

Занимљивост овога певања јесте тзв. *женски тон* где се наслућује посебан сензибилитет женског пера. Тај тон најлирскијим певањем *проговара* о драми косовског усуда. Трагизам – видан из сваког стиха песникиње Милице Јефтимијевић Лилић јесте њена субјективна слика реалности, али и стање општег понора. На релацији тужбалица-клетва, она исказује тзв. *путотпис коже* – мапу своје несреће и несреће својих сународника. Песникиња наставља повест, као у народном певању, о том кобном усуду, о земљи на-топљеној материнским и невестинским сузама и девојачким преклињањем. Иза ове слике наслућује се земља без синова и вереника, без очева и мужава. «Од ужаса, ужасније је оно што је учињено са домовима и светињама па се у песми *Чарање* клетвом и запомагањем песникиња бори против тиранина.

Ретки су песници у светској књижевности који су своју срећу и лични живот сместили у оквир спољашњег свог бића – као постојбину душе – у завичај. У Косово, као најмитскији завичај. Старозаветни и новозаветни. У своју Голготу и свој страшни суд. Милица Јефтимијевић Лилић је готово искључива када упоређује свој живот са самим Косовом, где је и смрт *небитнија* од губитка завичаја.

Међу песницима који се издвајају по оданости теми и суштини свог певања – Косову као црном судилишту и гори божуровој, издваја се **Даринка Дара Вучинић**. Она, како би рекао Зоран Глушчевић, пева о души домовине. Она је опевала све наше битне манастире и цркве, сва сакрална места, потоке и брегове, цело земаљско и небеско Косово. И не само Косово! Све видљиво и битно у Србији и српским земљама. Сестрински брижна према свему што чини битност за *гору божурову*, а *гора божурова* је синоним за честит и частан живот. Зато она, најпре позива своје сународнике да сачувају своје Косово, «поприште историјског и судбинског искушења. Чување овог видљивог Косова је, заправо, врло тесно повезано са свешћу о чувању оног другог, библијског, небеског Косова. Јер, у супротном, све се поремети, измести, прокле.

Милорад Ивић је песник *зачудне и судбинске реалности*, како би рекла Даринка Јеврић. Ивић иде дубоко у прошлост, у древна, заборављена времена и просторе, у мит и песнички реалитет – пун имагинарних слика и ситуација. Овде реке под земљом теку, и да *није све тако високо/ да све може да буде под ногама/ ветар и сунце/ небо и звезде*. Двоструко, тј. вишеструко се могу тумачити ови стихови где се све преносном сликом може видети или наслутити. Иако често оставља утисак да припада песницима молитве, песницима боготражитељима, осећа се извесна парадоксалност, где се одређене сензације ироничног и саркастичног типа одвајају из правца религиозности и улазе у дневно, некада једино и нужно виђено постојање, као

кад пева: *оно што се не мења/ умира*. Тачно је да је у кретању, у немирењу са постојећим стањем прави задатак човеков, али овако отворено «рвење» са Богом резултат је пре велике ојађености и несреће, као и малодушја. поезија декларише као поезија потпуне апокалипсе и усуда, и то *косовског усуда*,

Милорад Ивић зрело је пропевао у годинама које се непосредно ве- зују за погром српског народа на Косову и Метохији, јер је нов простор за њега отуђен и стран, а сâмо измештање направило је за Ивића нови простор преиспитивања и превредновања немоћи:

*Не можемо више, Господе
И ово што смо смогли
Исцедили смо из суве дреновине
искамчили из умора, посудили од потомака*

Косовскометохијска књижевност без поезије Милорада Ивића не би имала овај, већ наслућујући канон прогнаних, који је, додуше, још у повоју, али се наговештава и декларише као канон потпуне апокалипсе и *косовског усуда*.

Једна од највећих загонетки у млађој косовскометохијској књи- жевности је **Милоје Дончић**, чија је поезија промовисала једну врсту по- етског «ругања» и разобличавања свега што чини лаж и неистину. Онога што се нагомилало као резултат тоталитаризма, као и онога што се поја- вљује као моћ и светска снага.

Основне преокупације у последњим књигама збивања су на Ко- сову и Метохији. Управо напустивши Приштину у којој је живео тамо где је и радио, Дончић ће се усмерити на једну врсту грђења српског друштва и државе у целини. По томе, он се разликује од великог броја песника, јер није стао само на бележењу, најпре емотивног, па и етичког стања које је било тема многих песника, било да су отишли или остали на Косову. Та врста «плача» за изгубљеним Косовом пре је прошлост која ће се изучавати. Код њега је битнији аналитички и критички став према ономе што долази као трула идеја из престонице Србије, од вла- дајућих и моћних. По том и таквом певању, из читаве ове матице, нарочито ће се издвојити његова књига *Црвљи расад* (2010).

На основу наслова може се наслутити песникова идеја. Ова врста ширег простора, и у географском и у семантичком смислу, везује и учвр- шћује разлоге пропасти српског друштва, па и, разуме се, Косова. Дон- чић се као аналитичар савремене српске бирократије поиграва се днев- ним (и не само дневним) «учинцима» власти, ругајући се том неочекива- ном, небрижном моделу да се слави све оно што је, по природи ствари, негативно.

ПОЕЗИЈА У ГЕТУ

О прогону, изгону, затворености и казни може се нарочито говорити када се говори о једној групи косовских писаца који су прихватили гето као судбину, а своју унутрашњу борбу претворили у својеврсну кукњаву и белажење о неправди и немоћи. *Враћање унутрашке* јесте унутрашње повлачење у себе, у детињство, у прошлост, као што јесте сећање на срећу. Када се говори о ствараоцима који су свој живот и свој рад посветили Косову, још увек, боравећи на њему као чувари, видно је нешто што ће се тек за будућа истраживања поставити као занимљива и теоријска особеност. Наиме, после 1999. године, после пада Приштине, Косовска Митровица преузима улогу главног српског града, улогу културног центра, као и центра у другим областима. Оставши до данашњих дана (2013) центар духовног, научног, политичког и економског бића Срба на Косову и Метохији, Косовска Митровица ће окупити већи број стваралаца; она обнавља, чува и покреће многе идеје и манифестације. У тзв. *слободној зони*, наслоњеној на централну Србију, писци Косова и Метохије ће отвореније, снажније, гласније, тј. епскије проговорити о косовској збиљи. Несрећније су прошле енклаве. Поједини центри, попут Пећи, Призрена, Урошевца, Гњилана, уз свакако и најпре, Приштину, потпуно су занемели, ућутали... Ништа није остало у власништву Срба (макар ових година), од материјалне културе, библиотека, Универзитета, школа, музеја, института, издавачких кућа, удружења... Мање групе стваралаца сконцентрисале су се око Грачанице као културног центра; око Дома културе и Манастира, као и око истуреног одељења Универзитета. Највеће се ангажовање ових година своди на појединце и ентузијасте, на оне који су препознали значај и вредност духовног опстанка. Овде, свакако, поред многих, највећу заслугу има Драгомир Костић, песник, научни радник и професор универзитета, окупљајући многе или се придружујући онима који су то радили пре 1999. године. Он је уједно и један од најзначајнијих представника српске књижевности централног Косова. Поред Костића, том кругу писаца припадају Ратко Поповић, Драган Ничић Циноберски, Живојин Ракочевић, Слободан Стојковић, и, романописац, Петар Сарић (живи на Брезовици)... Ракочевић је као песник, као новинар и медијска личност учинио да се многи проблеми Срба на Косову осветле, чују и виде. Проговорио је у име многих и за све.

Оно што чини позитивну слику у овом *пребирању по остацима* јесте група писаца окупљена око *Отиска*, косовског часописа за литературу и збивања који излази у Гњилану. Ту се придружују и сусрети завичајних писаца Косовског поморавља, у селима око Косовске Каменице (Ранилуг, Речане, Ропотово, Кормињане). До сада је изашло девет бројева овог часописа. У последњем броју прилоге имају: Милоје Дончић, Радослав Златановић, Стоиљко Станишић, Живко Васић Цици, Далиборка Јовић, Новица Ђорђевић, Срећко Симић, Војислав Трумбић, Милорад Петковић, Бојан Стоиљковић, Перица Анђелковић, Јордан Митровић, Слађана Дајић, Горољуб Ђорђевић, Божидар Б. Ђокић Боце, Томислав Мркојић, Армуш Периша Бели,

Добривоје Стојановић, Рајко Мирановић, Зоран Стајић, Милорад Филић, Богомир Станковић... У истом броју дати су изводи из књига Атанасија Урошевића, Слободана Костића, Благоја Савића, Милоја Дончића, Милице Јефтимијевић Лилић, Боривоја Угриновића, Јасмине Ђорђевић, Предрага Пешића Шера, Војислава Трумбића, Ратка Стоиљковића, Милутина Јовановића, Милана Илића Маје... Часопис, за ово време затирања српске писаности и духовности има огроман значај и чини својеврсну мисију за очување српског идентитета у Косовском поморављу, и шире.

Многе институције измешене су са простора Косова и Метохије после 1999. године. Нека издања ове косовскометохијске књижевности објављена су у издавачкој продукцији «Врањске књиге», у Врању.

Такође би било добро поменути и издавачку кућу *Хвосно* која ради у склопу Дома културе «*Свети Сава*» *Исток*, сада измештеног у Косовској Митровици. У склопу Дома културе излази и лист *Хвосно*.

Нарочиту бригу и пажњу о књижевности Косова и Метохије, као и о другим духовним и материјалним вредностима води *Институт за српску културу* Приштина – Лепосавић. Већ неколико деценија иза нас, основна активност *Института* је да очува и промовише све што је везано за духовни живот српског народа на Косову и Метохији. То чини најпре путем пројеката, као што то чини преко научних скупова, часописа *Баштина* (који је већ завредео високу категорију), као и преко развијене издавачке делатности.. .

КОСОВСКОМИТРОВАЧКИ КРУГ ПЕСНИКА

Косовскомитровачки круг песника окупља највећи број стваралаца. Наиме, условљена својим садашњим стањем и статусом, Косовска Митровица као једини град у којем Срби са Косова и Метохије живе и, може се рећи, достојанствено раде, преузела је одговорност и терет престоног града. Све значајније институције са Косова и Метохије сконцентрисане су у Косовску Митровицу, где најбитније место заузима приштински Универзитет, са свим студијским групама као и пре 1999. године, као и Друштво књижевника Косова и Метохије.

Најзначајнији представници савремене (данашње) српске књижевности у Косовској Митровици су: Милан Михајловић, Новица Соврлић, Ленка Јакшић, Видосава Арсенијевић и други.

Милан Михајловић, актуелни председник Књижевног друштва Косова и Метохије, објавио је следеће књиге поезије, са уверљивошћу камере и слике, преноси сурову косовскометохијску збиљу и драму, у којој је и *црква на Ибарском мосту од људи саздана*. Циклус песама у збирци *Саће свих матица* Михајловић је посветио невиним страдалим и немоћним Косовцима, деци купачима, жетеоцима, збуњеним и нежним Столићима из Обилића и осталим знаним и незнаним жртвама, као и страдалим пчелама. *Пчела пла-*

че, антологіјска је песма Михајловићева која доноси митску слику тужне пчеле – матице. Испевана је у десетерцу, а налик је на народну тужбалицу.

*Распукла се кошница на пола
Распукла се кошница од бола!*

*На канате, претрпаних кола,
Крила свија рој пчела без крова!*

*Пчеле цвиле, вране их надлећу,
Распуку им кошницу размећу.*

*Плачу пчеле, с канатама крећу,
иду, плачу – не пале ни свећу. (...)*

О сузи пчеле и пса због одласка, о звонима која сама звоне, о косовском поцрнелом божуру, о шапутању воде Бистрице и Ситнице, о страху напуштених домова, о читуљама које осматрају оне који су кренули, говорећи немо неразумну поруку онима који остају – све су то слике српске косовскометохијске поезије, добрим делом и поезије Милана Михајловића.

Новица Соврлић је један од најзначајнијих српских писаца Косова и Метохије, који је препознатљив по топлом, лирском и хуманом осећању, као и преношењу тих врлина. За њега се каже да је увео *иновацијску свежину* управо због повратка *природности поезије*. Осим љубавних песама у којима је обновио најбитније што ту поезију чини: чулно и страствено, Новица Соврлић пева о наслеђу и светињама, о завичају, породици и основним вредностима за човека, узимајући, како у поговору његове књиге *Чатац* пише Слободан Ракитић, улогу средњовековног хроничара. «Живећи у временима великог страдања српског народа», пише Ракитић, «он се окреће славној прошлости која се одвијала у поднебљу у коме он живи и сазрева као песник. Песнички субјект се декларише као *чатац*, читалац историје свог поднебља, као онај који кроз песму оживљава минуло и тиме му даје нову актуелност.» (Ракитић, 2004: 73)

Основни критеријуми његовог поетског устројства као и живота су: истинољубље, правдољубље, храброст и човечност, спремност да се препозна туђа мука као своја.

Ленка Јакшић је, као брижна косовска девојка, опевала страдања на Косову, проширивши косовску трагедију на опште и универзално страдање.

Томови књига о изгубљеном завичају као изгубљеном идентитету, о некомоцији, прогону и тузи, о разапетости између одрицања и потврђивања написали су српски писци са Косова и Метохије с краја 20. и почетком 21. века... Велики број песника, рефлексивом, која често има тон неоромантичарског певања, одваја се од општих места, или се њима

враћа, преко поруке о изгубљеној постојбини смисла и изгубљеном праву на наду. Тим сликама у позадини се јавља прах као заједнички именитељ, било да се ради о ауторима који су напустили Косово и Метохију, попут Моша Одаловића, Благоја Савића, Радослава Златановића, Слободана Костића, Милице Јефтимијевић Лилић, Милорада Ивића, Даринке Вучинић, Мирка Жарића, Александра Лаковића, Милоја Дончића и многих других, или о ауторима који су до данашњег дана опстали у тзв. гету, Косовској Митровици и Грачаници, најпре. Код њих, као код хроничара актуелних дешавања, са мало више епског отпора, јачи је мит о отетој земљи и одбаченом народу, а пораз већи од *косовског мита*, везаног за Косовску битку. Значајни песници косовскомитровачког и грачаничког круга су: Милан Михајловић, Новица Соврлић, Ленка Јакшић, Видосава Арсенијевић, Драгомир Костић, Ратко Поповић, Драган Ничић Циноберски...

Код свих се у видној мери осећа тематско и жанровско јединство, емоционална искључивост, косовска хероика и косовска пропаст, изгубљени (отети) завичај. У њиховим делима Косово и Метохија егзистира као мера свега људског, мера среће и мера несреће.

Литература

- 1. Андрејевић, Д.** (2005): *Савремени писци Косова и Метохије*. лексикон. Косовска Митровица: Књижевно друштво Косова и Метохије.
- 2. Андрејевић, Д.** (2006): *Савремена српска поезија Косова и Метохије. Баштина*, св. 20/2, Приштина-Лепосавић.
- 3. Денић, С.** (2010): *Мера и привид, етиком до књижевне естетике*, Огледи о књижевности, Београдска књига, Београд.
- 4. Денић, С.** (2011): *Прогон и завичај*, српска књижевност Косова и Метохије, Институт за српску културу, Приштина-Лепосавић, 2011. године.
- 5. Елијаде, М.** (2003): *Свето и профано*. Сремски Карловци/Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића..
- 6. Ракитић, С.** (2009): предговор у књизи *Одвијање свитка*, сабране и нове песме. Косовска Митровица: Књижевно друштво Косова и Метохије/ Рашка школа.

Сунчица Денић Сербська література в Косово і Метохії

Сербська література періоду так званого «Нового часу» (друга половина XIX століття) в Косово і Метохії відображає страждання, несправедливість, переслідування і, перш за все, велику печаль, породжену важким життям і втратою Батьківщини та самоідентичності народу.

У статті увагу зосереджено на багатьох теоретичних та історико-літературних елементах літератури цього періоду, яка, завдяки своїй унікальній структурі й напрямку, вважається «літературою часів переслідувань і вигнання».

Незважаючи на те, що сучасна література також порушує питання національного та особистого характеру, їй не вистачає героїзму, вона

відмежована від національно-романтичного середовища й епосу. З певними винятками, ця література пов'язана з самою природою сербського народу в Косово і Метохії, з усім, що складає традиції і спадщину, а також з тим, що ми можемо назвати майбутнім явищем і мотивом сучасності: переслідування, як доля і неминучість. Це природній наслідок трагічних подій, які випали на долю сербського народу в Косово і Метохії у 1999 році, колю люди, втративши роботу, будинок, землю, батьківщину... – повернутися до реальності, до пошуків душі.

Окрім розгляду опублікованих робіт, автор досліджує естетичні, літературно-художні проблеми, надаючи власні судження і оцінку цієї літератури, порівнюючи з загальною літературною продукцією в Сербії.

Ключові слова: сербська література, Косово і Метохія, література часів переслідувань і вигнання.

Сунчица ДЕНИЋ. Нова српска књижевност Косова и Метохије

Томови књига о изгубљеном завичају као изгубљеном идентитету, о некомоцији, прогону и тузи, о разапетости између одрицања и потврђивања написали су српски писци са Косова и Метохије с краја 20. и почетком 21. века... Велики број песника, рефлексивом, која често има тон неоромантичарског певања, одваја се од општих места, или се њима враћа, преко поруке о изгубљеној постојбини смисла и изгубљеном праву на наду. Тим сликама у позадини се јавља прах као заједнички именитељ, било да се ради о ауторима који су напустили Косово и Метохију, попут Моша Одаловића, Благоја Савића, Радослава Златановића, Слободана Костића, Милице Јефтимијевић Лилић, Милорада Ивића, Даринке Вучинић, Мирка Жарића, Александра Лаковића, Милоја Дончића и многих других, или о ауторима који су до данашњег дана опстали у тзв. гету, Косовској Митровици и Грачаници, најпре. Код њих, као код хроничара актуелних дешавања, са мало више епског отпора, јачи је мит о отетој земљи и одбаченом народу, а пораз већи од косовског мита, везаног за Косовску битку. Значајни песници косовскомитровачког и грачаничког круга су: Милан Михајловић, Новица Соврлић, Ленка Јакшић, Видосава Арсенијевић, Драгомир Костић, Ратко Поповић, Драган Ничић Циноберски...

Код свих се у видној мери осећа тематско и жанровско јединство, емоционална искључивост, косовска хероика и косовска пропаст, изгубљени (отети) завичај, у чијим делима Косово и Метохија егзистира као мера свега људског, мера среће и мера несреће.

Кључне речи: књижевност, Косово и Метохија, избеглиштво, прогон, завичај, српски писци.

Sunčica Denić. Serbian Literature in Kosovo and Metohija

Since the so called «New Time» (the second half of the 19th century), Serbian literature in Kosovo and Metohija reflects sufferings, injustices, persecutions and, above all, a great sadness caused by the hard life as well as by the loss of homeland and the loss of identity.

The article focuses on many theoretical and literary-historical elements of this literature, which, due to its specific composition and orientation, is considered as *the Literature of Persecution and Exile*.

Although it concerns the national and the personal, contemporary literature is lack of heroism; it is distanced from the national-romantic milieu and the epics. With exceptions, this literature is connected with the very being of the Serbian people in Kosovo and Metohija, with everything that forms the traditions and the heritage as well as with, what we would call, the future phenomenon and motive of contemporary times: persecution as fate and destiny. This is an inevitable corollary of the tragic events endured by the Serbian people in Kosovo and Metohija in 1999, who, having lost work, house, land, homeland... – returned to the existential, to the quest for the soul.

Apart from the study of the published works, the author focuses on aesthetic, literally-artistic problems, giving a certain judgment and value to this literature, measuring it against the totality of literary production in Serbia.

Key words: Serbian literature, Kosovo and Metohija, Literature of Persecution and Exile.

Стаття надійшла до редакції 11.10.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. п. н., проф. Лобода С. М.

УДК 821.163.41.09'06

Стана Смиљковић

**СРПСКА САВРЕМЕНА ЛИТЕРАТУРА У БАЛКАНСКОМ
КОНТЕКСТУ**

Увод

У песми и причи аутори откривају аутентични глас народа и језика коме припадају из потребе да се сазна или ослушне смисао живљења и мишљења у одређеној традицији. Оно што је од искона стварано, уткано је у овоземаљско и духовно, а све то одржава човека на сопственим изворима који представљају темељни принцип познавања света. Поезија је ту како би одржала хармонију космоса, а ствараоци, користећи машту, не саопштавају само чињенице, бројеве, емоције, већ на различите начине успостављају везу између поетских елемената

текста којима се постиже логика свеопштег битисања. Из тога произилази схватање, по тврђењима више теоретичара књижевности, да свако вредно књижевно остварење функционише целовито како би се оствариле естетске идеје дела уз помоћ бираних семантичких категорија, у зависности од избора уметника.

Дубина слике света која је остварена у књижевном делу стваралаца чије значење поетског ткива откривамо, снажно је везана за фолклорну, митску, религијску и националну прошлост и свевидећу садашњост, те у њој налазимо националне симболе уз помоћ архаичних језичких конструкција. Такав је случај са поезијом математичара проф. др Стојана Богдановића који у збирци *Човек песма* открива духовно биће проосећано сопственом душом. Књижевни критичар и поета српских и словенских гора и ветрова, Мирослав Тодоровић, слави све оно што је човеку доступно у корист његовог духовног склада. Проф. др Љубиша Митровић, поетски глас распростире шире захватајући балканске просторе и кишне облаке који сипају, уз кишу, и невоље источносрбијанаца. Фолклориста и професор Момчило Златановић у својој књизи *И сан о срећи – већ је бол* указује да «има трагичне лепоте у општој пролазности».

Редом ћемо доказати да, универзалне вредности које су препознате, а исказане емоцијама у тренуцима надахнућа, поред различитости која је неминовна, осветљавају мисли, речи и слике које чине опште добро упућено човеку. И ако што каже народна изрека: «Мудрост не трпи распричаност», тако и поезија аутора у својој дубокомисленој једноставности, додиром звука и боје, допире до читалаца.

Аутор збирке је *Човек који се познаје по песми*

*„Кад кап росе падне на усунјано
звожђе, испариће. Иста кап, ако
падне на лотосов цвет, блистаће као
перла, а ако падне на шкољку,
постаће бисер. Тако и човек постаје
оно с чим се удружује“ – речи су
једног индијског мудраца.*

Ово нису само речи о песми, мисао је о животу тајновитом, свести којом је прожет, о мери којом је омеђен. Песма о речима, звуцима и њиховом смислу, исклесана је једноставно. Песничко длето је своје шаре извајало изнутра, из тананих дубина умних ћелија, из невидљивог кола добро испрецизираног и измереног духа. Из трептаја спојених са васионом, и космичких бројних светлости и тама.

Снага симболичних речи, наизглед недоречених, као и песнички искази, бујају и надлазе и из замишљеног, а неисказаног. Неказано као

струјни одблесак опомиње, учи, упућује, слама, буни се, јечи. То је душа која гори, и гори друге. Слама их и уздиже. Весели и тутњи. Казује и ћути.

Поетски низови нанизани танком жицом не висе нити над земљом, нити у ваздуху. Лелујају у космосу и зову човека да пати, да кроз патњу воли, мрзи и страда. Дозивају усуде и сенке, човека иза њих, људе из бескраја. Сав космос је у његовим рукама и човек као зрно, мање од мањег, ум као честица која тражи скровиште.

Поезија је песниково добро саграђено гнездо. Оно му кроз најмање и најтање прозоре гранчица отвара видике. С висине се боље види, из даљине се боље чује. Одвојеност у надахнућу - сила је неизмерна. Скученост у простору - згуснутост је у изразу. Песник не пева о многоме и много - почеци и крајеви ће изрећи суд и затворити круг. Језгро је битно -људско, и кроз њега поетско, стваралачко. Зато песник градитељском сигурном руком узноси, не само себе, него све оно што сматра људским и потребним. Не бира и не класификује песме и теме, оне се издвајају из гена. Потреба да се отргне од себе рођеног не постоји. И немогућа је. Човек је створ. И кад не жели хаос, он је ту, чека. Само песма може створити ред - провеје покатак мисао. И то је привид. Друго ја, оно што постоји, и дамара. Креће се, и покреће. Струји.

У песмама песника Богдановића успостављена је једна фина поетска динамика проистекла из многих сазнања и искушења. Искушење је изазов за песника, и борба да се оно умножава. Трени су само за искушења, остало се развејава. Само трен у тренутку, и трен у сну. Све што долази и одлази, ништавно је, и ништа. Трен који се слуша и чује онда када нешто у њему зазвони, зајечи и разлети се. Само један јединствени чин у чудесној људској постојаној и непостојаној природи.

Сан је свет у коме се живи: бекством у сан, спасењу се враћамо: паралелном животном путу. Снови су далека стварност, или непостојећа. Само у песми: «Власт су песме», број и симбол, «глас васељенски», мука из њих изрођена.

«Песма - значи човек - треба да уме», «мора да зна», да би била права. То је песникова идеја, поетика коју је засновао по сопственој мери и песми створеној у даху. Човек коме је намењена песма, и сам је творац, уколико се сети, пронађе кључну реч која је чини песмом. Реч је потреба, сила, звук и не само знак. Зато је човек одживи с тугом. Јер «сваки је човек друга песма, ловац на песме».

Песма нашег песника је одживљена, није ненадано дошла. Зачела је живот много пре зачетка њеног творца. У животу понуђене песме нашле су се давне идеје и испричано-испеване истине. У њима је кључ који откључава одговоре на горка, тешка и нерешива питања. Кроз њих се отвара човек у човеку, историја у човеку. Кроз њене лавиринте корача историјска тишина. Само јака реч чврсто одјекује с намером да каже оно што песник у својој промисли хоће: оштро, силно, без тачке. Неисказано се не може речима дочарати. Само душом:

*Човек се познаје по песми
она је његова мера.
Човеку кад дође време,
узму му меру.*

*Постоје људи чију меру
не можеш узети,
јер немаш коме да је даш.*

Песник Стојан Богдановић овим песмама своју меру поклања читаоцима с намером да је «човек – песма», и уз сазнање је очувао људско достојанство у властитој личности.

**Песнички вртлози мисли Мирослава Тодоровића
у збирци *Ветар понад гора***

*«Путник на заранку слуги
песму незаписану, чује је
из тишине видика.»*

Песма као говор универзума која за песника представља пророчки палимпсест у збирци *Ветар понад гора*, уобличава мисао о стању свести човека који у природном амбијенту завичаја, сећањем и ћутањем, пита и тражи одговоре којима ће своје унутрашње не/задовољство оправдати. Завичај, звуци и боје као инспирација за рад и стварање, дијалог са избледелим сликама ликова, трема од прошлости и носталгија и бол у самоћи. као и жалост за изгубљеним лепотама - незаобилазне су теме које се прожимају и нижу кроз песме.

Свестан свог постојања, песник се предаје песми као једином могућем извору патње и задовољства, јаве и сна. У тишини душе развија животворну нит, претурајући по ишчилелим лепотама, проналази је у ватри, симболичној игри речи које чине мозаик песме. Корак даље и откривањем човека кроз речи и потребе за речима, откидањем мисли кроз песму која постоји изван песника Тодоровића, он «пружа руку духа» да је запише, како су говорили Десанка Максимовић и Душан Радовић.

Сећања навиру, ћутање кроз физички рад прожето је болом пролазности. Остају само усамљени снови:

*Мој стих планински је пејзаж
Прибира облак списом висина.*

Остаје само расточена патња и прикупљање мисли о песми као саговорнику, песниковом двојнику:

*Да се склоним у зрно пшенице
Што ми једино преостало
Светли у мраку.*

Лирски субјекат претражује у својим мислима истину о себи и свету, слуша своју песму, тражи реч, чује речи. Након тога наступа смиреност мисли исказана лирском прозом: «Мотрити и осетити невидљиву силу поезије, осећаш да те натапа како те испуњава, а ти и не знајући постајеш њен део и ено: трепериш листак нада овим списом, шумиш немумшто, о-поручујеш мотрити.»

Стање језика у сликама које срећемо у поезији читава се путем симбола, метафора, инверзије, унутарњег гласа који збори, разноврсношћу стихова са опкорачењима, почев од хаику до дневника и поема. Ове језичке варијације дочаравају озвучени пејзаж природе у контрасту са пејзажем душе. Дијалог са даљинама - географским и историјским, са висинама које опсењују мисао и душу, води песника у светлосне даљине, отвара путеве митског и стварносног преплитања. Лирски монолог са, наизглед заборављеним предметима и појавама, оживљава сенке прошлог, и сенке будућег кроз песму која представља вечни говор «свевидну клицу у небо загледану.»

Трагање за смислом повратка и настојање да се временска дистанца песмом преброди, осваја песника. Замисао се продубљује утолико што се открива корен, корени у небу завичаја. Пронађена оаза немира оптерећује свест песника који, више нереченим, мање реченим, плива личним и општељудским хоризонтима. Коликогод да је топос дефинисан, песник настоји да линије земље и неба прошири, продуби, измести, осунча, опролећи. И када себе изједначује са биљком или појавом, и тада његов стваралачки нерв опомиње на ново стварање, и ново сазнање.

Богато животно и песничко искуство, разуђена интересовања, допринела су неформалности приступа песми. Певајући о песми, песник пева о себи. Лирска аутобиографија којом се појашњава песничка и људска физиономија, открива дуго потискивану мисао о пролазности и смрти. Живот је у песмама опеван у различитим манифестацијама, међу њима је нестајање као крадљивац вечне тишине:

*Слушам снег, хуји ветар,
Ветар на огњишту памти
Пепео, талози уз класичну музику студи,
Понад речи ове песме - лозинка неба
У одговор видела.*

Звуци у песмама Мирољуба Тодоровића су знаци који имају моћ трансформације неживог у живо, непостојећег у постојеће. То песник

чини вештим комбинаціјама речи правога и преноснога значења уз спајање са сликама које су, такође, знаци уткани у поезији. Снажна поређења песника са ветром «који зна све језике, листом књиге и тишином, доносе читаоцима сазнања о загонеткама живота који увек може изненадити, као и историја:

*Чути дубоку тишину минулих година,
А живот остане у песми незаписаној,
Спознајући, коначно, мудрост
Која више ништа не пита,
и ни за шта не хаје.*

Поезија Мирослава Тодоровића својом енергијом казује много неизречених истина речју и тишином, а све то чини основу, или дно-темељ, песме. Ту лежи песников циљ: његова поетика поезије-стварања. Обраћање читаоцу или слушаоцу у другом лицу, његов је позив на читање. проналажење смисла онолико колико то мисао и потребе живота захтевају. Његова песма је отворена, песник допушта индивидуалну рецепцију, призива доживљај и учење, откривање оне истине која је вредна људског достојанства:

*Чујеш, невидљива, како звона звоне,
Истину живота тек сад слутиш,
Истину у коју, и не знајући, све тоне.*

Љубав према завичају, природи, земљи хранитељици у песмама ове збирке проширује се на љубав према отаџбинској прошлости. Блиски историјски - ратни догађаји погађају песника и народ, земљу, живи свет. Огорчење помешано са мржњом остаје записано стиховима као опомена и позив на хуманост.

Поетски доживљаји у искиданим сликама песника Љубише Митровића

Изабране песме песника Љубише Митровића смештене у оквире поетске читанке под називом *Дарови хипноса* откривају свет који је оптерећен страдањима и хтењима, доживљајем космоса и откривањем сопственог духа кроз загонетке мисли и речи. Мисли које су опеване кроз искидане слике сећања и доживљаја, песник у својим зрелим годинама покушава и успева да наниже у мозаик који чини пресек његовог стваралачког рада. Урањањем у прошлост, не бришући стварност, откривајући сопствено дно и корене *српства*, уз ватре неспокоја и искиданих сећања, уз помоћ Богородице и молитве за новорођене, песник

развија своје идеје које заснива на потреби за откривањем унутрашњег сјаја и трептаја човека, њему знамом и блиском.

Поетски и људски немири буде сећања на прошлост, детињство, ветрове *Старе планине*, сав онај завичајни свет који је изнедрио лепоте које прате човека и у најтежим тренуцима. Доживљај лепоте и специфичност корена са чијих су се сокова напајали жедни и чежњиви усамљеници, међу којима је и песник Митровић, изнова даје снагу да проговори, испева, искаже мисли о достојанству човека.

Тежња висини и космичком безмерју открива широку мисао која досеже усправним стожером до звезда.

Из жеље да у космичком хаосу нађе мир, рађа се у песнику снага као симбол животне филозофије, безгранична енергија преточена у стихове градијски поређане. Две паралелне равни - земља и небо, функционишу као простор који је био ограничен дубином душе. Символика проистекла из искреног сазнања, из магије тренутка, ширећи слику, шири и душу која је узаврела од жеље да звезданим небом продре у тајне свести света.

У поезији песника горе различите ватре и греју многе светлости, као и у поезији народа из којег је поникао. Оптимизам и у тренуцима неспокоја, обузима песника: то је клица која се не уништава, већ патњом јача, она видљива и невидљива жар - птица која станује у бајци, али и песми Љ. Митровића, њена сенка и стварност.

То трајање у стварности не ограничава мисао и жељу да свако у јединственој прилици пронађе себе:

*Сваки је човек
Свет за себе
Путник на неизвесном путу
Између нас и неке
Удаљене звезде
Милион светлосних година.*

Доживљајем космоса и појава у њему, песник наслућује место човеково и његову духовност огрнуту романтичном песничком мрежицом која титра при сваком уздаху. Окренутост себи, свом песничком узрастању у појединим песмама прераста у сан, те тако везовима у сну, осветљава несвесну нит која игра значајну улогу у животу, откривању смисла кроз чежњу, излазе из вишеструко затворених кругова на хоризонт који се само фантазијом може наслутити.

Расположење у песмама избора о коме је реч, у сталној је метаморфози. Томе доприносе језик који је оснажен унутрашњом видљивом и невидљивом структурном организацијом, ужурбана мисао, сећања у искиданим сликама. Та животворна нит и унутрашњи сјај којим се песник греје у појединим тренуцима, кроз тишину душе, отвара двери природног амбијента у небу завичаја.

Апостофирање родног краја и слављење лепота понетих из завичаја, узбуркало је песникову душу, оживело сенке прошлог и наговестило сенке будућег. Сазнање о смирености мисли након настанка песме испуњава душу песника, богати идеје читалаца. Окреће странице рефлексije из којих истиче река древне филозофије живота.

Бесконачни снови и сећање чине окосницу и загонетку поезије, нарочито у стиховима који својом прецизношћу, краткоћом и симболиком подсећају на хаику. Окренутост свету подједнака је за гледањем у себе као клицом космоса.

Помисао на то да је живот само један јединствени трептај, један уздах, тајна, зрно, прхут - симболизована је у стиховима:

*Између два сна
пребирем по мрежи
шта сам уловио.*

Из бесконачних снова и сећања у већини песама рађа се најлепша химна љубави и лепоти која кроз време у генерацијама вечно траје и богати свет. Бајковита нит извучена из стена Старе планине везује песника за магију којом се живот крунише у низ манифестација. Жеља да убере светлост мудрости и подари је најближима није само симболични знак већ истина која извирује из бића песника - приврженика «корена» којима се усправно држи у животу. Планина о којој пева крије неизмерну силу из које расте, како примећује човек - песник, живот у хиљаду варијанти, са преплетом митова и легенди о чудотворним травама које доносе срећу и предкажују несрећу. Најчешће су то сенке успомена које накратко оживе спремајући песника за ново враћање планини, сазвежђу изнад ње:

*У небеском оку
Заледи се
Божанска суза
Врхови планина
Обелеше.*

Моћна метафора својом бојом, сликом, избором инверзије стихова који се могу трансформисати на више песничких начина не губећи значење, добијајући у снази, указује на визију која се створила притајеним уживањем у загонетке шароликог и маштовитог света. У тој машини, могуће стварности јављају се многоструке и многоврсне љубави: према Србији, историјској прошлости, древним цивилизацијама, човеку и природи. У њима има људске топлине, снаге, благости. Ове вредности осећа и радује им се песник - поетски субјекат који себе види као зрно у звезданој прашини. На тај начин дели «све радости и туге овога света». Управо, су сазнања о вредностима постојања и појавама које покрећу

живот, песник у скривеном кутку свог свесног бића исказује бунт, револт, резигнираност јер глобални свет, као и индивидуални, не може да изађе из замке у којој се саплиће. Истовремено, наступа оправдање јер тајну игре *logosa* ретко ко може достигнути. Туга песника нема граница, као што нема граница жеља да се даљине и близине споје како би географски и психолошки простори били јаснији, а најстарије и новосковане речи и изрази разумљиви свима.

Отвореност поетске речи и мисли Љубише Митровића указује на потребу за новим стварањем ради грађења смисла живота савременог доба у безмерном вртлогу. Као «видар звезда падалица». Зато стихови којима завршавамо изнете мисли уобличавају песникову животну филозофију:

*Човек је космичко чудо
Мало зрно звездане прашине
У ланцу живота беочуг
Универзума.*

Велика истина тражи велику цену

Дубока мисао о свету, постојању, помирењу супротности у дугој културолошкој историји човечанства открива се у забележеним и самостално исклесаним сентенцама насталим испод списатељског пера проф. др Момчила Златановића. И као што непознати јапански хаику песник рече: «Јутро припада птицама», тако мудрости до којих је аутор дошао припадају свима онима уколико схвате да «највећа мука може бити и највећа радост».

Радост читалаца у сусрету са новом и необичном књигом тајновитог наслова *И сан о срећи – већ је бол* расте онолико колико су моћи њиховог духовног сједињења са истинама, чежњама, мудростима исказаним јаким речима. Јаке, језгровите реченице носе у себи дубоке семантичке кодове у које се уграђују искуствене мисли знаменитих песника и филозофа, понајвише лична схватања света и човека у њему и богата традицијска култура која сеже дубоко у прошлост. У тој култури нема граница, све је опште као у једној од мисли: «У језгру мита је димензија универзалног».

Животворна енергија која избија из исказаног, а нарочито неисказаног, у мислима које ову књигу чине богатом, представља глас разума и тврдње да «и у хаосу постоји нека законитост». Неопходна је велика моћ мисли и духа којима се открива живот. Не само речима већ и, како Алфред де Вињи каже: «Само ћутање је силно, све друго је немоћ». Као да се потврђује мисао, до које проф. Златановић држи, о дејству стваралачких, али и рушилачких сила у људској психичкој природи, као што је «и осмех мале девојчице окупан топлим кишом», по песнику Момиру Драгићевићу.

Драматика избија из неизречених делова мисли, нарочито када исписује она вредна животна сазнања о љубави, срећи, животу у пријатељству, сновима. И као да је све то сан који тихо походи оне који у човеку виде благо. Хуманизам који зрачи из стваралачких порука које проф. Златановић шаље представља трактат о тајни човека. То је и мука, јер људски ум је, осим што даје плодотворне идеје, и погрешив. Анштајн каже: «Права вредност човека састоји се у томе у којој мери је, и у ком смислу смогао снаге да се ослободи свога *ја*». То *ја* - проналази проф. Златановић, врло је сложен феномен.

Аутор је у овој јединственој антологији психолог и мислилац јер његову пажњу непрекидно задржава човечја природа и њене тамне и ирационалне дубине. Нарочито га притиска сила и страх. Непознаница човекове природе крије се у сазнању да «човеку мало недостаје да буде срећан. Али и то *мало* није увек оствариво». Не само вера, већ и скептицизам аутора, као животно сазнатљива нит прожима мисли и везује их у целину. Зато оне теку као песма чији стихови казују да и «најлепше ствари на животном путу имају сенку». Овакав мисаони лиризам ниже симболе који потврђују ауторову неодвојивост од традиције, народног говора и архаичних језичких образаца које срећемо при читању. Али, он ни у једној прилици не иде испред себе. Држи се мисли: «Мудар не открива све своје особености».

Дубина слике света исказана принципима естетске логике упућује на ауторову стваралачку и несебичну природу. Та отвореност осећа се из забележених мисли, наизглед обичног србијанског човека. Не треба претраживати антологије или прелиставати велика дела уметника да би се наишло на мудрости исказане конкретним симболима јер «и мали народ може имати велику културу», додајемо, и традицију у којој је «језик тамни вилајет». За јужносрбијанце језик је клопка из које тешко може изаћи и највећи филозоф. То потврђују мисли проистекле из анегдота које је проф. Златановић бележио при свакодневним сусретима са људима речима дијалекта: «Прича старица на пашњаку: - Сама сам, сама. Искочим такој из кућу и станем под само дрво. Оно ме привлачи - две самоће се боље подносив». За старицу је и биљка матица живота јер на себи својствен начин савлађује духовну кризу усамљеника.

У овој књизи, осим наведене привржености сопственој култури и сазнању о њој, путевима мудрости аутор брише границе, географске и историјске, а његове мисли разлежу се у свеопште и опште добро. То чини у својој унутрашњој стваралачкој тишини загледан у слике прошлости, борбен да допре до духовне вертикале како шапуће незнани јапански песник: «Бесплодни цвет постаде семе песме». Сазреле и продуховљене мисли обележиле су године испуњене искуством приврженика лепе речи у доследном остваривању естетичке идеје зачете на почетку свога литерарног стварања, нанизане с намером да држе човека у животу, љубави и коначности. Подсећају на тихо дрхтање након читања као у стиховима:

*Икад се смириши
дрхћу ти крила
лептиру мали.*

Читаоци су дочекали свој тренутак истине откривене у књизи симболичнога наслова *И сан о срећи – већ је бол.*

Закључак

Светови поезије омогућавају просветљење душе онога из чијег пера теку стихови, и душе читалаца. Песници о којима смо проговорили с посебним жаром певају о људскости и потребама откривања човекових размишљања, надања и страховања. Пред њим су путеви, животне буре, праћене јадиковке, али и мисао о начину преживљавања вратоломија које се јављају знано и незнано. Тежња је да се доживи трен који ће показати човекову ауторитативност у мору бесмислица. Сазнања да су многа раскршћа у животу тајновита, опомињу у песничким творевинама наших песника, да је пут до светлости мрачан.

У безнадежним тренуцима песници се обраћају Господу, Богородици, уз мисао да је благомирење и благоречје највећи човек дар, али њега треба заслужити. Најсветлије рачи песници бирају при обраћању свецима. У тим обраћањима назире се бојазан уз молбу за спасење човекове душе од зла. Хуманизам који избија из надахнутих стихова, дубоке мисли које извиру из поменутих стваралаца, уливају се у реку стихова откривајући загонетни спој индивидуа које моле, служе, шапућу, клањају се, клече. Не само пред собом.

Список использованной литературы

1. Богдановић, С. (2007). *Човек песма*. Врање: Учитељски факултет у Врању. **2. Златановић, М.** (2012). *И сан о срећи – већ је бол*. Врање: „Аурора“. **3. Митровић, Љ.** (2008). *Дарови хипноса*. Ниш: Студентски културни центар. **4. Тодоровић, М.** (2010). *Ветар понад гора*. Ниш: Unus mundus, 35/2010.

Стана Смиљковић. Сучасна сербська література в Балканах

Автор статті вказує на розвиток і цінності сучасної сербської поезії і прози письменників Східної та Південної Сербії, на вплив і змішання культур, мов, традицій, тем та ідей. Основну увагу приділено письменнику і вченому Любіші Мітровичу і його космічній поезії, яка характеризується певними особливостями, Мірославу Тодоровичу, поету з продуманим та широким поглядом на світ, який породив чимало нових ідей, поезії математика і філософа Стояна Богдановича та Момчили Златановича, фольклориста, лексиколога і видатного мислителя. У своїх книгах вони говорять в своєрідній манері про людину, її тривалість

життя та прагнення до космічного світла. Деякі книги було перекладено болгарською мовою, і вони стали духовним надбанням поціновувачів літературного слова в Болгарії.

Ключові слова: сучасна сербська література, Балкани, мисль, поезія.

Стана Смильковић. Српска савремена литература у балканском контексту

Аутор овог рада указује на кретања и вредности савремене српске поезије и прозе писаца Источне и Јужне Србије, о утицајима и преплитању култура, језика, традиције, тема и идеја. Главна пажња биће посвећена писцу и научнику Љубиши Митровићу и његовој, по многим особеностима, космичкој поезији, Мирославу Тодоровићу, песнику мисаоне оријентације и широког погледа на светове из којих ничу клице новог, поезији математичара и филозофа Стојана Богдановића и Момчила Златановића, фолклористе, лексиколога и мислиоца. У својим књигама на специфичан начин опевају биће човека у трајању и тежњи ка космичкој светлости. Неке од њих, преводом на бугарски језик, постају духовна својина рецепијената лепе речи у Бугарској.

Кључне речи: Савремена српска књижевност, балкански контекст, мисао, поезија.

Stana Smiljković. Modern Serbian Literature in Balkan Context

The author of this paper points to the development and values of modern Serbian poetry and prose of writers of Eastern and Southern Serbia, as well as to the influence and mixing of cultures, languages, traditions, themes and ideas. A special attention is given to Ljubiša Mitrović, a writer and a scientist, and his cosmic poetry characterized by many peculiarities, to Miroslav Todorović, a poet with thoughtful orientation and a broad world outlook, from which the new ideas arose, to the poetry of a mathematician and philosopher Stojan Bogdanović and to Momčilo Zlatanović, a folklorist, lexicologist and a prominent thinker. In their books they talk in specific way about human beings in their lifespan and striving for cosmic light. Some of them, being translated in the Bulgarian language, became the spiritual property of perceptive readers in Bulgaria.

Key words: modern Serbian literature, Balkan context, thought, poetry.

Стаття надійшла до редакції 11.10.2013 р.

Прийнято до друку 29.11.2013 р.

Рецензент — д. п. н., проф. Лобода С. М.

ХРОНИКА

ХІІ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО» (ЛУГАНСК, 18–19 апреля 2013 года)

Кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко провела XII Международную научную конференцию «Дискурсология: язык, культура, общество» 18 — 19 апреля 2013 года. Конференция проходила в очном и дистанционном режимах (SKYPE, видеоролики).

Проблематика конференции:

1. Дискурсы XXI века: эпистемологические, социально-психологические, лингвокоммуникативные и прагматические признаки.
2. Когнитивная параметризация дискурсивных практик: концепты, метафорические модели, фреймы, паттерны.
3. Дискурс как интерактивная среда. Формы интердискурсивности.
4. Дискурсивная семантика языковых единиц и категорий.
5. Дискурсология vs нарратология. Категории институциональности и персональности.
6. Стиль — текст — дискурс: дифференциальные и интегральные признаки.
7. Университетский образовательный дискурс: соединение традиционного и нового.

В работе конференции приняли участие ученые, представляющие разные страны, города, университеты и научные школы (Киев, Луганск, Львов, Днепрпетровск, Запорожье, Симферополь, Волгоград, Белгород, Томск, Тверь, Краснодар, Ростов, Челябинск, Барнаул, Ставрополь, Омск, Саратов, Астана). Количество участников: 42 человека. Количество зарубежных участников — 16.

Участники конференции представили разные позиции и подходы к дискурсу, обозначили множество новых аспектов дискурсологических действий в области не только лингвистики, но и в целом в гуманитарных науках.

Работало 4 секции. В докладах проанализированы структуры, знаки, категории, обладающие дискурсивной природой и проявляющие себя в определённых коммуникативных действиях. Уровень и характер дискурсологических исследований проявляется в уже сформированных и продолжающих формироваться научных школах. Доклады харьковских коллег (Л. Р. Савченко, Е. В. Кардашовой, Е. В. Чернцовой), преподавателей Днепрпетровского национального университета (Е. И. Панченко, Ю. А. Шепель, А. Е. Коломойченко, Е. Ю. Шевчик),

Таврического национального университета (Л. Е. Бессонова, Н. А. Сегал), кафедры русского языка и речевой коммуникации Кубанского аграрного университета (О. Е. Павловская, Т. Б. Трошева, О. В. Рыбальченко, А. В. Сытина), представителей нескольких гуманитарных кафедр Белгородского университета (Е. А. Кожемякин, Л. А. Гулюк, А. А. Черкашина) и кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Л. Н. Синельникова, Г. П. Джинджолия, И. А. Соболева, В. А. Розсоха, Т. А. Пономарева, Э. В. Минаева) свидетельствуют о поиске собственных путей и возможностей описания философских, филологических, социально-культурных феноменов как проявителей дискурса.

По материалам конференции выпущены «Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки»: Дискурсологія: мова, культура, суспільство» в 2 томах.

*Информацию подготовила
доцент Э. В. Минаева*

РЕЦЕНЗИИ

Пётр Червинский. *Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц.* — Тернополь: Крок, 2012. — 328 с.

Уже в количестве разделов и подразделов рецензируемой монографии ощутима сложность навигационного маршрута, который предлагается пройти читателю, проявившему интерес к языку советской действительности в очень показательном её аспекте — системно-парадигматическом устройстве матрицы номинаций, использующихся для положительной характеристики человека. Закономерности формирования такой матрицы автор связывает с особенностями мировоззрения и языкового сознания носителей русского языка советского времени. Есть все основания усмотреть «свой» путь исследователя эпохи, которая, завершившись хронологически, не стала анахронизмом, поскольку сформированные тем временем значения и смыслы продолжают присутствовать в новом социально-культурном контексте, в сознании, оценках и представлениях носителей языка другой эпохи. Вот как об этом говорит автор: «Язык этот не прекращает своего существования вместе с изменившимся временем, как, скажем, то, что определяют понятием языка советской эпохи. Язык советской действительности, вызванный к жизни этой действительностью, условиями и ментальностью, ею порождёнными, способен меняться, переходя во что-то другое, под действием новых условий, устраняя признаки, делавшие их советскими, но каким-то всё тем же советским, не осознаваемым, образом оставаясь самим собой» (с. 150). Это язык, способный длиться и существовать вне советского времени. Но для того, чтобы понять, что и каким образом «способно длиться», нужно знать, что и как было.

Важен персональный хронотоп автора монографии: до 2000 года — профессор Ростовского университета (Россия), а затем профессор, заведующий кафедрой русского языка Силезского университета (Польша). Этот биографический факт обеспечил благоприятный исследовательский синтез — взгляд изнутри и, по прошествии времени, со стороны. История распорядилась так, что старшее поколение учёных, оказавшись на перекрёстке эпох, по-своему опровергло ставший расхожим афоризм: не дай Бог жить в эпоху перемен, поскольку именно такая «переменная» эпоха естественным образом увеличила поле обзора и уровень понимания социально-языковых проблем.

Итак, предмет исследования в рецензируемой монографии — язык советской действительности. Цель исследования — показать, что это особый язык, задачей которого было создание *желаемого* образа действительности. Действительным для сознания (в том числе для языкового сознания) должно было стать то, что полагалось необходимым

для утверждения господствующей идеологии. Отношения в триаде «действительность — общество — человек» последовательно и целенаправленно пропускались через фильтры регулируемых и контролируемых идей.

В основе механизма формирования человека, действительности и языка лежит, по мнению автора, *принцип генеративного каузатива* (с. 8). Концептуально-генеративная основа делает необходимым видеть в объекте не только социотемпоральную, но и экзистенциальную константу. Каузативность определяется в качестве исходной категории, вмещающей желательное и императивное, внешнее и внутреннее. Можно говорить о советской действительности как таковой и о советском *представлении* действительности. Исследователь называет три проявления советскости: советскость реальной советской действительности («совковая советскость»), советскость идейно советского воображения о ней («вымороченная советскость») и советскость её языка. Действительность, таким образом, квалифицируется как отражённое в языке и текстах общественное и личное существование.

В рецензируемой монографии чётко обозначен новый вектор интерпретации материала: автор ушёл от простого сбора советизмов — узнаваемых, отмеченных временем, лексических, фразеологических, клишированных языковых единиц и представил советского человека как ментально-речевого носителя понимания и восприятия действительности, которая проявляется в приёмах оформления значений, способах речевого воздействия и в разного рода идеологически заряженных манифестациях. Разделением понятий «русский язык советского времени» и «язык советской действительности» П. Червинский обозначил важный дифференцирующий параметр, определяющий направления интерпретации языковых явлений и фактов: «Русский язык советского времени так напрямую не связан с носителями, как язык советской действительности, в отношении их какого-то определённого, в том числе и ментального, плана» (с. 22).

Методология исследования основывается на принципе антропоцентризма и понятии советской языковой картины мира. Советский контекст совместного существования требовал внедрения общих мировоззренческих, социальных, психологических знаний. Важность человеческого измерения в языке вряд ли можно оспорить даже применительно к эпохам, когда человек мог получать в зависимости от обстоятельств характеристику «винтик» одновременно (или разновременно) с характеристикой «героический участник».

Автор монографии восстанавливает советскую языковую картину мира, заполняя матрицу обозначения лиц с семантикой позитива. Акцентируется и подтверждается большим эмпирическим материалом мысль о том, что язык социально-идеологической общности имеет *продуцирующий характер*: с помощью текстов и ритуалов вводятся

сообщения извне, которые далее развиваются, пополняются и, внедряясь в сознание, становятся средством установления особого отношения к действительности.

Советское отношение к действительности отражается в языке. В монографии приведено множество примеров «советских слов» — слов советской действительности, семантика которых непосредственно связана с советской ментальностью и является составляющей советской картины мира. Носителем позитива человека в языковом воплощении является объёмный ряд номинаций: *лётчик, энтузиаст, общественник, коллективист, патриот, интернационалист, гвардеец, большевик, богатырь, герой, орёл, сокол, преобразователь, рыцарь, хозяин* и мн.др. Исследователь тщательно и многосторонне характеризует каждое слово советской действительности, эксплицирует семантические показатели («кванты смысла») с тем, чтобы описать предметно-понятийную область языка советской действительности «как систему и как процедуру в их порождающем и объясняющем проявлении» (с. 39). Так, лексема *стахановец* анализируется как слово языка пропаганды с таким набором признаков: передовой рабочий-ударник, который трудится самоотверженно и бескорыстно с превышением существующих производственных норм во имя общего блага, способствуя тем самым укреплению советского строя. Особенно важно то, что он является примером для подражания. Сравнение с дефинициями толковых словарей советского времени даёт представление о постепенном целенаправленном формировании пропагандистского значения слова. В итоге толкование приобретает характер обобщённого позитивного опыта. Идея советского позитива (*стахановец* — человек, много и плодотворно работающий) «продлевает» жизнь слова, приспособляя его к оценочному контексту постсоветской современности.

«Продуцирующее намерение» в представлении советской действительности выявляется в поощряемо-положительных обозначениях советского человека, в которые закладывается воздействующий, воспитательно-дидактический смысл. Носителями такого смысла могут быть как лексические и фразеологические непосредственно наблюдаемые единицы, так и «речевые контексты, синтаксические конструкции, ситуативные отнесения, пресуппозиции, схемы строения текста, то есть всё то, что можно было бы определить как генеративно-перцептивную базу языка советской действительности» (с. 51—52).

«Просто человеческий позитив» и «советский позитив», по мнению П. Червинского, — существенно различаемые вещи. Есть свой ключ, обеспечивающий вход в систему советского позитива, — это «воплощаемая в человеке-лице идея множасьегося, распространяющьегося, заряжающьего других и заряжаемого от других, когерентно-интерферирующьего участия» (с. 53), то есть участия в процессе создания необходимого представления желаемой

действительности. Человек, втянутый в общий процесс созидания советской действительности, предстаёт в четырёх проявлениях: в роли действующего лица системы, идентифицируемого по признаку позитива; в роли деятеля, исполнителя определённого рода действий; в роли носителя важного, необходимого, с точки зрения системы, признака; в роли представителя группы (объединения, совокупности, множества), входящей в общее социальное поле. Названные ролевые проявления: действительность, деятель, обладатель и представитель — автор кладёт в основу матричного представления позитивных значений, фиксирующих место светского человека в советской системе.

Предлагается ряд методик выявления маркеров пропагандистского языка советской действительности, проявленных в словарных дефинициях, в парадигматических и синтагматических связях слова. Описание этапов формирования семантики слова (30-е — 40-е годы, 70-е — 80-е годы, отчасти постсоветское время) можно оценить как значимое лексикографическое действие автора, позволяющее наглядно представить эволюцию отношений между языком и обществом. В монографии представлено и подвергнуто тщательному анализу множество ролевых действий советского человека. Назовём только некоторые классифицирующие позиции.

Наделённость / отмеченность — характеристика, предполагающая признак, приписываемый лицу и отделяющий его от других. Этот признак может быть внутренне свойственным (кумулятивным) или придаваемым извне (аддитивным). Сравнение лексем *герой*, *боец* (по характеру), *энтузиаст*, *общественник* (по призванию), с одной стороны, и *светило*, *светоч*, *маяк*, *гигант* (науки, мысли, труда), с другой, позволяют увидеть отличия кумулятивности от аддитивности.

Принадлежность / нужность приписывается лицу как имманентное или придаваемое свойство на основе отнесённости к общности, к определённой его группе, общественно значимому коллективу: *красноармеец*, *интербригадовец*, *известинец*, *краснопутловец* (принадлежность), *плановик*, *кадровик*, *агроном*, *председатель* (нужность). Отнесённость к общественно значимому коллективу («общественная нужность») становится основанием для положительно-одобрительной характеристики человека.

Причастность / поставленность определяет лицо в его отношении к деятельности в системе: *авроровец*, *целинник*, *бамовец* (осуществление задач внутреннего характера), *агроуполномоченный*, *двадцатипятидесятничник*, *инструктор*, *группкомсорг* (реализация идейных и политических задач). На этих основаниях лицо определяется как проектив — проекция отношения к общим целям и задачам.

Действующий / организуемый — фиксация в слове способности к действию в желаемом для системы направлении: *боец*, *борец*, *защитник*, *страж* (оценка активной общественно-политической

деятельности), *юнармеец, пионер, комсомолец, коммунист, колхозник* (участие в действиях, определяющих отношение к системе).

Каждая из дихотомических позиций в дальнейшем изложении уточняется через расширение круга признаков, образующих «мотивационную сферу обладателя как потенциального действующего, способного, когда будет надо и если потребуется, в должном и нужном, направленном и направляемом, отношении, ради целей, во имя системы, себя проявить» (с. 64). В итоге классификации приобретают фасеточный характер, и слово попадает в несколько классов на основе тщательного структурирования семантики (нередко с добавлением и словообразовательных признаков) с опорой на социальный контекст.

Многочисленные иллюстрации, уточнения и объяснения сопровождают выстраивание мозаики языка советской действительности, советского словоупотребления как особой функциональной сферы, особого речевого узуса. Советский человек в этой сфере — это тот, кто не просто участвует (или пока ещё не участвует, но вынужден будет участвовать) в общественной жизни, а тот, кто испытывает призвание к подобного рода деятельности, способен к ней по внутренним качествам; это человек, который заботится не о своём благополучии, а о благополучии всего общества, в том числе общества будущего.

Предметом представления объёмной парадигматической системы языка советской действительности являются не столько слова как таковые, сколько признаки именно советского словоупотребления, для которого характерны свои контексты и клише, отображающие семантический код советского представления действительности. Слова, входящие в советскую парадигматическую систему, имеют многовалентное устройство, включающее как реализованный в вербальной семантике код советского человека, так и потенциальный смысловой резерв (возможное, предполагаемое значение, обусловленное соответствующим контекстом). «Валентное движение» обнаруживают номинации: *фронтовик, блокадник, сталинградец, чернобылец, афганец, льготник, гвардеец (гвардеец пятилетки, молодая гвардия страны), богатырь (богатырь революции, пятилетки, труда), орёл* (красные орлы), *сокол* (сталинские соколы), *рыцарь* (рыцарь революции), *хозяин* (молодые хозяева страны), *гигант* (науки, мысли, труда), *сын* (*рабочего класса, страны Советов*), *отец* (*отец народов*), за каждой из которых закреплено представление о человеке как носителе драматичного пережитого и переживаемого «советского опыта». «Единицы и формульные их сочетания могут быть как явными, так и неявными, осознаваемыми, полусознаваемыми и не осознаваемыми, как категориальные ориентиры системной парадигматики. Смыслом работы было вывести и показать в общем действии то и другое и третье на примере обозначения лиц советского позитива» (с. 309).

В основу многочисленных классификаций положен рекурсивный принцип — принцип трансмиссии: один показатель коррелирует с другим, через посредство другого с третьим, с четвёртым и т.д.

Складывается системная иерархичность признаков слова, которую автор, действуя по принципу воронки (от множества фактов к их объединению в группы), представляет в облегчающих понимание выводного знания схемах.

Обилие интерпретируемых лексем, неоднократное обращение к номинациям позитива с новых позиций делает, как нам кажется, необходимым составление словника проанализированных слов, возможно, с указанием страницы (страниц), на которой произведён анализ слова.

Семантика слов и словосочетаний или их употребление связаны с советизированным смыслом. Слова с семантикой позитива погружаются в «контекст окружения», для которого характерно представление о советском государстве как организованной и направляемой массы трудящихся, сходным образом мыслящих, то есть морально и ценностно устремлённых к одной цели. Человек, действительность и язык — такова «троичная императивность» (с. 306) феномена «язык советской действительности».

Результаты проведённого исследования дают возможность соотнести языковую парадигму с ментальной, мировоззренческой, аксиологической, то есть эксплицировать смысловой код языка советской действительности. Советская действительность последовательно связывает мировоззрение и семантику. Становится понятным (что важно и для последующих поколений и историографов), что представляла собой воспитывающая человека среда с признаками советскости, в каком направлении шло формирование сознания масс.

Описать языковую единицу в таком виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка, вряд ли возможно, и, по мнению психологов и психолингвистов (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская и др.), выражение «языковое сознание» нельзя признать удачным. В то же время ментальное существование личности включает *образы сознания*, овеществлённые в слове. Анализируемый труд дал модель сознания советского человека, «овнешнённую» (выведенную во внешний мир) с помощью языка.

Время меняет отношение к прошлому. Советская система перестала действовать, и физических носителей целостного (и ценностного) советского представления о мире становится всё меньше. Но это не означает, что исчез феномен, который можно назвать «поколенческой семантикой», носителями которой являются люди, основывающие жизненные ценности на вербальном и невербальном опыте прошлого, и в этом случае модель «там и тогда» не переходит в анахронизм, а занимает пространство «здесь и сейчас». Отсюда реакция не только на другую, современную, действительность, но и отношение к номинациям, появившимся в этой новой действительности. Отсутствие контекста совместного существования не мешает сохранению в структуре ряда слов социальной семантики советского образца для

людей, стремящихся сохранить прошлое в настоящем. В этом случае мы имеем дело с когнитивной ригидностью — неготовностью к построению новой концептуальной картины окружающего мира при получении дополнительной информации, которая противоречит старой картине мира.

Рецензент по определению не может превзойти знания автора, его задача — понять изложенное и, по возможности коротко представив понятое, привлечь внимание тех, кого интересует обозначенная в названии монографии проблема. Наш интерес связан с дискурсивной обусловленностью применения советизмов в постсоветскую эпоху. Изменился образ триады «действительность — общество — человек», и семантические факторы делают очевидную уступку структурно-функциональным и функционально-стилистическим. Взаимодействие лексики советского времени и новой (заимствованной или возвращённой архаической) нередко лежит в основе новых дискурсивных практик и новых текстовых форматов, большая часть которых сохраняет стилистический приоритет за иронией. В советское время ирония могла иметь место только в диссидентских текстах, во всех остальных случаях (и примеры, включённые в рецензируемую монографию, об этом свидетельствуют) этот приём не идеологизированного мышления не мог найти применения, а точнее — был просто опасен. В функционировании заложены потенции изменений семантики, то есть прокладывается путь от одной эпохи к другой, от серьёзного и пафосного к ироническому. Монографию П. Червинского, в которой семантика позитива в обозначении лиц в советской действительности интерпретируется в связи с когнитивными факторами целеполагания, адаптации, поддержания образца, можно оценить как добротный исходный материал для описания дискурсов с другим целеполаганием, интеграцией и образцами.

Что и в каком семантическом качестве осталось от советского времени в новом дискурсивном поле — предмет особого интереса и особых целенаправленных исследовательских действий. Но даже минимальное прикосновение к этой проблеме говорит о многом. Так, советизм *маяк* (о ком-либо или о чём-либо, выступающем в роли указателя пути к чему-то значимому, высокому) остался в прошлом, современные тексты фиксируют только прямое значение слова — особого устройства фонарь для освещения; частота использования слова для называния производств, организаций свидетельствует, скорее, об амбивалентности (совмещённости) прямого и переносного значений, что характерно для слов тематической группы «свет, огонь». Советизм *общественник* не выходит за пределы текстов о советском времени и советском человеке (словосочетания *активный общественник*, *опытный общественник*). Советизм *страж* (защитник советского строя и советской идеологии) перешел либо в исторические тексты, либо употребляется для иронического называния представителей охранной службы. Своеобразна судьба советизма *стахановец*: с расшифровкой

«передовик производства» слово используется только в художественном нарративе о советском времени; а вот «осколки» сюжета о Стаханове можно встретить в разговорной речи в форме *даёшь стране угля; пахал, как Стаханов; выискался стахановец* и под. (см. материалы Национального онлайн-корпуса русских текстов нового времени; электронный адрес: URL <http://ruscorpora.ru>).

Семантика позитива в обозначении лиц в новых условиях может перейти в свою противоположность, и признаки советскости чаще всего получают неприязненную, осуждающую и ироническую оценку. Но, чтобы понять такого рода метаморфозы, увидеть смену текста под влиянием нового контекста, важно знать, как что и как было в условиях, когда советскость имела целостный позитивный смысл — причастность к советской системе. Такому пониманию, безусловно, способствует исследование П. Червинского, научный труд которого полностью подтверждает тезис: взгляд назад — стимул для движения вперёд.

Проф. Л.Н. Синельникова

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Барінова Ольга Віталіївна — аспірант кафедри загального та російського мовознавства факультету української та іноземної філології та мистецтвознавства Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

Коло наукових інтересів: аспектологія, лексикографія сучасної російської мови, функціональна граматики.

Бик Ігор Степанович — кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри іноземних мов факультету міжнародних відносин Львівського національного університету імені Івана Франка.

Коло наукових інтересів: теорія і практика перекладу, соціолінгвістика, дослідження дискурсу, міжкультурна комунікація.

Грищенко Олена Володимирівна — кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри англійської філології ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: лінгвокультурологія, лінгвоконцептологія, дискурсологія.

Джинджолія Гігла Паршаванович — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: мова і картина світу; мова і культура; поетика, прагмастилістика; сучасний публіцистичний дискурс.

Кучик Галина Богданівна — здобувач кафедри іноземних мов факультету міжнародних відносин Львівського національного університету імені Івана Франка.

Коло наукових інтересів: політична лінгвістика, політичний дискурс, документи міжнародних організацій.

Масленников Ігор Сергійович — асистент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: комунікативістика, дискурсологія.

Матросова Ірина Віталіївна — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: дискурсологія (гендерний дискурс).

Мінаєва Елла Вікторівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: концептологія, лінгвістична гендерологія, лінгвопоетика.

Пономарьова Тетяна Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: лінгвопоетика, когнітивна лінгвістика.

Розсоха Андрій Володимирович — аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: текстологія, іронічний дискурс, міжкультурна комунікація.

Розсоха Валентина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: лінгвістична поетика, лінгвокультурологія, комп'ютерна лінгводидактика.

Синельникова Лара Миколаївна — доктор філологічних наук, професор, завідувача кафедрою російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: лінгвістична поетика, соціолінгвістика, лінгвокультурологія, дискурсологія, паблік рілейшнз.

Соболева Ірина Олександрівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського мовознавства і комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: соціолінгвістика, риторика, мова ЗМІ.

Стана Смількович — професор Нишського університету, факультету підготовки вчителів у м. Вране.

Сунчица Деніц — професор Ниського університету, факультету підготовки вчителів у м. Вране.

Трошева Тетяна Борисівна — доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови та мовленнєвої комунікації Кубанського державного аграрного університету.

Коло наукових інтересів: православний дискурс, мова і культура, паремійний фонд російської мови.

Фомберг Олег Олександрович — аспірант кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: сучасний комп'ютерний дискурс.

Червинський Петро Петрович — доктор філологічних наук, професор Сілезького університету (Польща).

Коло наукових інтересів: семасіологія, етносемантика, політичний дискурс, мова ЗМІ, лексикографія, лінгводидактика.

Есаулова Інна Юрївна — аспірантка кафедри російського мовознавства та комунікативних технологій ДЗ «Луганський національний університет імені Тараса Шевченка».

Коло наукових інтересів: категорія невизначеності в дискурсивному вимірі.

Наукове видання

ВІСНИК
Луганського національного університету
імені Тараса Шевченка
(філологічні науки)

№ 24 (283) грудень 2013

Відповідальний за випуск:
В. О. Розсоха

Коректори:
Е. В. Мінаєва, Т. О. Пономарьова

Здано до склад. 29.10.2013 р. Підп. до друку 29.11.2013 р.
Формат 60x84 1/8. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 20,11. Наклад 200 прим. Зам. № 214.

Видавець і виготовлювач
Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.
e-mail: alma-mater@list.ru
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.